

#12 (40), 2018 część 3

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#12 (40), 2018 part 3

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Po-
land

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Джусупова Д.Б., Бағыткалиева Г.С., Нурлыбай А.Н., Раева М.М.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОДНЫХ ЭКОСИСТЕМ КАЗАХСТАНА	4
<i>Otgon S., Li L.i, Shareef M., Mukanyandwi V.</i> CHARACTERIZATION OF LONG-TERM SEASONAL CLIMATE AND ITS IMPACT ON RUNOFF OF KHARKHIRAA RIVER IN WESTERN MONGOLIA	7

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Новохатько Л. М.</i> "СПЕЦИФИКА СПІВРОБІТНИЦТВА КОМПАНІЙ ЗВУКОЗАПИСУ З ВИКОНАВСЬКОЮ ТА КОМПОЗИТОРСЬКОЮ ТВОРЧІСТЮ Т. МОНКА"	18
---	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Веремейчик С.В.</i> ОСОБЛИВІСТЬ СПІВВІДНОШЕННЯ РОЗУМІННЯ СУТНОСТІ ДУШІ У ФІЛОСОФСЬКІЙ РЕФЛЕКСІЇ ПЛАТОНА ТА АРИСТОТЕЛЯ	23
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Dorosh N.I., Kuzminska A.E.</i> THE ROLE OF INTERNAL AUDIT IN ENTERPRISE IMPORT OPERATIONS RISK MANAGEMENT	28
<i>Karp I. M., Virkovska A. A.</i> LOGISTICS IN THE GLOBAL FOOD INDUSTRY	34
<i>Зырянова Т.В., Загурский А.О.</i> НАЛОГОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АПК	38
<i>Лутфулов М.Д., Баховутднов Д.Х.</i> ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ УСЛУГ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	41
<i>Леонтьев Р.Г.</i> ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ И БАЗА СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ	46
<i>Зокиров М.А., Хомитов Д.Ш.</i> МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА	55
<i>Golovko V.I., Sharmanska V.M., Tsybulnyk M.O.</i> QUANTIFICATION VALUATION OF CASH FLOWS BASED ON ACCOUNTING DATA	58

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Евсюкова А</i> КИБЕРВОЙНА И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ	67
<i>Пчелинцев А.В., Судоргина Е.В.,</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	73

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

Джусупова Д.Б.

доктор биологических наук,
профессор кафедры географии, экологии и туризма,
Казахский национальный педагогический университет им. Абая

Багыткалиева Г.С.

бакалавр,
Казахский национальный педагогический университет им. Абая

Нурлыбай А.Н.

бакалавр,
Казахский национальный педагогический университет им. Абая

Раева М.М.

бакалавр,
Казахский национальный педагогический университет им. Абая

Jussupova D.B.

doctor of Biological Sciences,
professor of the department of geography, ecology and tourism,
Abai Kazakh National Pedagogical University

Bagytkalieva G.S.

bachelor,
Abai Kazakh National Pedagogical University

Nurlybay A.N.

bachelor,
Abai Kazakh National Pedagogical University

Rayeva M.M.

bachelor,
Abai Kazakh National Pedagogical University

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОДНЫХ ЭКОСИСТЕМ КАЗАХСТАНА

ACTUAL ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF WATER ECOSYSTEMS OF KAZAKHSTAN

АННОТАЦИЯ. Рассмотрены причины и последствия экологических проблем крупнейших водоемов Республики Казахстан – Аральского, Каспийского морей и озера Балхаш.

Ключевые слова: Аральское море, Каспийское море, озеро Балхаш, экологические проблемы, нефть и нефтепродукты

SUMMARY: The reasons and consequences of environmental problems of the largest reservoirs of the Republic of Kazakhstan – the Aral, Caspian seas and Lake Balkhash are considered.

Keywords: Aral Sea, Caspian Sea, Lake Balkhash, environmental problems, oil and oil products

Цель исследования: показать влияние антропогенной деятельности в результате чего нарушился естественный режим водных экосистем, увеличился объем загрязнения, усилился процесс опустынивания и изменения климата. Ухудшение условий жизни местного населения привело к росту заболеваемости и повышению смертности людей.

Дефицит воды стал одним из серьезных вызовов настоящего тысячелетия и уже привел в ряде регионов мира к ухудшению экологического состояния природной среды, усыханию и загрязнению озерных и речных экосистем, росту заболевания населения.

Состояние водных ресурсов является ключевой экологической проблемой, препятствующей устойчивому развитию Казахстана. При современном низком уровне орошения, водные ресурсы ис-

пользуются почти полностью, что является неблагоприятным фактором дальнейшего социального и экономического развития нашей республики.

Большая часть Казахстана находится в зоне недостаточного увлажнения. Обладая значительными природными ресурсами, в первую очередь нефтью и газом, Казахстан добился огромных успехов, однако вода, как важный ресурс имеется в ограниченном количестве, причем там где она имеется она не всегда пригодна для использования человеком.

Наличие и состояние водных ресурсов является жизненно важным фактором, имеющим определяющее влияние на экономическое развитие страны. В тоже время общее состояние и качество водных ресурсов в Республике Казахстан значительно ухудшается, и их интенсивное загрязнение может оказать разрушительное воздействие на окружающую среду [1].

По водообеспеченности Казахстан занимает последнее место среди бывших союзных республик. Удельная водообеспеченность равна 36,4 тыс.куб.м на 1 квадратный км и 6,0 тыс.куб.м на одного человека в год.

Потребности населения в питьевой воде удовлетворяются как за счет стоков рек, так и за счет подземных вод, значительные запасы которых имеются почти во всех областях. Главным источником, питающим реки Казахстана, является ледники, площадь которых равна почти 2 тыс.кв.км, объем – более 98 куб.км.

Основное внимание в настоящее время необходимо сосредоточить на состоянии водных ресурсов главных водных артерий рек Сырдарья, Иртыш и Или, проблеме Аральского и Каспийского морей, озера Балхаш.

Озеро Балхаш является третьим по величине в Казахстане бессточным водоёмом. Котловина озера вытянута и расчленена. Подводным порогом озеро делится на Западную и Восточную части, соединенные узким (5-6 км) проливом Узунарал. В Западном Балхаше вода слабо солоноватая, а в восточной части – соленая, с высоким уровнем минерализации.

Значительное влияние на качественный состав воды Балхаша оказывает также низкая водность и забор воды на орошение из основных источников питания озера - рек Или, Каратала и Лепсы, причем в вегетационный период сток в устьях Каратала и Лепсы практически отсутствует.

Озеро Балхаш обладает большими запасами пресных подземных вод. Их общие прогнозные эксплуатационные ресурсы составляют 17,5 куб.км. Потребление воды в бассейне хозяйствующими субъектами и населением составляет сейчас 3,729 куб. км. Объём стока в бассейне оз. Балхаш составляет 22,51 куб.км. Приток поверхностных вод - 18,51 куб. км, подземных - 0,9 куб.км, осадки и лед - 3,1 куб.км. Жилищно-коммунальным хозяйством потребляется 243,97 тыс. куб.м в год, промышленностью 219,14, сельским хозяйством 3238,67, на рыбное хозяйство 26,9 тыс.куб.м. Уровень озера в мае 2010 года составил 341,87 метров.

В последние десятилетия экологическая обстановка Прибалхашья начало заметно ухудшаться. С началом интенсивной хозяйственной деятельности увеличился объём загрязнения, нарушился естественный режим экосистемы, включая гидрологический режим озера.

Основными загрязняющими веществами озера являются тяжелые металлы, нефтепродукты и фенолы. В течение года содержание меди превышает предельно допустимые концентрации (ПДК), достигая в 13% случаев высокого уровня загрязнения. Превышение ПДК цинка за год составила 48%, нефтепродуктов 62%, фенолов 20%. [2].

Одной из самых крупных экологических проблем в Казахстане и в Центральной Азии является проблема высыхания Аральского моря.

Появлению Аральской проблемы предшествовало зарегулирование стока рек, впадающих в Аральское море, с целью решения двух крупных в

масштабе экономических задач. Первой задачей было создание значительных гидроэнергетических мощностей. Второй – резкое увеличение площади орошаемых земель в государствах Центральной Азии [3].

К настоящему времени площадь поверхности Аральского моря сократилась более чем на половину, уровень воды упал на 19 метров (с отметки 53 м до 35,8 м абсолютной высоты). Водоём разделен на две акватории - Большое и Малое моря, питающиеся соответственно остатками стока рек Амударья и Сырдарья. Море отступило от берегов на 100-150 км, оставляя за собой свыше 33 тысяч квадратных километров бывшего морского дна, с которого выдуваются и выносятся далеко за пределы Аральского моря более 75 млн. кубометров соли и токсичной пыли в год. Суммарный поток пыле-солевого аэрозоля по экспертным оценкам в радиусе до 100 км от акватории достигает от 1,3-1,5 т/га до 2,0-2,3 т/га. В зоне от 100 до 300 км массы выпавший пыле-солевого аэрозоля составляют от 0,5-0,6 т/га до 1,0 т/га.

В результате резко ухудшилась экологическая обстановка региона, за счет опустынивания, изменения экосистем Приаралья, горных стоков, водно-солевого режима зоны земледелия, регионального и глобального климата.

В зоне экологической катастрофы расположено 178 населенных пунктов с населением 186,3 тыс. человек. Обеспеченность питьевой водой составляет 25%, в основном из открытых водоемов и привозной водой.

Ухудшение условий жизни, питания и труда местного населения Приаралья привело к росту заболеваемости и повышению смертности людей. При обследовании проживающего в Приаралье казахстанского населения почти у 70% людей обнаружены отклонения в здоровье по экологическим причинам. Онкологические заболевания в этих местах возросли в 15-20 раз.

Каспийское море - самый крупный в мире внутриконтинентальный водоем не связанный с Мировым океаном, площадью более 398000 км³. Расположено оно во внутренней части Евразии, и является удивительным созданием природы. В то время как на северном берегу свирепствуют лютые морозы и снежные метели, на южном расцветают магнолии и абрикосовые деревья. В Каспийском регионе находятся пять государств: Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран, в прибрежной зоне которых проживает более 5 млн. человек. Каспийское море обладает безмерной красотой, многообразием экосистем и богатыми запасами природных ресурсов, до настоящего времени не полностью изученных и не используемых рационально. Каспийское море имеет климатообразующее значение и уникально тем, что донесло реликтовую флору и фауну, в том числе крупнейшее в мире стадо осетровых рыб (90 % мирового запаса). В Каспийском море обитает более 500 видов растений и 850 видов животных. Каспий является главным миграционным путем и местом обитания

водоплавающих и береговых птиц. Неоценима роль Каспийского моря в развитии экономики Республики Казахстан в связи с ростом потребностей мирового сообщества в природных ресурсах. Прикаспийский регион для Казахстана имеет исключительно важное стратегическое значение как в настоящее время, так и в ближайшей перспективе.

В настоящее время в Казахстане Прикаспия образовались ряд сложных взаимосвязанных экологических проблем. В последние годы наметилась устойчивая тенденция сокращения земельных площадей и пастбищ Прикаспия, пригодных для сельскохозяйственной деятельности. Этот процесс происходит под воздействием деградации, опустынивания, перенасыщенности различными химикалиями и вторичного засоления более чем 50% всех прикаспийских орошаемых земель.

В результате техногенной деятельности возрастает угроза деградации и даже полного уничтожения каспийской биосистемы. Так, начиная с 1990 года, с территорий прикаспийских государств в Каспийское море было выброшено 4,5 тонн вредных биогеофитов, 28 тонн плавающих тел, 27 тонн сульфата, 3,15 тонн хлоридов. Доля Казахстана в загрязнении водных ресурсов Каспийского моря составляет 21% от общего объема загрязнения [4].

Основными источниками загрязнения Каспийского моря являются:

1. Вынос загрязняющих веществ с речными стоками

Места поступления загрязняющих веществ с речными стоками на 90% сосредоточены в Северном Каспии. Так ежегодно в бассейн Волги сбрасывается 2,5 км³ неочищенных и 7 км³ условно очищенных сточных вод, в речных стоках которой обнаружено содержание токсических веществ выше предельно-допустимой концентрации:

- нефтепродуктов от 8 до 60 раз,
- фенолов от 3 до 35 раз,
- тяжелых металлов от 3 до 13 раз.

Основное загрязнение Каспия речными стоками со стороны Казахстана происходит с реки Урал. В море поступают ионы тяжелых металлов, концентрация которых превышает предельно допустимую концентрацию (ПДК) в 4 – 12 раз.

2. Сброс неочищенных коммунально-бытовых, промышленных и сельскохозяйственных вод с побережья.

На побережьях Каспийского моря сосредоточено 200 крупных городов и более 220 источников промышленных выбросов. Ежегодно сбрасывается примерно 39 км³ сточных вод, из которых 8 км³ содержат более 1000 химических соединений, включая и токсичные.

Города и поселки городского типа, достаточно интенсивно влияют на состояние прибрежных вод Каспия. С территорий государств Юго-Западной промышленной части Каспийского моря в сутки сбрасывается около 300 млн. м³ неочищенных стоков и более 100 тыс. м³ токсинов.

С территории Республики Казахстан ежегодно в море поступает различные химические удобрения, используемые в сельском хозяйстве (до 80% фосфора антропогенного происхождения). Среди них опасными для биоресурсов моря являются пестициды – типа гексахлорциклогексан и другие стойкие органические загрязнители.

3. Эксплуатация нефтяных и газовых скважин

Значительными источниками загрязнения Каспия прибрежными странами являются морские нефтепромыслы. Опыт освоения нефтегазоносных месторождений показывает, что даже при нормативном режиме добычи нефти каждая буровая установка является источником множества загрязнений, в которые входят твердые, жидкие и газообразные компоненты. В среднем в водную среду поступает от одной скважины:

- нефть 30 - 120 тонн;
- буровые выработки 200 - 300 тонн;
- буровой шлам 150 - 400 тонн.

Доля уровня загрязнения Казахстаном каспийских вод нефтепродуктами в последние годы находится на уровне 0,07-0,21 мг/л (1-4 ПДК), концентрация фенола составляет 0,003-0,009 мг/л (3-9 ПДК), синтетические поверхностно-активные вещества (СПАВ) – 0,008-0,029 мг/л (1-3 ПДК).

4. Судоходство и транспортировка нефти водным путем

Водный транспорт является источником загрязнения морской акватории Каспийского моря, так как при его эксплуатации происходит утечка топлива и сброс промывных вод, содержащих нефть, нефтепродукты и синтетические поверхностно-активные вещества (СПАВ) в море.

Высокий уровень шума от кораблей отрицательно влияет на существование морских животных, происходит оглушение некоторых видов рыб, изменяются миграционные маршруты.

5. Вторичное загрязнение

Новым параметром экологической безопасности в Каспийском регионе является проблема вторичного загрязнения. Этот процесс связан с поднятием уровня Каспийского моря, которое приводит к затоплению промышленных и хозяйственных объектов. Многие токсические вещества, попадают в море и становятся причиной его вторичного загрязнения. В результате этого процесса на прибрежной территории Казахстана под угрозой возможного затопления оказались 45 нефтепромыслов, месторождений нефти и газа, среди них уникальные. Это является угрозой не только биологическому разнообразию, но и всей экосистеме Каспийского моря. К угрозе существования подверглась и фауна Каспийского моря, где сосредоточено 90% мировых запасов осетровых рыб, большое количество видов орнитофауны, эндемик – каспийский тюлень [5,6]. Загрязнение акватории нефтью является не только приоритетной национальной экологической проблемой Казахстана, но и наиболее крупной международной проблемой всего Каспийского региона. Последствия от загрязнения вод Каспия приводят к

колоссальным экономическим и экологическим потерям.

Таким образом, развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, связанное с увеличением антропогенной нагрузки на водные экосистемы республики, жизнеобеспеченность местного населения, требует выработки действенного механизма государственного контроля за состоянием водных ресурсов. Требуют своего решения и вопросы межгосударственного сотрудничества между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном по использованию водно-энергетических ресурсов трансграничных рек. Отсутствие такого сотрудничества чревато возникновением кризисных ситуаций, которые могут принести значительный экологический и экономический ущерб странам региона.

Список литературы

1. Джусупова Д.Б., Нуртаев С. Охрана водных ресурсов – важный фактор устойчивого развития

Казахстана. - //Вестник КазНПУ им. Абая, 2009, №1, С.73-76.

2.Международный экологический форум «Балхаш 2005». Сборник материалов и докладов. - Алматы, 2005.

3.Диагностический доклад «Рациональное и эффективное использование водных ресурсов Центральной Азии». - Ташкент-Бишкек, 2007.

4. Вторая международная научно-практическая конференция «Эколого-экономические проблемы освоения Каспийского шельфа (сентябрь 2007 г.) // Нефть и газ, 2007. №6.- С. 97-99.

5. Абиева Л.К. Экологическое состояние почвенного покрова территории нефтегазовых промыслов Восточного Прикаспия. - //Нефть и газ. 2004, №2, С. 105-116.

6. Кукса В. И. Южные моря Аральское, Каспийское, Азовское и Черное в условиях антропогенного стресса. - СПб.; Гидрометеоздат, 1994. - 319 с.

Otgon Shinebayar

*Master student at University of Chinese Academy of Science
and Xinjiang Institute Ecology and Geography,
Chinese Academy of Science*

Li Lanhai

*Professor at Xinjiang Institute of Ecology and Geography
Chinese Academy of Sciences*

Shareef Muhammad

*PhD graduate (researcher) at Xinjiang Institute Ecology and Geography,
Chinese Academy of Science*

Mukanyandwi Valentine

*Master student at Xinjiang Institute Ecology and Geography,
Chinese Academy of Science*

CHARACTERIZATION OF LONG-TERM SEASONAL CLIMATE AND ITS IMPACT ON RUNOFF OF KHARKHIRAA RIVER IN WESTERN MONGOLIA

ABSTRACT: The present study intended to assess the impact of changing climate on runoff of the Kharkhiraa River in western Mongolia by analyzing long-term climate and runoff data, which mainly included daily mean temperature, total precipitation and daily mean runoff for the period of 1975–2015. Regression and path analysis tools were used to analyze the annual and seasonal changes in regional climate, and its direct and indirect impact on river runoff. Results revealed that annual daily mean temperature significantly increased by 2.85°C from 1975-2015 with an increase of 4.22°C in winter, 4.79°C in spring, and 1.63°C in the autumn. In contrast, total mean annual precipitation significantly decreased during study period by -20.91 mm, with the maximum of -25.78 mm in summer season. Consequently, the daily mean runoff decreased by $-0.17\text{m}^3\text{ s}^{-1}$, with a maximum of $-1.35\text{ m}^3\text{ s}^{-1}$ in summer season during 1975-2015, which can be directly linked with long-term variation in precipitation and indirectly with temperature of the Kharkhiraa river basin. The impact of precipitation on winter and spring runoff was more pronounced than other seasons. Likewise, path analysis also showed more distinct direct effect of annual, winter and summer precipitations on daily mean runoff, than daily mean temperatures of neither annual nor seasonal, except in winter. Thus, it is concluded that the impact of total precipitation on runoff generation of Kharkhiraa river has been much larger than that of daily mean temperature.

Keywords: Climate change; Kharkhiraa river basin; Path analysis; River flow.

Introduction

Water resources in arid and semi-arid regions are normally generated from geographically elevated mountainous areas where, the precipitation occurs either as rainfall or snowfall. In the past century, evidences of global climate change have been reflected in increasing temperature, increased variability of precipitation, and reduction in the areas of both glaciers and

snow cover [1-3]. In addition, the increased population and associated human activities have aggravated changes in the water resources and their spatial and temporal distribution within the region, and also affected the local ecological conditions [4]. Several studies have explored the effects of changing temperature and precipitation on water resources and the runoff of

rivers [5, 6]. In the United States, an increase in the average temperature and precipitation was observed through the 20th century, where the climatic change affected both the volume and time-based pattern of river runoff [7]. It has also shown that the variation in river streams for long periods is produced by large-scale atmospheric circulation patterns due to the climatic change [8]. However, it is noticed that the ejections of precipitation rate and runoff associated with climate change are important sources of information for the utilization of global water resources and the prevention of risks such as floods [9, 10]. The impacts of climate change on river runoff and regional water resources have been widely highlighted as an important topic under climate change.

Temperature rise, especially in the cold seasons, is negatively correlated with snowpack [11, 12]. However, the snowpack dynamics are affected by the changes in precipitation forms and snowmelt regimes, which are primarily influenced by the variation in temperature [13]. The water sources of rivers in mountainous basins basically comprise of melt-water from the snow-covered peaks or glaciers in the high-altitude mountains [14], seasonal snowmelt in the mid-range Mountains, and occurrence of rainfall in low elevation mountains [15]. The seasonal snowmelt and precipitations often result in the highest river flow during both spring and summer seasons [16]. The highest flow occurring due to seasonal snowmelt during the months of April and May is referred as spring snowmelt highest flow [17], and the highest flow driven by the precipitation occurring between June and August is referred as summer highest flow [16]. Both the spring snowmelt peak flow (SSPF) and summer peak flow (SPF) can cause severe damage by floods in lowland areas, which could be reduced or avoided through a thoughtful and precise understanding about the characteristics of long-term climatic variation and efficient mitigation strategies in a specified region.

In Mongolia, the mean annual air temperature increased by 1.56°C from 1940s to early 1990s, particularly because the winter and spring/fall temperatures increased by 3.6°C and 1.5°C, respectively, while the temperature in summer slightly decreased by 0.3°C [18-20]. However, temperature rise during 1940–2003 was recorded even higher, indicating clear warming from the beginning of the 1970s and intensifying towards the end of 1980s, which reveals the general warming trend for the entire Mongolia [21]. In addition, it is also pointed out that such changes in temperature varied both in space and time from 1961 to 2001, in which the warming was 4°C in winter and 0.9°C in summer in the Khovd region of the Altai Mountains, and only 0.8°C in winter and 0.5°C in summer in Dаланзадгaд of the southern Gobi [22]. A slight increase in precipitation during the second half of the 20th century also occurred, and these changes were statistically insignificant [23]. However, the scenario generated by existing climate change models shows a temperature rise with 2–8°C from 2000 until 2099 for Mongolia, both in summer and winter [24]. Compared with the baseline time period of 1961–1990, the time slices of

2020s, 2050s and 2080s, Batima [23] proposed a future winter warming of 0.9–8.7°C and summer warming of 1.3–8.6°C, with a precipitation change by -3% to 11% in summer, and by 13–119% in winter, whereas, snow cover would decrease by 27–51%, and the evapotranspiration increase by 13–91%. The changing pattern of temperature and precipitation and its consequences on melting of glaciers and ice covers are obvious, which have eventually affected the rivers runoff all over the globe. Different opinions have been reported on the impact of increasing temperature on runoff volume. Some studies showed that increasing temperature can reduce the streamflow in snow melting season because of less glacier mass caused by glacier retreat [25-27]. Others concur that increasing temperatures tend to induce the glacier retreat and increase runoff through a rise in melt-water amount [28-30]. The forest-steppe ecotone of semi-arid Mongolia located at the northern fringe of Central Asia between the arid Gobi-desert zone in the south and cold-humid Taiga of Siberia is the western part of Mongolia, which is highly sensitive to environmental changes. The climatic conditions in this region are usually controlled by global circulation system of different climatic components [31-33]. Topographically, the region is dominated by Kharkhiraa and Turgen mountains, which are covered by a thick layer of snow, occurring from late autumn till early spring [34]. The melt water coming from these mountains is the source of two different rivers, which later join together and are known as Kharkhiraa Turgen river basin. However, the pattern of long-term seasonal climatic variation in this region and its impact on the flow of the Kharkhiraa river has not been reported in literature so far. Therefore, the objectives of the present study were to analyze the variations in seasonal temperature and precipitation patterns, identify the key climatic factors influencing seasonal and annual runoff, and their direct and indirect impact on the Kharkhiraa river runoff through path analysis with long-term climatic and runoff data.

Study area

This study takes the Kharkhiraa River basin as study area, which belongs to central Asian drainage basin in the north-west of Mongolia that includes the Uvs Lake and Tes river basin. With a peak altitude of 4037m above sea level (asl), the river originates from the Kharkhiraa mountain ranges and drains after 126.5 km into Uvs Lake. The Kharkhiraa mountain coordinates are 49°35'8.36 "N, and 91°22'3.49 "E with snow cover above a height of 3078 m asl, from where the river originates: so, named as Kharkhiraa river. The river begins from 2982 m asl of the Kharkhiraa Mountains as an unnamed small river with some frozen white swamps, which at 2922 m asl, combines with small pins of snow, ice, glacial, and rainwater. The rivers flow from the mountainous steppes of the Kharkhiraa Mountains, and along with some other small unknown rivers drains into the Uvs Lake with the coordinate of 50°04'13.5" N, 92°27'20.5" E. The total catchment area of Kharkhiraa river basin is 3332.7 km². However, the total area above Tarialan hydrology station is 738 km² at 2502 m asl, which has been the trust source of river runoff and

climatic data. The mean width of river is 10-30 m, the depth is 0.25-0.5 m, and the mean flow rate is 1.0-1.5 m/s.

Location of the study area

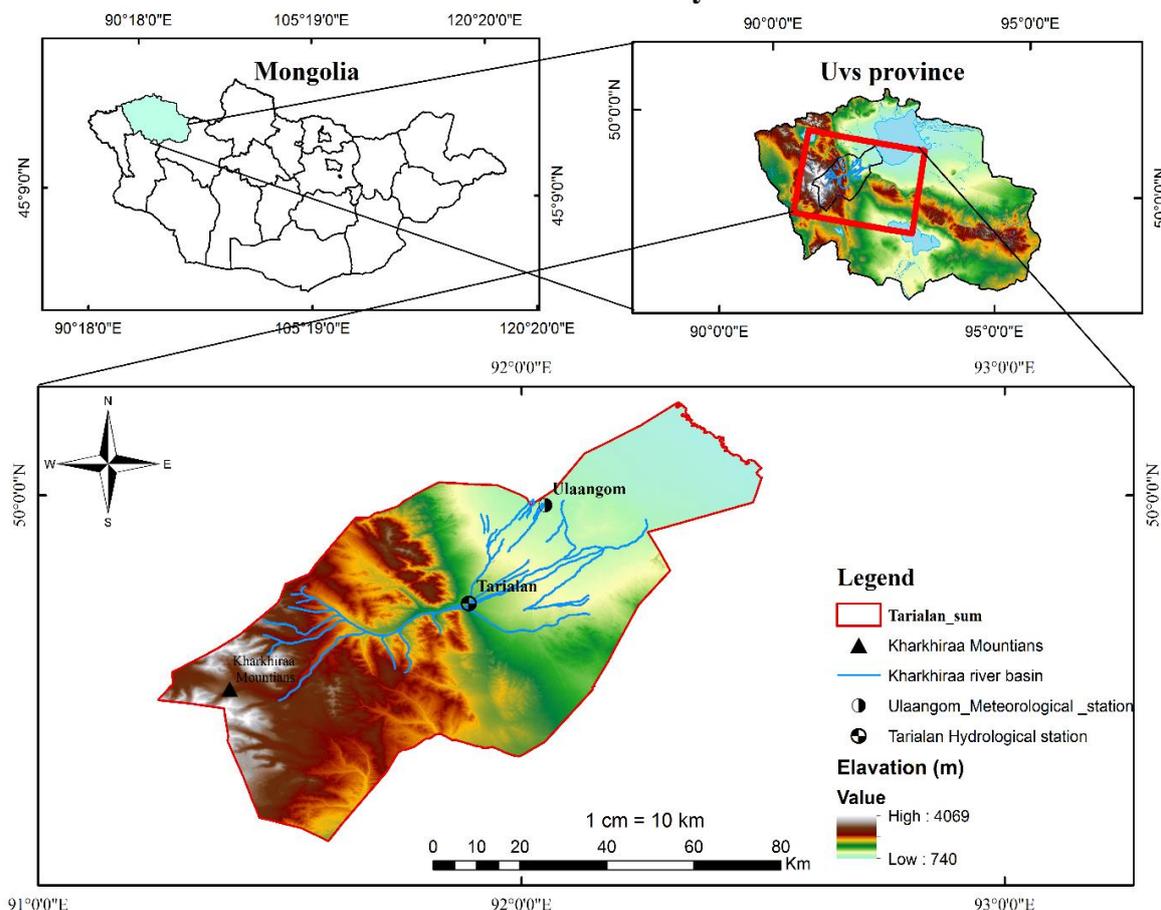

Figure. 1 Geographical location of the study area and stations (Tarialan hydrological station and Ulaangom metrological station) on the map of Mongolia.

Methodology

This study employed the long-term weather data of annual and seasonal temperature (°C) and precipitation, obtained from a meteorological station located in Uvs province as it is the only one in the area and the

runoff data of Kharkhiraa river (m³/s), obtained from a hydrological station which situated near the Kharkhiraa river. Both stations are located in the areas around the Kharkhiraa river, whose geographical information are listed in (Table 1).

Table.1.

Geographical information of the hydrological and meteorological stations from where the climate and runoff data were obtained.

Station	Longitude	Latitude	Elevation	Data	Period
Tarialan	91° 55' 45.4"	49° 41' 51.2"	2502 m	Temperature Precipitation	1975-2015
Ulaangom	92° 04' 40.23"	49° 58' 17.26"	939.1 m	Runoff	1975-2015

Stations recorded these data mainly for the use of regional Research Institute of Meteorology, Hydrology, and Environmental Studies. In the present study, these data were used to investigate the variation in runoff of the Kharkhiraa river for the period 1975 to 2015, due to changing regional climate. The dataset used in this study included daily mean air temperature and total precipitation time series from Ulaangom meteorological station and daily mean runoff time series from Tarialan hydrological station.

Regression analysis

Simple regression analysis was used to define the types of correlations and describe the changes in characteristics of temperature, precipitation and runoff time series in this study [35]. While, the linear equation of regression analysis, developed by Xuemei, Lanhai [35] was used to estimate hydrological and climatic parameters.

$$y = \beta_1 t + \beta_0$$

Where, y is precipitation, temperature ($^{\circ}\text{C}$) or runoff (m^3/s), and β_1 and β_0 refer to regression slope and the intercept, respectively, while t indicates the time.

Path analysis

Correlations among the climatic and hydrological parameters were analyzed in this study, which is the measure of relationships between dependent and independent variables. However, path analysis is found to be the most suitable method for segregating direct and indirect effects of correlating variables [36]. The rela-

tions in the path analysis is sketched in a diagram (Figure. 2) in which the double-headed arrow shows correlation between the effect causing variables, while the single-headed arrows point from the causing variable to the affected variable. This analysis gives a path coefficient which reveals direct effect of the variables of cause on the variable of effect. The coefficients determined from correlation analysis are standardized, while a path coefficients of regression analysis are unstandardized [35].

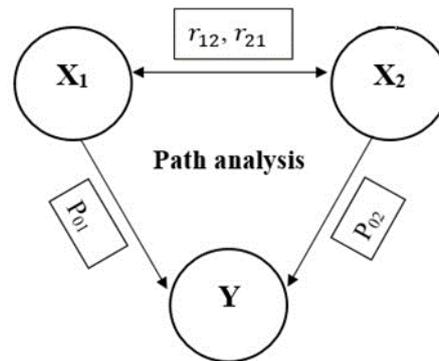

Figure. 2 Diagram indicating the basic framework of direct and indirect effects using path analysis.

The estimated path coefficients are inscribed with two subscripts. Path coefficient from the variable X_1 to variable X_2 is denoted as r_{12} , r_{21} , which indicates the indirect effect on Y (runoff). On the other hand, coefficients from X_1 to Y and X_2 to Y are denoted as P_{01} and P_{02} which reflect the direct effects of independent variables (X) on dependent (Y), respectively. The correlation index R^2 was measured statistically that reflects the reliability by which the cause variables explain the effect variables.

The path coefficient is defined as, if the correlations between the cause (X_1 , X_2) and effect (Y) variables exist, then they can be estimated using following equations [35].

$$\begin{aligned} r_{10} &= P_{01} + r_{12}P_{02} \\ r_{20} &= P_{02} + r_{21}P_{01} \end{aligned}$$

In these formulas, r_{10} is the coefficient of correlation between the effect X_1 and result Y variable, while r_{20} indicates correlation coefficient between the cause X_2 and result Y variables. However, r_{12} , and r_{21} are the coefficients of correlations between the cause variables X_1 to X_2 and X_2 to X_1 , respectively. Whereas, P_{01} is path coefficient from variable X_1 (temperature) to variable

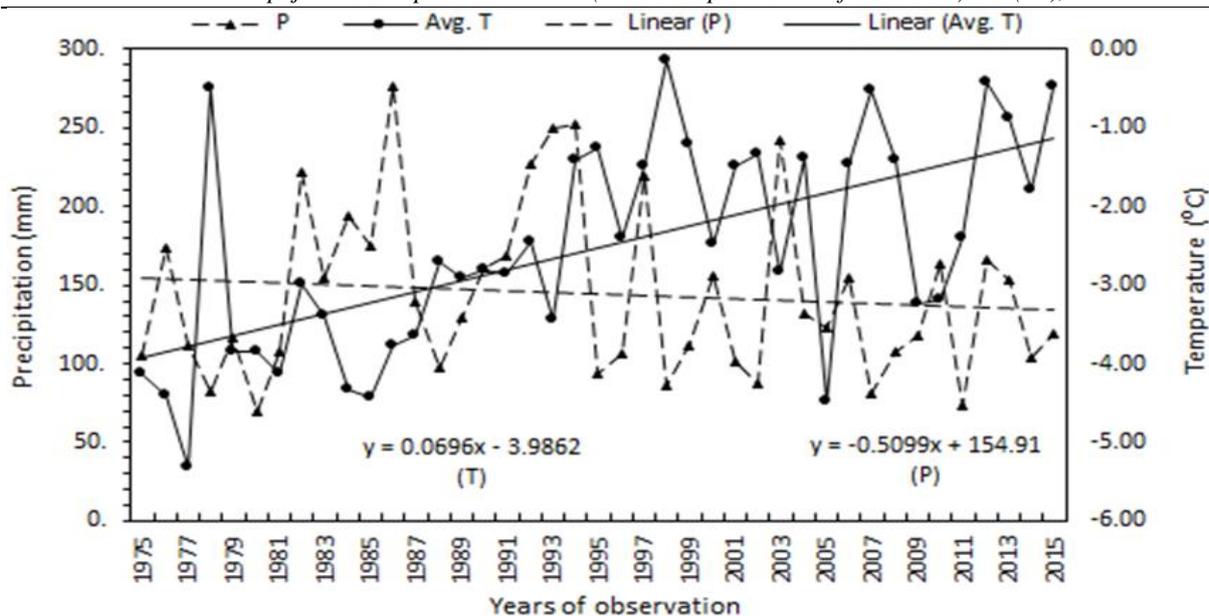
Y (runoff) and, P_{02} is the path coefficient from variable X_2 (precipitation) to result variable Y (runoff).

Overall, P_{01} and P_{02} in equations 2 and 3 indicated direct effects of cause variables X_1 and X_2 on result variable Y , respectively. On the other hand, $r_{12}P_{02}$ in equation 2 and $r_{21}P_{01}$ in equation 3 represent the indirect effects of variable X_1 (temperature) on result variable Y (runoff) through X_2 (precipitation) variable, and the variable X_2 (precipitation) on the result variable Y (runoff) through variable X_1 (temperature), respectively. The ultimate aim of this path analysis was to understand relationships between the hydrological (runoff) and climatic (temperature and precipitation) attributes of the study area, based on available data.

Results

Characteristics of long-term temperature

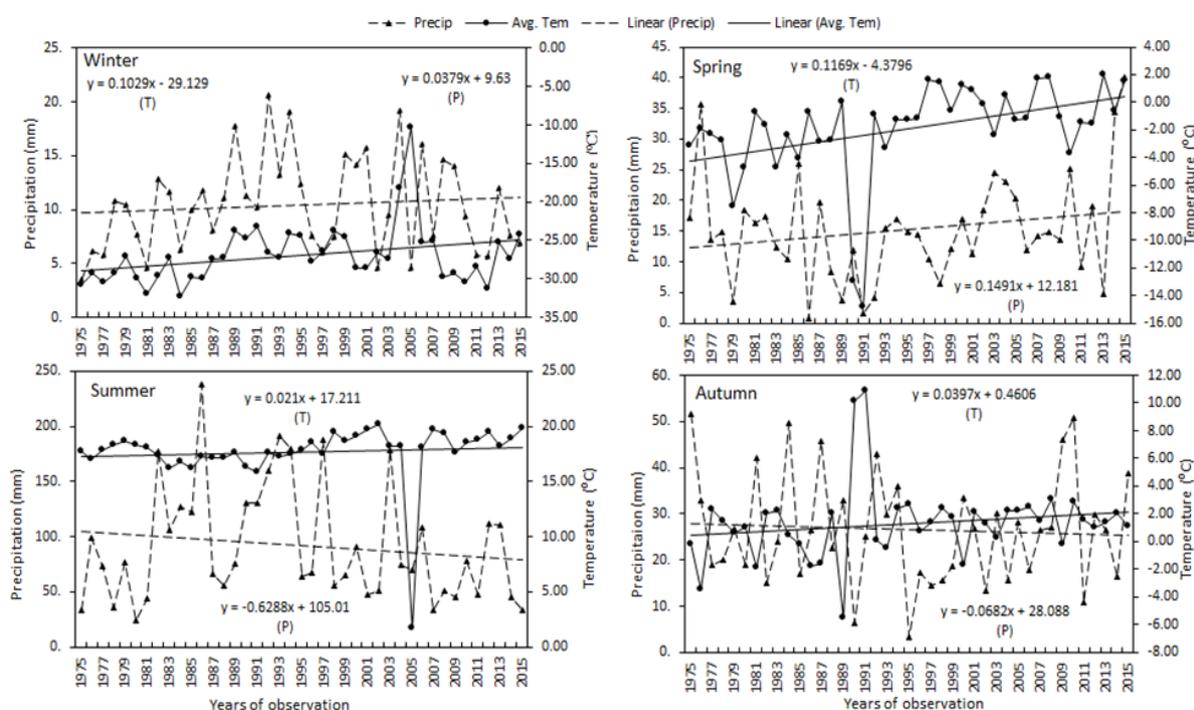
The analysis of long-term annual and seasonal climate of the Kharkhiraa river basin, western Mongolia reveals an overall warming in the study region (Figure.3). Trend line shows significant rise in mean annual temperature from -4.0°C (1975) to -1.3°C (2015), indicating an annual daily mean temperature (AN-DMT) rise by 2.85°C from 1975 to 2015.

Figure. 3 The trend analysis of the annual mean temperature (AN-MT) and total precipitation (TP) time series during the period of 1975-2015 in Kharkhiraa River basin.

On the other hand, long-term seasonal analysis showed significant ($P < 0.05$) variation in seasonal daily mean temperature (DMT) from 1975-2015 (Figure. 4). It is obvious from the trend lines that DMT of winter (WI), spring (SP), summer (SU), and autumn (AU) seasons changed from -33°C , -4°C , 16.50°C , and 0.7°C in

1975 to -25.0°C , 0.38°C , 18°C , and 2.1°C in 2015, respectively. In addition, detailed analysis showed that WI-DMT, SP-DMT, SU-DMT, and AU-DMT increased by 4.22°C , 4.79°C , 0.86°C and 1.63°C , respectively (Figure. 4), revealing significant change in the temperature in the study site.

Figure. 4 The trend analysis of temperature and precipitation for season's (WI-DMT, SP-DMT, AU-DMT, SU-DMT, and WI-TP, SP-TP, SU-TP, AU-TP) time series during the period of 1975-2015 in Kharkhiraa River.

Characteristics of long-term precipitation

Long-term climate data (1975-2015) of the Kharkhiraa river basin show that total annual precipitation successively declined from 157 mm in 1975 to 120 mm in 2015 (Figure 3). However, its declining trend on an average was determined as $-0.5099 \text{ mm yr}^{-1}$. From

another aspect, the observations show that average annual total P (AN-TP) during the period of 1975-2015 was 144.20 mm with the maximum total P of 276.8 mm in 1986 and the minimum of 69.6 mm in 1980. In addition, the trend lines show that total precipitation in winter (WI), spring (SP), summer (SU), and autumn (AU)

changed approximately from 9 mm, 12 mm, 105 mm, and 25 mm in 1975 to 10.8 mm, 17.5 mm, 80 mm, and 25 mm in 2015, respectively (Figure. 4). Furthermore, the seasonal assessment of precipitation data revealed that overall P in winter and spring seasons increased while in summer and autumn seasons substantially decreased. In winter and spring, the mean annual increase in P was $0.0379 \text{ mm yr}^{-1}$ and $0.1491 \text{ mm yr}^{-1}$, while its decline rate in summer and autumn was determined $-0.6288 \text{ mm yr}^{-1}$ and $-0.0682 \text{ mm yr}^{-1}$, respectively (Fig. 4).

Long-term annual and seasonal runoff of Kharkhiraa river

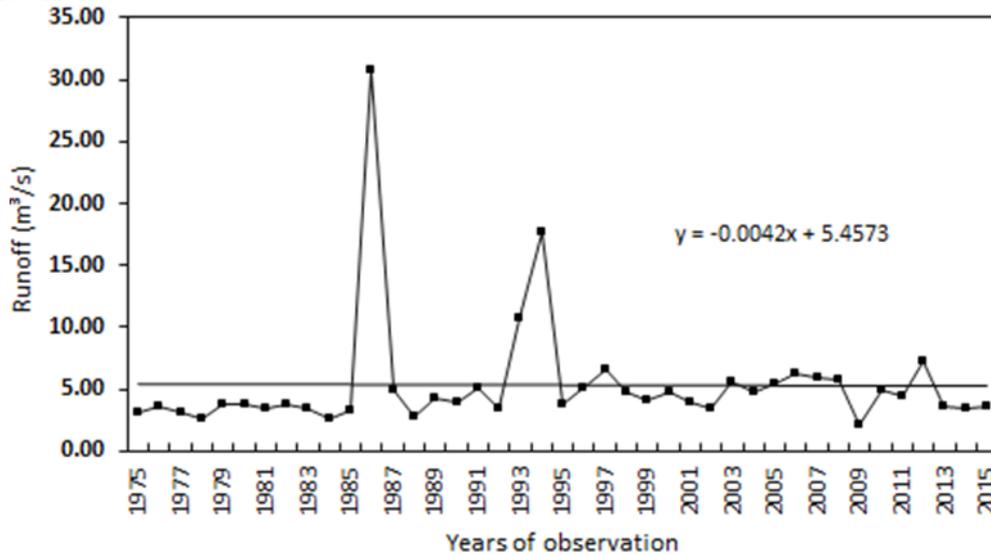

Figure. 5 They trend analysis of annual daily mean runoff (AN-DMR) time series during the period of 1975-2015 in the Kharkhiraa River.

The mean values of winter daily mean runoff (WI-DMR), spring daily mean runoff (SP-DMR), summer daily mean runoff (SU-DMR), and autumn daily mean runoff (AU-DMR) of the Kharkhiraa river during 1975-2015 were $2.37 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, $4.08 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, $24.02 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, and $8.00 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, respectively. Along with, the trend line shows that daily mean runoff of winter (WI), spring (SP), summer (SU), and autumn (AU) changed from

The long-term (1975-2015) runoff analysis of the Kharkhiraa river revealed an average of $5.37 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ for last four decades that was recorded at the Tarialan hydrological station, northwest Mongolia. The period of 1975 to 2015 indicated significant changes in daily mean runoff of the Kharkhiraa river, which is obvious in the trend line that shows $6 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ in 1975 to $5 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ in 2015 with an annual average decline of $-0.17 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$. On the other hand, these long-term data also showed the maximum total annual runoff of $30.80 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ in 1986, and the lowest $2.11 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ in 2009 (Figure. 5).

$2.3 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, $4.2 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, $24.5 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, and $6.5 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ in 1975 to $2.6 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, $3.8 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, $23 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, and $8.5 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ in 2015, respectively (Figure 5). However, the mean values of WI-DMR and AU-DMR showed increase by $0.07 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ and $0.83 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, while the mean values of SP-DMR and SU-DMR decreased by $-0.84 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ and $-1.35 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$, respectively (Figure.6). Comparatively, the change in SU-DMR was more significant than other seasons.

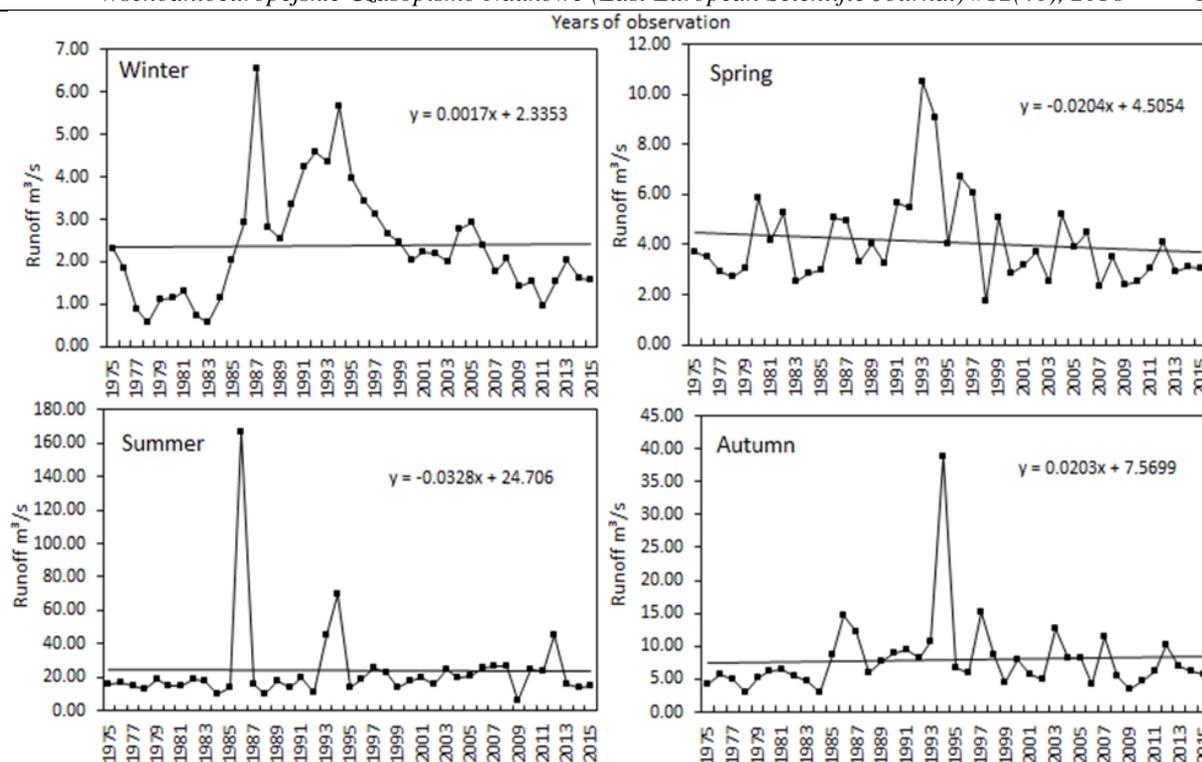

Figure. 6 They trend analysis of daily mean runoff for seasons (WI-DMR, SP-DMR, SU-DMR, AU-DMR) time series during the period of 1975-2015 in the Kharkhiraa River.

Impact of temperature and precipitation on runoff

The impact of climatic components on runoff of the Kharkhiraa river was assessed through regression and correlation analysis. The coefficients of correlations between DMT and DMR, and TP and DMR were calculated on annual and seasonal basis, while, their regression values have been presented in (Table. 2). The correlations showed that impact of long-term AN-DMT on AN-DMR was non-significant, while AN-TP affected AN-DMR significantly ($P < 0.01$) with regression coefficient of 0.5778. DMT and TP are believed as the

foremost driving factors of DMR of the Kharkhiraa river, but the effect of TP on runoff was more significant than that of DMT during the period of 1975 to 2015 (Figure. 6). The coefficients of seasonal correlations revealed that DMT of winter affected DMR of Kharkhiraa river, whereas, DMT of other seasons did not affect DMR significantly during 1975 to 2015. Contrarily, the regression analysis also showed that WI-TP, and SU-TP had a significant impact on WI- and SU-DMR, whereas, TP of spring and autumn did not affect mean daily runoff substantially (Table. 2).

Table.2.

Regression analysis showing impact of annual and seasonal climatic components on the annual seasonal runoff of the Kharkhiraa river during 1975-2015.

Pearson correlation coefficient	AN-DMR	WI-DMR	SP-DMR	SU-DMR	AU-DMR
AN-DMT	-0.0082				
WI-DMT		0.3594*			
SP-DMT			-0.0922 ^{ns}		
SU-DMT				-0.0104	
AU-DMT					
AN-TP	0.5778**				0.0354
WI-TP		0.3213*			
SP-TP			-0.0893 ^{ns}		
SU-TP				0.5703**	
AU-TP					0.0518

Note: *- significant, **highly significant, ^{ns} –no significant at 0.01 level, AN-DMT- annual daily mean temperature, WI-DMT- winter daily mean temperature, SP-DMT- spring daily mean temperature, SU-DMT-summer daily mean temperature, AU-DMT-autumn daily mean temperature, AN-TP- annual total precipitation, WI-TP- winter total precipitation, SP-TP- spring

total precipitation, SU-TP- summer total precipitation, AU-TP- autumn total precipitation, AN-DMR- annual daily mean runoff, WI-DMR- winter daily mean runoff.

The path analysis

The assumption for path analysis is that a significant linear correlation relationship between cause variables and effect variables exists. Table. 3 reveals the

direct and indirect impact of climatic factors including temperature and precipitation on runoff of the Kharkhiraa river, western Mongolia. The path coefficients show that direct effect of temperature was found significant only in winter with the highest value of 0.4206, while annual and other season's DMTs did not have significant direct impact on DMR. In contrast, as

for as precipitation is concerned, the path analysis showed maximum significant ($P < 0.01$) direct impact of AN-TP (0.5795) on runoff that was followed by SU-TP and WI-TP (Table. 3). However, the indirect impact of T on R through P and P on R through T was non-significant except in autumn season.

Table. 3.

The path analysis direct effect values and in direct effect values in Khakhiraa River.				
Period	Path coefficient			
	Direct effect		Indirect effect	
	r_{10} (T and RO)	r_{20} (P and RO)	r_{12} (T and P)	r_{21} (P and T)
Annual	-0.1289 ^{ns}	0.5795**	0.5778 ^{ns}	-0.2089 ^{ns}
Winter	0.4206*	0.3897*	0.1905 ^{ns}	0.1905 ^{ns}
Spring	-0.1082 ^{ns}	-0.1058 ^{ns}	0.1795 ^{ns}	0.1795 ^{ns}
Summer	-0.0862 ^{ns}	0.5716**	-0.1330 ^{ns}	-0.1330 ^{ns}
Autumn	0.0145 ^{ns}	0.0375 ^{ns}	-0.4036*	-0.4036*

Noted: *- significant, ** - highly significant, ^{ns} – none significant at 0.01 level. T- temperature, P- precipitation, RO-runoff, DMT-daily mean temperature, TP-total precipitation, DMR- daily mean runoff.

Discussion

This study is the first independent characteristic analysis of long-term annual and seasonal climate of the Kharkhiraa river basin and its impact on river runoff. The analysis is mainly based on observed data of daily mean temperature and daily precipitation in the region, and daily mean runoff of the Kharkhiraa river from 1975-2015. As a key climatic factor, the annual daily mean temperature increased by 2.85°C from 1975 to 2015 (Figure. 3). These results accord with 2.26°C rise in temperature in the Uvs province of Mongolia during 1940 to 2011 [37]. Moreover, according to long-term seasonal analysis, WI-DMT and SU-DMT increased by 4.22°C and 0.86°C, respectively (Figure. 4), indicating significantly more warming in cold seasons than in hot seasons. Consistent with these results, in [21] Batima reported warming in winter by 4°C and in summer by 0.9°C in the Khovd region of the Altai Mountains during 1955- 2005 [21].

This temperature rise can be attributed to global warming due to increased anthropogenic activities within the region and, also in those neighboring regions which are supposed to have direct influence on the climate of the study region. In the line of these interpretations, numerous earlier studies have reported significant anthropogenic impact on global warming, that is the leading cause of rising global temperature [38, 39]. The seasonal analysis of this study indicated that, among four seasons, an increase in daily mean temperatures of winter and spring seasons was more pronounced than those in the summer and autumn seasons in the past (Fig. 4). Consistent with these results, Apsite, Bakute [40] also reported that the increased mean air temperature of winter and spring seasons had more significant impact on annual mean air temperature of the region than that of summer and autumn. In the second assessment report on long-term climate change in Mongolia, it has also been reported that, over the period of 1901-2009, the warming trend in Mongolia was particularly strong in the cold season (between

November and March), with an increase of 2.4°C in the mid-latitude semi-arid area of Asia and large warming trends ($> 2^\circ\text{C}$ per 50 years) in the second half of the 20th century was observed in the northern Asian sector [21].

On the other hand, this study shows that total amount of annual precipitation decreased in the Kharkhiraa river basin during 1975-2015, irrespective of rise in AN-DMT. These results are similar with Chu, Xia [41], whom also reported decreased precipitation with increasing DMT in Haihe river basin of China. In addition, the occurrence of uneven precipitation among the seasons was also observed, showing substantial increase in winter and spring seasons, and decrease in summer and autumn (Figures. 3 and 4). This increase in daily P of winter and spring might be the consequence of increased evapotranspiration due to increased warming during these seasons in the period of 1975-2015. In accordance with these illustrations, Lee, Nadolnyak [42] also reported that, a drastic temperature rise in a particular place may lead to remarkable change in precipitation amount and pattern as well. Similarly, Houghton, Albritton [43] have also noted the same interaction between temperature rise and total P, while even, there have been an extensive debate on this concern, and a broad consensus among climate scientists is that there would be a notable change in precipitation patterns due to substantial rise in regional temperature. However, despite of an overall increase in regional temperature (2.85°C) of the Kharkhiraa river basin during 1975-2015, the decline in annual, summer and autumn total P would have been due to significant reduction in total ET of the region because of declining ET sources, such as snow cover area, surface water, and the vegetation. Accordingly, Nagler, Glenn [44] found that vegetation index of a region is strongly correlated with ET which is directly responsible for developing regional precipitation patterns. While, on the other hand, Khrutsky and Golubeva [45] and Lehmkuhl [46] also agreed that the glacier or snow cover area of Turgen-Kharkhiraa mountains is facing continuous decline, which is the principal source of surface water.

It is obvious from long-term data that the runoff of Kharkhiraa river significantly fluctuated during the period of 1975 to 2015, and among the climate factors,

the precipitation affected it directly more than the air temperature. These results also agree with Uniyal, Jha [47], Wang, Zhang [33] and Chang, Zhang [48] who reported that precipitation has a direct significant influence on the stream flow runoff of rivers. Likewise, earlier than that, de la Paix Mupenzi and Li [49] also projected that changing precipitation pattern may have a strong impact on the runoff of Kaidu Rive in northwest China. However, in the present study, as long-term data showed that total annual precipitation of the Kharkhiraa river basin substantially declined over time, so, the runoff of the Kharkhiraa river also reduced by $-0.17 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ (Figure.5). In accordance with these interpretations, Zongxing, Yuanqing [30] explained that snow covering on high mountains is the key water reservoir for building the downstream flow of rivers, while Li, Xu [50] anticipated that increased global warming can strongly affect the hydrological process and precipitation in the glacial parts, resulting in a positive change in rivers runoff. From these illustrations, it can be easily understood that air temperature has a strong indirect association with river runoff (also obvious in Figure. 2) by affecting the snow cover and precipitation patterns. On the other hand, as total annual precipitation decreased from 1975 to 2015, resulting in a significant impact on the runoff of Kharkhiraa river, this impact can be attributed more to seasonal distribution pattern of precipitation than its total amount of occurrence. The results of this study (Figure. 3, Figure. 4.) also confirm this illustration by showing a great fluctuation in the seasons of the period from 1975 to 2015).

Conclusion

In conclusion, the present study intended to assess the impact of changing climate on the runoff of Kharkhiraa River in western Mongolia by using long-term climate and runoff data. The annual daily mean temperature significantly increased by 2.83°C during 1975-2015. Precipitation, specifically in summer season, significantly decreased by -25.78 mm , which showed a significant direct effect on the summer runoff with a decrease of $-1.34 \text{ m}^3 \text{ s}^{-1}$ during the period of 1975-2015. On the other hand, observations revealed that runoff of the Kharkhiraa river in western Mongolia was directly affected by changing precipitation and indirectly by changing daily mean temperature. The impact of temperature on runoff was significant only in winter, while other than total annual, the winter and summer precipitations also affected runoff significantly. Together, this study shows that the impact of changing climate in the Kharkhiraa river basin on the river runoff was obvious during the period of 1975-2015. However, following this study, future forecasting of the impact of this climate change scenario on water resources and runoff of the Kharkhiraa and other related rivers with the use of modelling approaches is inevitable.

Acknowledgements

This work was sponsored by the projects jointly-funded by Xinjiang and National Natural Science Foundation of China (Grant No: U1703241). Besides, the authors feel delighted to acknowledge UCAS international student's scholarship program for sponsoring

this study, and the support from the Tianshan Station for Snow cover and Avalanche Research, Chinese Academy of Sciences, for data collection and analysis.

Conflict of interest

It is hereby confirmed that, no conflict of interest exists in the submission of this manuscript, and the manuscript is approved by all authors for publication.

References

- Blöschl, G., R. Kirnbauer, and D. Gutknecht, Modelling snowmelt in a mountainous river basin on an event basis. *Journal of Hydrology*, 1990. **113**(1-4): p. 207-229.
- Kuusisto, E., Snow accumulation and snowmelt in Finland. 1984.
- Micovic, Z. and M. Quick, A rainfall and snowmelt runoff modelling approach to flow estimation at ungauged sites in British Columbia. *Journal of Hydrology*, 1999. **226**(1-2): p. 101-120.
- Hao, X., et al., Impacts of climate change and human activities on the surface runoff in the Tarim River Basin over the last fifty years. *Water resources management*, 2008. **22**(9): p. 1159-1171.
- Christensen, N.S., et al., The effects of climate change on the hydrology and water resources of the Colorado River basin. *Climatic change*, 2004. **62**(1-3): p. 337-363.
- Middelkoop, H., et al., Impact of climate change on hydrological regimes and water resources management in the Rhine basin. *Climatic change*, 2001. **49**(1-2): p. 105-128.
- Labat, D., et al., Evidence for global runoff increase related to climate warming. *Advances in Water Resources*, 2004. **27**(6): p. 631-642.
- Redmond, K.T. and R.W. Koch, Surface climate and streamflow variability in the western United States and their relationship to large-scale circulation indices. *Water Resources Research*, 1991. **27**(9): p. 2381-2399.
- Chen, J., et al., Variations in chemical compositions of the eolian dust in Chinese Loess Plateau over the past 2.5 Ma and chemical weathering in the Asian inland. *Science in China Series D: Earth Sciences*, 2001. **44**(5): p. 403-413.
- Mitsch, W.J. and S.E. Jørgensen, Ecological engineering: a field whose time has come. *Ecological engineering*, 2003. **20**(5): p. 363-377.
- HU, L.-q., S. LI, and F.-c. LIANG, rümqi Meteorological Satellite Ground Station, China Meteorological Administration;; Analysis of the Variation Characteristics of Snow Covers in Xinjiang Region During Recent 50Years [J]. *Journal of Glaciology and Geocryology*, 2013. **4**.
- Karl, T.R., et al., Recent variations of snow cover and snowfall in North America and their relation to precipitation and temperature variations. *Journal of Climate*, 1993. **6**(7): p. 1327-1344.
- Gan, T.Y., et al., Changes in North American snowpacks for 1979–2007 detected from the snow water equivalent data of SMMR and SSM/I passive microwave and related climatic factors. *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*, 2013. **118**(14): p. 7682-7697.

14. Yang, Q. and C. Cui, Impact of climate change on the surface water of Kaidu River Basin. *Journal of Geographical Sciences*, 2005. **15**(1): p. 20-28.
15. Xu, J., et al., Climate change and its effects on runoff of Kaidu River, Xinjiang, China: a multiple time-scale analysis. *Chinese Geographical Science*, 2008. **18**(4): p. 331-339.
16. Jiang, F.-q. and R.-j. Hu, Climate change and flood & drought disasters in Xinjiang during recent 50 years. *Journal of Desert Research*, 2004. **24**(1): p. 35-40.
17. Shang, M., et al., Analysis of factors affecting peak flow of the Kaidu River on the southern slope of the Tianshan Mountains. *Journal of Arid Land Resources and Environment*, 2013. **27**(9): p. 85-91.
18. Batima, P., Climate change vulnerability and adaptation in the livestock sector of Mongolia. International START Secretariat: Washington DC, 2006: p. 204-209.
19. Batima, P., N. Batnasan, and B. Lehner, The freshwater systems of western Mongolia's Great Lakes Basin: opportunities and challenges in the face of climate change. World Wildlife Fund (WWF) Mongolia Programme Office, Ulaanbaatar, 2004.
20. Dagvadorj, D. and R. Mijiddorj, Climate change issues in Mongolia. *Hydrometeorological Issues in Mongolia: Papers in Hydrometeorology*, 1996: p. 79-88.
21. Batima, P., et al., Observed climate change in Mongolia. *Assess Imp Adapt Clim Change Work Pap*, 2005. **12**: p. 1-26.
22. Dagvadorj, D., Response actions to address climate change problems in Mongolia. *Papers in Meteorology and Hydrology*, Institute of Meteorology and Hydrology, Ulaanbaatar, 1999. **21**: p. 3-16.
23. Batima, P., Potential impacts of climate change and vulnerability and adaptation assessment for grassland ecosystem and livestock sector in Mongolia. Final Report: observed climate change in Mongolia, AIACC. Project AS06, Institute of Meteorology and Hydrology, Ulaanbaatar, Mongolia, 2006.
24. Lehmkuhl, F., M. Klinge, and G. Stauch, The extent of Late Pleistocene glaciations in the Altai and Khangai Mountains, in *Developments in Quaternary Sciences*. 2004, Elsevier. p. 243-254.
25. Barnett, T.P., J.C. Adam, and D.P. Lettenmaier, Potential impacts of a warming climate on water availability in snow-dominated regions. *Nature*, 2005. **438**(7066): p. 303.
26. Pelto, M.S., Impact of climate change on North Cascade alpine glaciers, and alpine runoff. *Northwest Science*, 2008. **82**(1): p. 65-75.
27. Pelto, M.S., Changes in glacier and alpine runoff in the North Cascade Range, Washington, USA 1985-1993. *Hydrological Processes*, 1996. **10**(9): p. 1173-1180.
28. Baisheng, Y., et al., Responses of various-sized alpine glaciers and runoff to climatic change. *Journal of Glaciology*, 2003. **49**(164): p. 1-7.
29. Zhang, M., et al., Climate change, glacier melting and streamflow in the Niyang River Basin, Southeast Tibet, China. *Ecology and Hydrology*, 2011. **4**(2): p. 288-298.
30. Zongxing, L., et al., Changes of climate, glaciers and runoff in China's monsoonal temperate glacier region during the last several decades. *Quaternary International*, 2010. **218**(1-2): p. 13-28.
31. Böhner, J., General climatic controls and topoclimatic variations in Central and High Asia. *Boreas*, 2006. **35**(2): p. 279-295.
32. Li, F., et al., The impact of climate change on runoff in the Yarlung Tsangpo River basin in the Tibetan Plateau. *Stochastic environmental research and risk assessment*, 2014. **28**(3): p. 517-526.
33. Wang, G., et al., Simulating the impact of climate change on runoff in a typical river catchment of the Loess Plateau, China. *Journal of Hydrometeorology*, 2013. **14**(5): p. 1553-1561.
34. P. Batimaa, D.D., Ts. Tsendakhuu, N. Jadadja, J. Puntsadulam, M. Erdenetuya, J. Sumyasuren, G. Baasanjav, Ya. Erdenebayar, R. Tsagaanmmaa, R. Jamsran, U. Murdorj, Ts. Tsetsegee, P. Khishigsuren, B. Batjargal, B. Davaalagai, B. Sosorburaam, Research compilation for the development of integrated water resources management plan for Kharkhiraa and Turgen river basin. 2014: p. 24-28.
35. Xuemei, L., et al., Impact of climate factors on runoff in the Kaidu River watershed: path analysis of 50-year data. *Journal of arid land* 2011. **3**(2): p. 132-140.
36. Brannick, M.T., et al., What is method variance and how can we cope with it? A panel discussion. *Organizational Research Methods*, 2010. **13**(3): p. 407-420.
37. LLC, A., Baseline Study on Water resources, Ecology and Socio-economy of the Kharkhiraa and Turgen River Basins is completed. 2014.
38. Knox, R.S., Physical aspects of the greenhouse effect and global warming. *American Journal of Physics*, 1999. **67**(12): p. 1227-1238.
39. Specht, E., T. Redemann, and N. Lorenz, Simplified mathematical model for calculating global warming through anthropogenic CO₂. *International Journal of Thermal Sciences*, 2016. **102**: p. 1-8.
40. Apsite, E., et al., Climate change impacts on river runoff in Latvia. *Climate research*, 2011. **48**(1): p. 57-71.
41. Chu, J., et al., Statistical downscaling of daily mean temperature, pan evaporation and precipitation for climate change scenarios in Haihe River, China. *Theoretical and Applied Climatology*, 2010. **99**(1-2): p. 149-161.
42. Lee, J., D. Nadolnyak, and V. Hartarska. Impact of climate change on agricultural production in Asian countries: Evidence from panel study. in *Southern Agricultural Economics Association Annual Meeting*. 2012.
43. Houghton, J.T., et al., Technical summary of working group 1. 2001: Cambridge University Press.
44. Nagler, P., et al., Relationship between evapotranspiration and precipitation pulses in a semiarid rangeland estimated by moisture flux towers

- and MODIS vegetation indices. *Journal of Arid Environments*, 2007. **70**(3): p. 443-462.
45. Khrutsky, V. and E. Golubeva, Dynamics of the glaciers of the Turgen-Kharkhira mountain range (Western Mongolia). *Geography and Natural Resources*, 2008. **29**(3): p. 278-287.
46. Lehmkuhl, F., Holocene glaciers in the Mongolian Altai: an example from the Turgen-Kharkhira Mountains. *Journal of Asian Earth Sciences*, 2012. **52**: p. 12-20.
47. Uniyal, B., M. Jha, and A. Verma, Modeling the impacts of climate change on runoff in a river basin of eastern India. *Environmental Sustainability: Concepts, Principles, Evidences and Innovations*, Excellent Publishing House, New Delhi, 2014: p. 80-87.
48. Chang, J., et al., Impact of climate change on runoff and uncertainty analysis. *Natural Hazards*, 2017. **88**(2): p. 1113-1131.
49. de la Paix Mupenzi, J. and L. Li, Impacts of global warming perturbation on water resources in arid zone: case study of Kaidu River Basin in Northwest China. *Journal of Mountain Science*, 2011. **8**(5): p. 704.
50. Li, L., et al., Streamflow forecast and reservoir operation performance assessment under climate change. *Water resources management*, 2010. **24**(1): p. 83.

КУЛЬТУРОЛОГІЯ

Novokhatko L. M.

The external PhD student of Music Theory

Petro Tchaikovsky National Music Academy of Ukraine

Новохатко Л. М.

Пошукувач Кафедра теорії музики

Національна музична академія України ім. П. І. Чайковського

SPECIFICITY OF CO-OPERATION BETWEEN RECORDING COMPANIES AND T. MONK THE ARTIST AND COMPOSER

"СПЕЦИФІКА СПІВРОБІТНИЦТВА КОМПАНІЙ ЗВУКОЗАПИСУ З ВИКОНАВСЬКОЮ ТА КОМПОЗИТОРСЬКОЮ ТВОРЧІСТЮ Т. МОНКА"

Summary: research and interrelationship between composer, performers and recording companies have a big impact on the final recording of any artist and his or her formation as a musician in a creative way. Formation of the image, the use of composer's material, names of works and other factors, their implementation from the side of the composer and the performer and from the management of the labels, producers, who often have conflicting points of view. T. Monk left a great legacy as a composer and performer, had a rich creative life, a lot of ups and downs. The research of his recordings and the history of their creation gives the opportunity to add a portrait of the musician and more profoundly understand the factors of influence on his work.

Keywords: creativity T. Monk, bebop, labels, studio albums, compositions by Monk.

Анотація: дослідження та взаємозв'язок у роботі між композитором, виконавцями та звукозаписуючими компаніями має великий вплив на фінальний запис виконавця та його становлення, як музиканта протягом творчого шляху. Формування образу, використання авторського матеріалу, програмність та інші фактори, їх втілення зі сторони композитора та виконавця та зі сторони керівництва лейблів, продюсерів часто мають різні точки поглядів.

Т. Монк залишив великий спадок як композитор та виконавець, мав насичене творче життя, багато злетів та падінь. Дослідження його записів та історії їх створення дає можливість доповнити портрет музиканта та більш поглиблено зрозуміти фактори впливу на його творчість.

Ключові слова: творчість Т. Монка, бібоп, лейбли, студійні альбоми, авторські композиції.

Постановка проблеми: унікальний стиль виконання Т. Монка в повній мірі розкрився в його авторських композиціях, які стали головним фактором в досягненні успіху і популярності. Вивчення даної специфіки при поглибленому дослідженні співпраці між записуючими компаніями та виконавцем-композитором допоможе простежити розвиток композиторської діяльності та вплив зовнішніх чинників на виконання та запис композицій.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Особливості взаємозв'язку специфіки роботи компаній звукозапису і авторських композицій на прикладі творчості Т. Монка; авторські редакції (записи) Т. Монка в процесі звукозапису; історія різних варіантів у зв'язку з роботою в різних компаніях звукозапису.

Мета статті. Особливості співробітництва Т. Монка з різними компаніями звукозапису, що пояснює авторські варіанти окремих композицій.

Телоніус Монк – один з найвизначніших джазових музикантів ХХ століття, який активно концертував, грав в різних составах та записував композиції, альбоми. Ці записи можна кваліфікувати по трьом категоріям: де Монк виступає сайдменом (як запрошений музикант), студійні (Монк лідер, або соліст), концертні записи (серед них виступи як у концертних залах, так і у клубах). Саме завдяки

всім записаним альбомам та композиціям і можливо проаналізувати та побачити розвиток Монка-виконавця та Монка-композитора.

Перші записи, де Монк брав участь, охоплюють період з 1941 по 1946 роки. 1941 рік – це переважно клубні виступи зроблені під час гри у клубі Minton's Playhouse (Нью-Йорк), клуб де фактично народився бібоп. Монк виступає сайдменом, наприклад, з Чарлі Крісчаном (Charlie Christian), Доном Баясом (Don Byas). Соло Монка у композиціях з Чарлі Крісчаном «Stompin' at the Savoy» та «Swing to Vor» мають досить традиційну манеру гри, з плавним, мелодійним звуком. У запису зробленому пізніше (у 1944 році) з Колманом Хоукінсом (Coleman Hawkins), де Монк у кожній з чотирьох композицій грає невеликий вступ, більш яскраво відчувається наближення до його авторського стилю, який сформується пізніше. Особливо це помітно у вступі до «Drifting on a reed», де музикант використовує ланцюжок арпеджоподібних мотивів, які спускаються по півтонах (такий виконавський прийом він ще не раз використає у майбутньому).

Вже у 1946 році у запису з оркестром Дізі Гіллеспі (Dizzy Gillespie) можна побачити у треклісту авторську композицію «Round Midnight», яка стала одним з найбільш популярних джазових стандартів і фактично візитівкою Монка. Саме тоді Дізі Гіллеспі додав 8 тактовий вступ та 9 тактове

закінчення, які стали невід'ємними частинами композиції.

У 1947 році Монк починає працювати з лейблом Blue Note. Цей період триватиме до 1952 р. Вже на початку роботи з компанією відчувається, що Монк фактично сформований музикант, який починає відкриватися, і не тільки як джазовий піаніст, але й композитор.

Саксофоніст Айк Квебек (Ike Quebec), який також був радником керівництва лейбла Blue Note, звернув увагу Альфреда Лайона (Alfred Lion) та Френсіса Вульфа (Francis Wolff) на Монка, коли вони висловили зацікавленість записувати сучасний джаз. Так почалась співпраця. Вже під час першої сесії у 1947 році Монк серед інших композицій записує дві авторські. Це були «Humph» (композицію, яку Монк записав лише один раз) та «Thelonious» (теми, з не стандартною побудовою 36 тактів та остиното на фоні ланцюжка низхідних акордів духових інструментів).

Під час другої сесії Монк у складі тріо записує ще чотири авторські теми: «Ruby my dear» (або «Manhattan Moods», яка була написана для Ruby Richardson), «Well you needn't» (композиція, яку Miles Davis популяризував у 50-х), «Introspection», «Off minor».

Вже через місяць Монк знову повертається у студію для третьої сесії у складі квартету та записує чотири свої композиції. «In Walked Bud» присвячена визначному піаністу Баді Павеллу (Bud Powell) і цікаве перетворення «Blue Skies», написаної Irving Berlin. «Monk's Mood» - балада, з цілою низкою різних назв, як: «That's the Way I Feel Now», «Feeling that Way Now», «Why Do You Evade the Facts», та «Be Merrier Sarah»). «Round Midnight» тут з'являється з вступом, який написав Дізі Гіллеспі. Під час запису найбільше проблем виникло саме з композицією «Who Knows?», напевно, через швидкий темп та мелодично-ритмічні складності.

Перед наступною сесією на Blue Note у сесіографії Робіна Келлі (Robin D. G. Kelley), ще згадується виступ квартету Т. Монку на фестивалі у Нью-Йорку «Festival of American Music» у 1948 році.

В студію Монк повертається через півроку для запису шістьох композицій. Більшість серед них авторські. Монк взяв акорди теми «Just You, Just Me» (Jesse Greer and Raymond Klages) та створив «Evidence». Записав «Misterioso» - мелодію з 8-ми нот, які пересуваються вгору та вниз секстами. Композиція «Epistrophe» написана в соавторстві з барабанщиком Кенні Кларком (Kenny Clarke). Вперше вона була записана у 1941 у клубі Minton під назвою "The Theme", але вийшла саме на Blue Note. Монк вперше записав "I Mean You" (до цього запису її вже виконав у 1946 Coleman Hawkins).

У 1950 році Монк записується у складі оркестру Чарлі Паркера.

Через рік на студії Blue Note записує квінтетом шість композицій, п'ять з яких Монка.

«Four in One» – вже у назві композиції прихований ритмічний малюнок, чотири шістнадцятих,

який найбільш вживаний у побудові досить підступної мелодії. «Criss Cross» - перший запис композиції, яка стала джазовим стандартом. Гюнтер Шюллер (Gunther Schuller) казав, про повністю інструментальну концепцію теми «це не «пісня»... це не «мелодія» - це композиція для інструментів». «Eronel» - незвичайна бібопова композиція, написана у співавторстві з піаністом Садіком Хакімом (Sadik Hakim) та Ідрісом Сулейманом (Idrees Sulieman), які спершу не були зазначені, як автори. Сама назва «Eronel» - це ім'я Ленор Ейсне (Lenore Eisner), дівчини Садіка Хакіма. «Straight No Chaser» - це другий блюз Монка (перший «Misterioso»), не дуже типовий, але на блюз в першу чергу вказує побудова теми по 4 такти. Також під час цієї сесії Монк записав одну зі своїх ранніх балад «Ask Me Now».

Робота з лейблом Blue Note закінчується сесією у 1952 році, коли Монк секстетом записав: «Skippy», «Hornin' In», «Let's Cool One».

За ці роки співпраці Монк обирає різні состави для записів (тріо, квартет, квінтет, секстет). Грав з: Артом Блекі (Art Blakey), Сахіб Шіхабом (Sahib Shihab), Бобом Пейджем (Bob Paige), Мілтом Джексонном (Milt Jackson), Шедоу Вілсоном (Shadow Wilson), Елом МакКіббоном (Al McKibbom), Кенні Дорхамом (Kenny Dorham), Максом Роучем (Max Roach) та іншими. Як відзначає І. Цалер, робота з Blue Note відрізнялася від інших тим, що лейбл сплачував час репетицій до самої сесії, що забезпечувало більш якісний результат, а також високу репутацию лейблу.

Альфред Лайон (Alfred Lion) офіційно не підписував з Монком контракт, зі слів Лайона співпраця закінчилась тому що «було записано всі композиції, які Монк мав, а інших не було». Але ця заява не мала сенсу, бо Монк постійно створював нові пісні. Як зазначає Пітер Кіпньюз (Peter Keernews), насправді Blue Note записав не всі композиції Монка того періода, як, наприклад, «Bue-ya» та «Hackensack», а також були твори, які Монк вже створив, але ще виклав нотами на папері. Тому, можливо, Blue Note припинив працювати з Монком через фінансову скруту (записи Монка погано продавались). Та продюсер, засновник лейблу Prestige Recordings Боб Вейнсток (Bob Weinstock) вірив, що зможе здолати такі труднощі.

Для Монка співпраця з Prestige Recordings (з 1952 по 1954 рр.) стає дуже важливою, адже це період, коли Монк втратив дозвіл на виступи у клубах та не міг грати. Для першої сесії він обирає формат тріо та записує такі авторські композиції: «Little Rootie Tootie» (присвячена дворічному сину Телоніусу молодшому, який мав прізвисько Тут), «Bue-ya» та «Monk's Dream» (теми з характерними карибськими ритмами), а також «Trinkle Tinkle», «Reflections», «Bemsha Swing» (остання була написана разом з барабанщиком Дензілом Бестом (Denzil Best)).

У листопаді 1953 Монк записує сесію, яка отримала названу «п'ятниця 13-те» з композиціями: «Let's Call This», «Think of One» і «Friday the

13th». Цей запис мав дуже багато проблем у процесі створення. Він запам'ятовується незвичайно довгою для платівки десятихвилинною «Friday the 13th», але найголовніше, що це перша співпраця Монка з Сонні Роллінсом (Sonny Rollins), якому тоді було лише 23 роки. У 1954 році на цьому ж лейблі Монк буде грати вже у складі квартету Сонні Роллінса.

Prestige Recordings ще записав сесії Монка у складі квартету та тріо, де він мав змогу виконати більшість своїх творів («We See», «Locomotive», «Hackensack», «Work», «Nutty», «Blue Monk»).

У 1954 році Монк створив перший сольний альбом під час подорожі до Франції. Монка запросили з концертом до Парижа і під час цього візиту він отримав можливість записати на свій розсуд композиції на Radio diffusion francais. Монк записав дев'ять треків, переважно авторського матеріалу.

Останні дві сесії для Prestige Монк провів як сайдмен: у складі квартету Сонні Роллінса (що згадувалось вище) та з Майлзом Девісом.

На той час, коли Монк вирішив підписати договір з лейблом Riverside, він ще мав зобов'язання перед Prestige Records. Записи Монка все ще не дуже добре продавалися. Оррін Кіпньюз (Orrin Kearnnews), продюсер Riverside, стверджував, що у Prestige Records навіть не здогадувалися, що Монком може зацікавитись інший лейбл. Договір з Prestige був розірваний з виплатою зовсім невеликої неустойки, що було основною умовою припинення контракту і дозволяло Монку заключити новий договір.

У 1955 році Монк підписав контракт з Riverside. Почався один з самих насичених творчих періодів. До 1961 року Монк провів 30 сесій. Оррін Кіпньюз вважав, що талант Телоніуса Монка й досі не змогли оцінити. План Кіпньюза, зробити музику ексцентричного музиканта більш доступною, почав реалізовуватися з виходом платівки з музикою Дюка Еллінгтона («Plays Duke Ellington»), а наступного року Монк записав стандарти на «The Unique Thelonious Monk». Обидва записи зроблені без духових, у складі тріо.

У 1956 році квінтет Монка працює над альбомом «Brilliant Corners», який отримав надзвичайний резонанс. Серед п'яти композицій, чотири Монка: «Brilliant Corners», «Bemsha Swing», присвячені баронессі Кенігсвартер блюз «Val-LueBolivarVal-Lues-Are» та балада «Pannonica». Однойменна композиція *Brilliant Corners* була найбільш складною. Музиканти так і не змогли вдало її записати, тому фінальна версія склеєна Кіпньюзом з 25 недосконалих спроб.

В роки співпраці з Riverside Монк неодноразово записується соло. У 1957 році це платівка «Thelonious Himself» (де Монк раптом на одну композицію «Monk's Mood» запросив Джона Колтрейна (John Coltrane) та Уілбура Вера (Wilbur Ware). Також на цьому альбомі незвичайним є трек «Round Midnight» - 22 хвилинна доріжка - яскравий приклад творчого пошуку митця, композитора

у студії та ставлення продюсера, який цінував виконавця настільки, що бажав зловити та записати кожну ноту, ідею, думку виконавця.

Наступний сольний альбом було створено не заплановано. У 1959 році співпало, що Телоніус Монк і Оррін Кіпньюз одночасно були у Сан-Франциско, тому Кіпньюз запропонував зробити сольну сесію і для цього орендував Фугазі-холл (Fugazi Hall) - аудиторію з надзвичайною акустикою на 400 місць побудовану в 1912 році.

Монк розкривається за ці роки, як виконавець і композитор, Кіпньюз підтримує всі його пошуки, експерименти, від обраного матеріалу до кількості, складу музикантів. Для втілення своїх ідей Монк неодноразово обирає формат квартету для записів: з Джоном Колтнейном (1957р.), квартет з Джонні Гріфіном (Johnny Griffin) 1958 р. (композиції з цієї сесії ввійшли до альбомів «Misterioso» і «Thelonious in Action»), квартети 1960 р. та 1961 р. з Чарлі Роузом (Charlie Rouse).

Неймовірно, але зберігся запис квартету з виступом у клубі Five Spot, який був зроблений на портативний магнітофон з одним мікрофоном. Повністю побудовані на авторському матеріалі записи септету Монка «Monk's Music» (1957 р.) і квінтету «5 By Monk By 5» (1959 р.).

Новим напрямом для Монка стає оркестрова робота «The Thelonious Monk Orchestra at Town Hall», аранжування для якої Монк довірив зробити Холлу Овертону (Hall Overton), який щиро розумів музику композитора.

На лейблі Riverside Монк записується не тільки, як соліст, але й продовжує виступати, як і сайдмен з: квартетом Gigi Gryce (1955 р.), квінтетом Sonny Rollins (1957 р.), квартетом Clark Terry (1958 р.). Також є декілька записів, де Монк виступає як гість (мається на увазі сесія з Art Blakey's Jazz Messengers) або створює спільні проекти. Наприклад, коли Кіпньюзу прийшла думка записати Монка з його другом Джеррі Малліганом (Jerry Mulligan).

Після такого посиленого контролю Орріна Кіпньюза над роботою Монка на лейблі Riverside, його слухачка аудиторія розширилась і виконавця почали впізнавати і заслужено визнавати. Та Riverside був досить невеликим незалежним лейблом з обмеженими ресурсами, особливо у порівнянні з мейджор лейблом Columbia, який зі своїми можливостями охоплення та маркетингу зміг надати Монку найширшу аудиторію.

Перший альбом на Columbia «Monk's Dream» став, мабуть, одним з найуспішніших по продажу у творчості Монка. А вже через декілька місяців з'являється наступний «Criss-Cross». В одній з газет (цитата з оригінальної статті на платівки) автор зазначив: «Телоніус Монк – один з найкращих композиторів модерн джазу... він найкращий композитор після Бартока». Все частіше говорячи про Монка застосовувалось слово «геній», як синонім.

На Columbia Монк продовжує працювати з авторськими матеріалами та іноді повертається до деяких своїх менш популярних ранніх творів, таким

чином даючи їм нове «життя», серед них: «Monk's Dream», «Bye-Ya», «Criss-Cross», «Think of One», «Eronel», «Locomotive», «We see», «Thelonious».

Він створює і нові композиції: «Bright Mississippi» (альбом «Monk's Dream» 1961 р.), присвячена продюсеру Columbia Тео Масеро (Тео Масеро) «Тео» (альбом «Monk» 1964 р.), «Green Chimneys» (в альбомах «Straight, No Chaser» 1966 р. та «Underground» 1967 р.), «Ugly Beauty», «Raise Four», «Boo Boo's Birthday» (всі композиції записані для альбому «Underground» 1967 р.).

Монк пропрацював з Columbia з 1962 по 1968 рр. Він продовжує записуватись соло (1964 р. в Лос-Анжелесі, 1965 р. в Нью-Йорку – композиції об'єднали в альбомі «Solo Monk»). Та найбільше працює у форматі квартету з тенор саксофоністом Чарлі Роузом (Charlie Rouse), який став досконалим музикантом-напарником для Монка з 1959 по 1969 рр. і грав у 17 офіційних та ще в багатьох сесіях піаніста. На Columbia Монк реалізує два проекти авторської музики у виконанні біг бендів, перший був записаний в Лінкольн центрі в 1963 році (аранжування зробив Холл Овертон, як і у запису «The Thelonious Monk Orchestra at Town Hall» на Riverside), а наступний у Лос-Анжелесі у 1968 році (над аранжування працював Олівер Нельсон).

У кінці 60-х років Монк припиняє співпрацю з лейблом і вже не так активно концертує й працює у студії, тому записи Монка можливо зустріти лише у серії The Giants of Jazz. Також декілька платівок було видано на Black Lion label (записи 1971 року).

На даний момент більшість лейблів, де працював Монк, видають архівні записи та збирають всі альбоми у компліті¹.

Як висновок, бачимо, Телоніус Монк залишив досить великий спадок різних записів і мав багатий досвід співпраці з різними лейблами. Саме через характер, незвичну поведінку на сцені і в житті, Монку було досить важко прокласти дорогу до серцець слухачів. Але талант та унікальне виконання авторських композицій дозволило музиканту грати з віртуозними новаторами свого часу та створювати нову музику, яка стала частиною історії розвитку джазу.

Аналізуючи записи та їх специфіку можна точно визначити, що унікальний стиль виконання Монка в повній мірі розкрився в його авторських творах, які стали головним фактором в досягненні успіху і популярності. В той же час, саме репутація у музичному світі дозволила виконавцю налагодити зв'язки у рекордінгових компаніях та заручитися підтримкою з боку їх керівництва.

Кожен з засновників, продюсерів лейблів надзвичайно вірили у талант виконавця і намагалися його творчість зробити більш популярною і успішною. Період співпраці з лейблом Blue Note (1947 - 1952) став часом, коли Монк почав вперше офіційно записувати та видавати свої альбоми. Альф-

ред Лайон та Френсіс Вульф вірили у молодого виконавця, який створював сучасну музику. Записи, які були створені на Blue Note вийшли як Genius of Modern Music: Volume 1 з записами 1947 року і Genius of Modern Music: Volume 2 з записами 1951-1952 років.

Продюсер, засновник лейблу Prestige Recordings Боб Вейнсток (Bob Weinstock) спробував подолати головну проблему з записами Монка - підняти продажі і тим самим рейтинг виконавця. На Prestige Recordings Монк записувався з 1952 по 1954 рр.

У 1955 році Монк підписав контракт з Riverside і завдяки невпинній роботі Орріна Кіпньюза з Монком його слухачка аудиторія розширилась, його почали визнавати, фактично так зароджувалася його популярність. Та Riverside був невеликим незалежним лейблом, особливо у порівнянні з мейджор лейблом Columbia, який і став наступним послідовним кроком для Монка. Були створені такі відомі альбоми: Brilliant Corners (1956 записи з Сонні Роллінсом і Кларком Террі), Thelonious Himself, Monk's Music, 5 by Monk by 5 та інші. У 2006 році вийшов компліт The Complete 1957 Riverside Recordings (записи з Джоном Колтрейном).

Монк пропрацював з Columbia з 1962 по 1968 рр. Цей період відзначився такими чудовими альбомами як: Monk's Dream, Criss-Cross, Straight, No Chaser, Underground, Monk's Blues та ін.

Варто відзначити, що всі ці роки Монк активно записувався як сайдмен (запрошений у проект музикант) разом з Артом Блекі, Майлзом Девісом, Колманом Хоукінсом, Мілтом Джексоном, Сонні Роллінсом, Кларком Террі та ін.

І досі створюються компліти і видаються записи Монка. Тепер надважливими стали всі спроби музикантів, альтернативні треки, доріжки, які раніше не видавались, але які створив геній Монк. Тому меломани з радістю сприймають такі історичні доповнення у записах (коли до коплітов додають не видані раніше треки).

Кожен лейбл в історії піаніста зіграв свою важливу роль. Адаже кожен продюсер бачив перспективу музиканта та мав плани розвитку та просування його музики. Саме завдяки цій вірі і створювались записи і ми маємо зараз досить великий обсяг музичного матеріалу, можемо проаналізувати та побачити розвиток Монка-виконавця та Монка-композитора і найголовніше - насолоджуватися музичним спадком надзвичайно талановитого музиканта.

Література

1. Gourse L. Straight, no chaser: the life and genius of Thelonious Monk / L. Gourse – A Division of Music Sales Corporation, New York – Printed in the United States of America, – 1997 – p. 340

¹ повне зібрання записів зроблених артистом за всю кар'єру або за якийсь певний період (співпраця з будь-яким з музикантів або рекордінговою компанією)

2. Keepnews O. Solo Monk / O. Keepnews – Sony Music Entertainment Inc., San Francisco, January, – 1998
3. Keepnews O. The Complete Columbia Solo Studio Recordings 1962-1968/ O. Keepnews, San Francisco – 1998
4. Kelley D.G. Robin. Telonious Monk. The Life and Times of an American Original / Robin D.G. Kelley – Free Press, – 2009 – 589 p.
5. Randel D. M. Harvard dictionary of music / D. M. Randel – Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, fourth edition, – 2003 – 253 p.
6. Барбан Е. Джазовые портреты / Е. Барбан – СПб: Изд-во «Композитор. Санкт-Петербург» – 2006 – 304 с.
7. Верменич Ю. Джаз. История. Стили. Мастера / Ю. Верменич – 2-е издание – 2009 – 608 с.
8. Коллиер Дж. Становление джаза Популярный исторический очерк / Д. Коллиер - Пер. с англ. - М.: Радуга, –1984 – 392 с.
9. Мураками Х. Джазовые портреты / Х. Мураками – ЭКСМО, 2009 – 240 с
10. Фейертаг В. Джаз. Энциклопедический справочник / В. Фейертаг. – Издательство Скифия, Санкт-Петербург, –2008 – 696 с.
11. Цалер И. В. Великие джазовые музыканты. 100 историй о музыке, покоровшей мир / И. Цалер. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, –2011. – 479 с.
12. Чугуев Ю. В. Эволюция гармонического языка джаза / Ю. В. Чугуев – Издательский дом «Муровей», Москва, – 1997 – 171 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Veremeychik S.V.

*postgraduate student of the Department of Philosophy,
The National University of Water and Environmental Engineering*

Веремейчик Сергій Володимирович

здобувач кафедри філософії,

Національний університет водного господарства та природокористування

PECULIARITY OF THE SOUL IN THE PHILOSOPHICAL REFLEXION OF PLATO AND ARISTOTLE

ОСОБЛИВІСТЬ СПІВІДНОШЕННЯ РОЗУМІННЯ СУТНОСТІ ДУШІ У ФІЛОСОФСЬКІЙ РЕФЛЕКСІЇ ПЛАТОНА ТА АРИСТОТЕЛЯ

Summary: This paper is devoted to the philosophical approaches of the ancient worldview regarding the disclosure of the essential content of the soul. On the basis of the analytical review of Plato and Aristotle's works, the transition from the metaphysical to the physical, from the immortal to the mortal, from the soul to the psyche are identified. The metaphysical dimension of conceptual understanding of Soul by Plato in the context of its characteristics of reasonableness, morality and will is concretized.

The tendency towards the leveling of the metaphysical essence of the soul in Aristotle's philosophy which leads to the dissolution of the transcendental space, testifying manifestations of the materialization of the spiritual life of antiquity are determined. In the context of Aristotelian notions, the soul loses its identity since the main purpose is reduced not so much to self-knowledge and self-development, but to the accomplishment of the material world are investigated.

It has been found that there are no clear explanations for the reasons of the antiquity transition from the spiritual to the material and from the transcendental to the immanent, and therefore the problem of convergence from metaphysical to physical requires a more detailed and in-depth study.

Key words: soul, body, person, transcendent, metaphysics, sensation, mind, cosmocentrism.

Анотація: У статті розкрито філософські підходи античного світорозуміння щодо розкриття сутнісного змісту душі. На основі аналітичного огляду праць Платона та Аристотеля висвітлено перехід від метафізичного до фізичного, від безсмертного в смертне, від душі до психіки. Конкретизовано метафізичний вимір понятійного осмислення душі Платоном в контексті її характеристик розумності, моральності, волі.

Відстежено тенденції щодо нівелювання метафізичної сутності душі у філософії Аристотеля, що призводить до розчинення трансцендентного у космосі, засвідчуючи прояви матеріалізації духовного життя античності. Показано, що у контексті аристотелівських уявлень душа втрачає свою самобутність, позаяк основне призначення редукується не так до самопізнання та саморозвитку, як до благоустрою матеріального світу.

Виявлено, що на сьогодні не існує чітких пояснень щодо причин переходу уявлень античності від духовного до матеріального та від трансцендентного до іманентного, а тому проблема сходження від метафізичного до фізичного потребує більш детального і глибокого дослідження.

Ключові слова: душа, тіло, людина, трансцендентне, метафізика, відчуття, розум, космоцентризм.

Постановка проблеми. Трансформаційні процеси сучасного соціокультурного поступу впливають на людське життя, значною мірою видозмінюючи його форми і способи, а також підходи до його осмислення. Проте світоглядно-сміслові та ціннісно-орієнтаційні зрушення культурної реальності не зменшують дослідницького інтересу філософського дискурсу до питань вивчення фундаментальних структур особистості, внутрішнього світу людини і таких її істотних структур як дух, душа, духовність.

Душа людини – багатогранна і векторно різнонаправлена субстанція, позаяк як матеріальне, так і духовне життя людини позначене проявами душевного. Тому проблематика душі донині не втрачає своєї актуальності. Вона є своєрідною точкою, на якій перехреснюються дослідження з теології,

психіатрії, етики, класичної і неокласичної філософії, а також звичайного життєво-практичного пізнання. Внаслідок такої «свободи думки» інформаційний простір заповнює синкретизм східної містичної практики та християнства, що не завжди доступний для рефлексивних прояснень.

Для більш доглибного вивчення окресленого питання варто звернутися до аналізу теоретичних та методологічних здобутків минулого, де культурно-історичні та філософські знання виступатимуть частиною самопізнання людства. У зв'язку з цим акцентуємо увагу на античній філософії у смислових координатах якої закладаються теоретичні підвалини концептуалізації душі як безтілесної субстанції (Сократ, Платон, Аристотель), джерела руху та життя.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Доволі об'ємний перелік бібліографічних матеріалів, що систематизують дослідницьку літературу, яка розкриває проблематику душі в античний період, останнім часом доповнилися доволі цікавими роботами, а саме: Т. Бердій «Розуміння душі в античній філософії», В. Бугай «Визначення людини в трактатах Плотіна», А. Кудінова «Під знаком вічності», Л. Попова «Розуміння душі у вченні Платона та Аристотеля», С. Мареева «Про безсмертя душі (Аристотель та сучасність)», О. Наконечна «Естетичне як тип духовності та ін.

Мета статті. Головною метою статті постає експлікація античних уявлень про душу крізь призму філософських концепцій Платона і Аристотеля.

Викладення основного матеріалу. До початку Нового часу основним завданням метафізики було вирішення проблеми редукування душі до незмінної сутності людини. У зрізі філософської категорії, що досяжна осмисленому аналізу, душа почала розглядатися ще у часи античності. Адже саме антична філософія виходить на новий рівень духовного самовираження, набираючи логічної форми та раціональних форм вияву. Властиво, що основне питання усіх досократиків зводилося до висвітлення фундаментального зв'язку душі і тіла як виміру людського буття.

Втім, уже учень Сократа Платон робить акцент на автономності душі і тіла, тоді як Аристотель їх нерозривно пов'язує. Тобто на відміну від Сократа, для якого властиве протистояння душі і тіла, у Аристотеля відстежується ідея щодо поєднання їх у певне нероздільне ціле й перебування у постійному взаємозв'язку та взаємодії.

Так у Сократа тіло постає в статусі тимчасового житла для душі, де сама душа є осередком мислительної діяльності, а отже, керує тілом і всіма вчинками людини. Моральність, в розумінні чеснот, виступає результатом розумної діяльності душі, а самі чесноти Сократ ототожнює зі знаннями. Саме чесноти постають основою того, що робить душу доброю та досконалою і завдяки чому душа зберігає свою сутність. А тому, керуючись у вчинках чеснотами, людина має можливість опанувати свої інстинкти. Таке володарювання душі над примітивними і тваринними бажаннями трактується як справжня свобода, адже тільки вільна людина, зберігаючи гармонійний стан своєї душі, на думку Сократа, може знайти непідробне щастя. Втім, якщо Сократ у своїх антропологічних пошуках обмежується етичною складовою, то його учень Платон іде значно далі. У центр своєї філософії він ставить космос як гармонійно завершену цілісність [5, с. 455–542].

Саме Платон на основі поєднання гносеологічних та онтологічних підходів вперше дає визначення душі, яке можна розглядати як завершене і цілісне формулювання. Властиво, що душа у розумінні філософа іматеріальна та безсмертна, вона не зароджується одночасно з тілом, а має пердтілесний і самобутній характер. Під час земного

життя душа перебуває у тісному зв'язку з тілом. Зауважимо, що в розумінні Платона душа є частиною «світової душі», тобто як начало вона відкрита не тільки іманентному, але і трансцендентному, від якого бере свій початок і куди з часом має повернутися. Оскільки існує світова душа, то відповідно існує і світове тіло, яке перевершує людське. Тому цілком очевидно, як вважає філософ, світова душа значно досконаліша за людську душу. Космос є живим організмом, позаяк все в ньому приводиться у рух, направляється і оживлюється діяльністю душі. Деміург, стверджує Платон, взяв за основу два вічних начала – неподільне і незмінне та подільне і мінливе, які втілюються відповідно в ідеях і матерії. У змішаному варіанті ці два начала постають у вигляді світової душі. Означені уявлення Платона про душу та вчення про особисте безсмертя викликають значний резонанс у просторі античної філософії.

Важливо підкреслити, що цариною гносеологічної концепції Платона постає теорія спогадів, згідно з якою душа перебуває у «царстві ідей», допоки не з'єднається із тілом. Під час земного життя людина пізнає світ шляхом пригадування ідей, які мала змогу споглядати у позаземній реальності. Так, в діалозі «Менон» Платон розповідає про юнака, який був неосвіченим, але шляхом цілеспрямованого розмислу з допомогою правильно підібраних питань зумів викласти теорему Піфагора. На цій підставі Платон робить висновок про те, що ще до втілення душі у тіло, вона зустрілася з ідеальним співвідношенням, яке покладене в основу теореми Піфагора. Тому навчання за своєю суттю є не більше, ніж спроба змусити душу пригадати побачене до народження. Ці спогади є більш інтенсивними і сильнішими тоді, коли душа позбавляється тілесних слідів, позаяк внаслідок негативного впливу вороже налаштованого тіла душа як вічна і духовна істота зазнає корозії пристрастей. Отже, Платон висуває і обґрунтовує тезу, відповідно до якої пізнання ідей є певною формою спогадів душі побаченого нею в ідеальному світі. [7, с. 375–421]

Варто зазначити, що Платон на основі викладеної ним теорії спогадів виводить чітку ієрархію душі, яка представлена трьома складовими, що являють собою певну цілісність і наділенні різними пізнавальними здібностями. Вищою частиною є розум, потім – воля і благородні поривання, і урешті найнижча частина душі – чуттєвість. Відповідно розум є тою частиною душі, яка звернена до світу ідей. На відміну від розуму, вольовій і чуттєвій частинам приписується смертність, а також продукування чуттєвості не лише зору чи дотику, але й емоцій: щастя, радості, страху, злості тощо. Отже, чуттєвість нерозривно пов'язана з тілом і має випадковий характер. Залежно від володарювання однієї із частин душі над тілом людина орієнтується або на добро і благородність, або на зло і ницість. Душі, у якій переважає розум, що отримує підтримку волі, найбільш доступний процес згадування.

Цілко́м обгрунтовано́ю є думка Платона про необхідність боротьби з проявами впливу тілесності, оскільки за такої умови можливий перехід до вищих форм існування, а у протилежному випадку існує загроза регресійної видозміни в тіла нижчої форми. Тому основну ціль буття душі Платон вбачає у звільненні її від тілесного полону. Саме в результаті взаємодії двох складових, що втілюють устремління до добра («Білого крилатого коня») і зла («Чорного крилатого коня») й відбувається саморух душі. Відтак, душа у працях філософа постає полем постійного змагання двох начал, у якому арбітром виступає розум, якому відведена роль керманіча. [8, с. 161–229].

Логічно припустити, що саме в розумі міститься істинна сутність душі, а раціональність постає втіленням мудрості. Таким чином можна виділити чисту душу, що вільна від усіх слідів тілесної нечистоти і є «відокремленою в собі самій», «вірючи тільки собі», «спілкуючись тільки з божественним», і душу тілесну, у якій тіло перебирає на себе керівні функції. Платон переконує нас у тому, що недостойне життя обумовлює втрату самобутності, внаслідок чого душа, втрачаючи свою онтологічну сутність, перестає буди провідником для тіла. Благородна душа повинна уникати страсного тіла, позаяк воно виступає для неї могилою.

Вихідною для філософської концепції Аристотеля є думка про те, що все: природа, людина і весь навколишній світ – є матерією. У широкому розумінні матерія – це онтологічна форма речей. Сама по собі матерія має пасивний характер, тому для існування їй потрібна форма. Аристотель пише, що «форма є суттю буття кожної речі» [2, с. 198], вона надає матерії якісної визначеності, є її активним началом.

Згідно з Аристотелем, душа є формою живої матерії, початковою причиною живого тіла. «Очевидно, душа нічого не відчуває без тіла і не діє без нього» – тут Аристотель суперечить своєму вчителю, стверджуючи, що «всі стани душі пов'язані з тілом». Весь спектр емоцій, які відчуває душа, відчуває і тіло. Таким чином, Аристотель стверджує нерозривний зв'язок душі і тіла – хоча вони різні за своєю природою, але у розрізі свого існування є нероздільні, тому разом із тілом помирає і душа, окрім розуму, який має позатілесне походження і є носієм божественного [9, с. 373].

Через взаємозв'язок душі і тіла філософ розгортає поняття ентелехії – існування будь-чого у потенції, здійснення цілеспрямованої дії. Тобто матерія – це потенція, а форма – ентелехія. Тому Аристотель стверджує, що «душа – це перша ентелехія природного тіла, яке володіє в можливості життям» [9, с. 395]. Експлікуючи поняття ентелехії, Аристотель апелює до метафор ока і сокири: ентелехія ока – зір, а сокири – розколювання, тобто їх сутність полягає в тому, щоб виконувати своє основне призначення. Аристотель прямо уподібнює душу баченню: «Якби око виступало як жива істота, то його душею був би зір», «...як розколювання і бачення суть ентелехії ... а душа є ентелехія,

як зір і сила знаряддя». [9, с. 396]. З допомогою цих образів Аристотель стверджує категоріальну приналежність душі: душа відноситься до тіла так, як зір до ока і розколювання до сокири. Душа, зір, розколювання є однією суттю і категорією, не зважаючи на кардинальну відмінність.

Аристотель, як і Платон, поділяє душу на три частини. Перші дві: рослинна і тваринна, безпосередньо пов'язані з тілом і нероздільні із ним. «У більшості випадків, очевидно, душа нічого не відчуває без тіла і діє без нього, наприклад: у гніві, відвазі, бажанні, згагалі у відчуттях, ..., всі стани душі пов'язані з тілом: обурення, лагідність, страх; співчуття, відвага, а також радість, любов і відраза; разом з цими станами душі відчуває щось і тіло» [9, с. 373]. Третя частина – розумна, вона є найвищою, оскільки постає носієм розуму, мислення і не залежить від тіла. «Що стосується розуму, то він, будучи деякою сутністю, з'являється, мабуть, всередині (душі) і не руйнується ... Пам'ять, любов або відраза – це стани не розуму, а істоти, яка ним володіє. Ось чому, коли ця істота травмується, вона не пам'ятає і не любить: адже пам'ять і любов належить не до сфери розуму, а до зв'язку (душі і тіла). Розум є щось більш божественне і нічому не підвладне». Як ми з'ясували, саме раціональна душа в Аристотеля є домінантою, оскільки відображає суть людини і є відповідальною за людяність, мудрість, вона нерозривно пов'язана і ототожнюється із пізнанням.

За переконанням мислителя, душа властива не тільки людині, але й тваринам, і рослинам. Усі живі істоти є носіями рослинної душі, але представники тваринного світу – ще й тваринної. Рослинній властива тільки здатність росту і живлення, вона є найголовнішою в ієрархії здібностей. На відміну від рослинної, тваринна душа наділяє свого носія здатністю сприймати форми речей без матерії, тобто відчувати. Тут йдеться про просторову форму речей, оскільки форма як сутність відчуттям недоступна. Окрім чуттєвості, у тварин існує здатність бажати, оскільки той, хто може відчувати, здатний отримувати задоволення, а отже, і бажати, позаяк бажання є стремління до приємного. Відповідно тваринна душа має два компоненти – здатність відчувати і здатність бажати. Крім цього, частиною тваринної душі є здатність уявляти, а також пристрасті. Завдяки тваринній душі звірі здатні рухатися, сама душа при цьому залишається нерухомою. Під час руху тварина уявляє собі предмет бажання і прагне до нього заради отримання задоволення.

Аристотель підкреслює, що процес мислення значно відрізняється від відчуттів. «Адже відчуття того, що сприймається лише одним окремим почуттям, завжди істинне і є у всіх тварин, а міркувати можна і помилково, і роздуми не властиві жодній істоті, яка не обдарована розумом» [9, с. 430]. Мислення є вищою формою психіки, у деякому розумінні її можна ототожнити із основною формою, що слугує виробничою заготовкою для інших форм. «Душа мовби рука: подібно до того, як рука

є знаряддя знарядь, так і розум - форма форм, відчуття ж - форма чуттєвого» [9, с. 440]. Все, що осягається розумом, у його діяльності проходить спочатку крізь призму існування чуттєвих форм. «Істота, що не має відчуттів, нічому не навчиться і нічого не зрозуміє» [9, с. 440]. Саме тому Аристотель стверджує: «Немає нічого в розумі, чого б раніше не було в чуттєвості». Вищим за саме мислення є надособистісне родове мислення, яке вінчає ієрархічну структуру пізнавальних здібностей душі.

Душа, за спостереженням Аристотеля, може набувати абсолютно різних станів залежно від вродженого чи набутого характеру психічних явищ. Вроджені стани душі – божевілля і дратівливість, а також неприродні тяжкі психічні відхилення, постають якісними характеристиками душі. Окрім вроджених станів душі, наявні і тимчасові, перехідні, вони легко підлягають змінам і з плином часу швидко зникають. «Стала властивість відрізняється від тимчасової тим, що вона триваліша і міцніша» [10, с. 72]. Тобто якщо людина перебуває у тривалому депресивному стані, їй можуть бути тимчасово властиві як роздратування, так і гнів.

Слід зауважити, що дуже важливу роль у формуванні чуттєвого образу в Аристотеля відіграє проміжне середовище. Для зору таким середовищем є світло, а для слуху – повітря. «Ми сприймаємо внаслідок того, що середовище впливає на нас». [9, с. 420], – говорить Аристотель. Беззаперечним носієм здатності відчувати, на думку філософа, є органи дотику: «Орган відчуття тотожний здатності відчувати» [9, с. 421], він ніби уподібнюється зовнішньому об'єкту у процесі відчуття. При цьому варто зауважити, що між органом і відчуттям існує зв'язок, тобто якщо відсутня певна чуттєвість, то й відсутній орган, який наділений цим відчуттям. З точки зору Аристотеля, відсутність здатності відчувати унеможливило існування самих органів, хоча саме явище дотику (біль, тепло тощо) прекрасно існує і без зв'язку із органами чуттєвості. «Але орган відчуття не може існувати без сприйняття загальних властивостей – вони сприймаються кожним відчуттям: рух, спокій, фігура, величина, число, єдність» [9, с. 424].

У теорії чуттєвого образу Аристотеля важливою є думка про те, що «кожний чуттєвий орган сприймає свій об'єкт без матерії», на підставі чого можна зробити висновок, що сенсорний образ сприймає і запам'ятовує тільки форму, а не сам матеріальний предмет [9, с. 424]. Тому навіть після припинення дії предмета на органи чуття залишається відчуття і уявлення про об'єкт спостереження чи пізнання. Оскільки відчуття відокремлені одне від одного, то відповідно і пізнання відокремленого одного від іншого унеможливується без певного єдиного сумарного центрального органу, який потрібний для того, щоб встановити відмінність між отриманими відчуттями. Тому для обґрунтування своєї теорії Аристотель вводить орган, який можна назвати «осередком чуттєвості», у

якому відчуття взаємодіють між собою за принципом асоціацій, подібності і часової суміжності.

Таким чином, на основі сказаного можна стверджувати, що Аристотель розуміє душу як животворчу силу, що бере участь у генезі свідомого і несвідомого у житті людини, будує і розвиває організм у комплексі всіх його функцій. Відтак, душа – це комплексна сукупність формальної причини, що проявляється у природньому стремлінні всього живого до росту в кінечну завершену гармонійну форму живої матерії, і сили, яка скеровує людину від її народження аж до смерті. Доречно підкреслити, що призначенням душі у Аристотеля, на відміну від душі Платона, стає не самопізнання і саморозвиток, а благоустрій матеріального світу. Якщо душа – це ентелехія тіла, його першопричина і рухома сила, то відповідно вона позбавлена платонівської самотності, а стає службовим додатком тілесності. Платон вбудовує в розуміння терміну «душі» поняття метафізичного вектора, розуму, моральності, волі, вулкану пристрастей, тоді як у Аристотеля залишається лише розумна частина, яка є ідеальною та безсмертною, а її існування незалежне від тіла.

Висновки і пропозиції. У широкому розумінні, людська душа – це весь безмежний світ людського. Людське – означає одухотворене, тому аналізуючи взаємодію людини зі світом, її переживання, думки і бажання, ми мимоволі пізнаємо душу самої людини. Сама душа не обмежена просторово-часовими рамками, а тому вона апіорі більша за тіло, оскільки взаємодіє як з трансцендентним, так і з іманентним, як з минулим, так і з майбутнім, як з реальним, так і з уявним.

На прикладі філософських прозрінь Платона і Аристотеля можна чітко відстежити перехід від метафізичного до фізичного, від безсмертного у смертне (хоча Аристотель і стверджував, що душа водночас смертна і безсмертна), від душі до психіки. Аналізуючи філософські концепції античних мислителів, ми бачимо, як зникає метафізична сутність, а трансцендентність розчиняється у космосі, висота думки стає недосяжною у процесі мислення, звільняючи дорогу земним справам.

Перспективи подальшого розвитку. Зафіксувавши факт плавної матеріалізації духовного життя античності, ми так і не отримуємо чіткої відповіді про причини обмирання душі, оскільки неможливо відстежити причинно-наслідковий зв'язок подій, які обумовили означену проблему. У подальших наукових пошуках питання сходження від метафізичного до фізичного потребує більш детального і глибокого дослідження.

Список літератури:

1. Аристотель. Большая этика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / Аристотель; [пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура]. – М., 1983. – Т. 4. – С. 295–374.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / Аристотель; [пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура]. – М., 1976. – Т. 1. – С. 63–367.

3. Платон. Бенкет / Платон // Читанка з історії філософії : у 6 кн. / [редкол.: Г. І. Волинка (голова) та ін.]. – К., 1992. – Кн. 1 : Філософія стародавнього світу. – С. 131–142.
4. Платон. Государство / Платон ; [пер. с греч. А. Н. Егунова] // Сочинение : в 3 т. / Платон. – М., 1976. – Т. 3, ч. 1. – С. 89–454.
5. Платон. Тимей / Платон; [пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева] // Сочинение: в 3 т. / Платон. – М., 1976. – Т. 3, ч. 1. – С. 455–542.
6. Платон. Филеб / Платон; [пер. с древнегреч. Н. В. Самсонова] // Сочинение: в 3 т. / Платон. – М., 1976. – Т. 3, ч. 1. – С. 9-87.
7. Платон. Менон / Платон; [пер. с древнегреч. СПб] // Сочинение: в 4 т. / Платон. – С.-Петербург. ун-та, 2006. – Т.1. С. 375–421.
8. Платон. Федр / Платон; [пер. с древнегреч. СПб] // Сочинение: в 4 т. / Платон. – С.-Петербург. ун-та, 2007. – Т.2. С. 161–229.
9. Аристотель. О душе / Аристотель // Сочинения: в 4 т. / Аристотель ; [пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура]. – М., 1976. – Т. 1. – С. 368–448.
10. Аристотель. Категории / Аристотель // Сочинения: в 4 т. / Аристотель; [пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура]. – М., 1976. – Т. 2. – С. 51–91.
11. Бердий Т. С. Понятие души в античной философии. [Электронный ресурс] / Т. С. Бердий // Вестник Приазовского государственного технического университета: сб. научных работ / ПГТУ. – Мариуполь, 1998. – Вып. 5. – С. 11–14. – Режим доступа: eir.pstu.edu/handle/123456789/8368
12. Кудинова А. А. Под знаком вечности (Проблема жизни и смерти в духовном опыте человечества). Монография / А. А. Кудинова. – Запорожье: ЗИГА, 2001. – 249 с.
13. Попова Л. О. Понимание души в учении Платона и Аристотеля. [Электронный ресурс] / Л. О. Попова // Studia Humanitatis: Международный электронный научный журнал. – 2014. – Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-dushi-v-uchenii-platona-i-aristotelya.
14. Казаков Е. Ф. От души к психике. [Электронный ресурс] / Е. Ф. Казаков // Вестник Кемеровского государственного университета – Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/ot-dushi-k-psihike.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Dorosh N.I.

*Doctor of Economic Sciences,
Professor Department of Accounting and Audit
Taras Shevchenko National University of Kyiv*

Kuzminska A.E.

*Master Student
Department of Accounting and Audit
Taras Shevchenko National University of Kyiv*

THE ROLE OF INTERNAL AUDIT IN ENTERPRISE IMPORT OPERATIONS RISK MANAGEMENT

Summary: The article highlights the main risks of import activity and its impact on the achievement of the company's business objectives. The functions of internal audit on risk management, control and corporate governance are defined. The main stages of the risk management of import activity, features of risk identification, its estimation and choice of the type of risk response are characterized. A risk register has been modeled and risk-appetite of the enterprise has been determined. The relationship between the level of enterprise risk maturity and the methodology of internal audit is highlighted.

Key words: import operation risk, internal audit, risk management, risk response, probability of risk occurrence, risk impact, risk appetite, risk maturity level, risk register.

Formulation of the problem. In the conditions of intensification of European integration, there is a deepening of socio-economic and political relations between the states, making new demands on the quality of products, goods and services. Both those that are exported and those that are aimed at satisfying demand in the domestic market. Today the importance of import activity is increasing as market satiety with high-quality consumer goods, expansion of its assortment, introduction of advanced technologies and foreign experience is taking place. Import activity is characterized by the presence of a significant number of risks that affect the achievement of operational and strategic objectives of the enterprise. Implementation of risk-oriented internal audit to assess the effectiveness of enterprise risk management of the specified risks makes it possible to establish the adequacy of their assessment, the risk response and in general is essential for the effective import activity of the enterprise.

Analysis of actual research. The problem of development of theoretical aspects and methodology of internal audit is investigated in the scientific works of S.V. Bardash, V.V. Golovach, N.I. Dorosh, T.O. Kamenska, O.A. Petryk, N. M. Proskurina, O.Yu. Redko, V.S. Rudnytskyi, L.O. Sukhareva, N.S. Shalimova, M.M. Shyhun, A.V. Yanchev.

Despite the fact that the importance and attention to risk management process and assessment problems has increased recently, the issue of implementing the concept of internal audit aimed at assessing risk management process to the practical activity of import enterprises, requires further investigation and research.

The purpose of research is to identify the main risks that arise when carrying out import transactions; disclose the risk management process of import operations; model the risk register of import operations; define the internal audit functions for assessing enterprise risk management.

Presenting of the main results. The risks that arise in the course of import operations are often related to the complexity of applying tax and customs legislation, the peculiarities of transporting goods and crossing the border, the need to make settlements in foreign currency, and the specifics of these settlements. In accordance with the special characteristics of import activities it is useful in the broad sense to distinguish the risks that are directly related to the goods and that are related to the settlements for them. The different nature of these risks and their possible impact on the activity of the company make it possible to classify risks into different groups: strategic, operational, information risks, which in future determines the peculiarities of risk assessment and risk response.

The main risks that may arise in the course of import operations are: information risks that arise at the stage of market research, related to the analysis of prices and product quality and the conclusion of the foreign economic contract; difficult political or economic situation in the supplier's country, risks of public order violations leading to the impossibility of supplying goods; potential loss or damage of goods during transit; transport delays and potential delays in ports; storage of goods in customs warehouses; currency fluctuations.

The risk management system can be created at the enterprise to manage the risks properly. The main functions of risk management are:

- development and implementation of the general risk management process, which includes an analysis of the financial impact of risks on the enterprise activities;
- risk assessment, analysis of current risks and identification of potential risks;
- determining the level of risk an enterprise is ready to accept;
- calculation of insurance budgets, accounting of insurance policies;

- risk reporting to meet the information needs of stakeholders;
- informing staff of existing and potential risks through support and training;
- communication with auditors when conducting an internal audit of enterprise risk management process [11, p. 58].

In accordance with the International Standard for the Professional Practice of Internal Auditing 2100 «Nature of work» [13, p. 12], the nature of internal audit is that it should evaluate and enhance the efficiency of corporate governance, risk management and control using a risk-based approach. At the same time the value of internal audit increases if the assessment of effectiveness determines the future impact and improves the risk management process. In accordance with the International Standard for the Professional Practice of Internal Auditing 2120 «Risk management» [13, p. 13] an internal audit should assess the impact of risk in terms of strategic management, reliability and integrity of financial information in the management system, asset protection, compliance with laws, internal regulations, policies and terms of contracts.

At the planning stage of the internal audit of risk management assessment the head of the internal audit should develop a plan and program that takes into account the strategic objectives of the enterprise, the risks that affect them and the process of managing those risks [14, p. 286]. Taking into account the specificity of import activities and the continuous increase in the number of risks accompanying it, the internal audit plan needs to be updated and adjusted. In addition, at the planning stage, it is necessary to identify the most risky aspects of the activity based on the strategy of the company, discuss all possible risks with the management of the organization, review the risk register, enterprise risk appetite and corporate risk management approach.

When planning an internal audit the risk maturity level is important, that is how effective an enterprise manages risks. The conducted researches have shown that the following levels of maturity are mainly determined: primary risk; determined risk; implemented risk; managed risk; optimized risk [11, p. 51]. Such maturity levels characterize the gradual increase in the level of risk management at the enterprise. In terms of risk management the primary level assumes that there is no formal risk management approach; determined risk – the approach to risk management is partially determined; implemented risk – the strategy for identifying and managing risks is carried out locally; managed risk – risk management policy is developed and implemented through discussion; optimized level – risk management and monitoring are embedded in the operations, and therefore the understanding of the process is quite high and experienced.

Internal auditor's actions under different maturity levels are described below but it is considered that an effective internal audit of risk management assessment can be conducted only if there is a risk register created and a corporate risk management model.

Primary risk – internal audit is aimed only at controls. Planning can be undertaken but not documented.

Determined risk – the work of internal audit mainly focuses on controls and risks, but not on corporate governance. Planning is carried out and documented.

Realized risk – internal audit focuses on control, risk and corporate governance. Planning and documentation of internal audit is carried out and interested parties are not involved to the planning process.

Managed risk – internal audit work aimed at control, risk and corporate governance. Internal auditors use in their work the risks identified in the risk register, but do not use a defined concept of control, although the internal audit plan is also subject to periodic adjustments.

Optimized risk – internal audit aimed at controls, risks and corporate governance. At the same time in the internal audit plan there is a clear link with the risks identified by the enterprise, which are reflected in the corporate risk register. Once the risk is optimized, the internal audit plan is periodically subject to adjustments depending on the specific circumstances that arise, and the internal audit uses its defined concept of control in its work. Internal audit planning is carried out with the involvement of all stakeholders, because in the case of optimized risk the risk register reflects the priorities of the board of directors of the company and other stakeholders.

The risk management process is cyclical and consists of the following stages: identification of risk, its assessment, implementation of response measures and monitoring. Risk identification is the first stage in the risk management process and involves all individuals who have appropriate experience and influence on the part of the enterprise where the risks are identified. For example, managers of foreign economic activity, customs brokers can be involved to the process of identifying risks that characterize import activity. Considerable attention is needed to be given to the identification process in order to identify all potential risks, from those with the maximum exposure and ending up with the lowest exposure. At the same time it is important to identify the main risks that can have a significant impact on the successful enterprise activity and its achievement of strategic and operational goals. Some risks can be so unpredictable that there are difficulties not only with their identification, but also with determining of their level of influence.

The next step is the assessment of the identified risks. It has to deal with two aspects – the level of influence and probability. The main purpose of this stage is to determine what losses would have the enterprise in the event of this risk by means of quantitative and qualitative methods. As a result of the assessment the company receives a list of potential risks. The assessment of identified risks can be carried out in several ways: the setting of the score and expert probability.

When using a score assessment, the probability of occurrence of a risk is determined using scores, for example, from 1 to 9. In this case score 1 is given to risk, which is practically impossible to occur, score 9 – if the manager is sure that the risk will occur. Grades from 2 to 8 are assigned to risks depending on how possible

the risk manager considers its occurrence. A graphic representation of risks (risk map) can be a logical extension of the indicated method, which is an effective form of information visualization from the point of view of its perception and enables to identify the risks that constitute the greatest threat to the enterprise. In this regard it should be noted that the application of the method of score assessments is appropriate if the number of risks is insignificant and their probability and level of impact can be determined unambiguously.

The method of expert probability for risk assessment is used if the company identified a significant number of risks, and therefore the probability of their occurrence and the level of influence on the company's activity is more appropriate to determine by using two-digit numbers from 0,01 to 0,99 [1]. In order to establish the significance of each risk the magnitude of the

occurrence probability should be multiplied by a probabilistic indicator of the consequences of this risk for the enterprise. Risk ranking on the basis of this overall risk assessment makes it possible to distinguish those risks that are the greatest threat to achieving strategic and operational objectives of the company. At the same time it should be noted that the overall assessment of risk, determined on the basis of the probability of its occurrence and the severity of impact, may not always be able to characterize the actual situation, therefore it is expedient to deepen it with the cost value of risk.

In general the assessment of each risk component – the probability of occurrence and impact, as well as its impact on separate goals or general purpose of the enterprise is a complex process, however, we can distinguish five levels of significance, which are given in Table. 1

Table 1

Ranking of the risk severity levels for the enterprise

Impact	Probability	Characteristics of the consequences for the enterprise
Critical	Expected	Termination of enterprise's activity for a long period of time
Considerable	Highly likely	The emergence of obstacles to achieving the company's main goals over a long period of time
Moderate	Possible	Limitation of the achievement of some goals for a certain time
Minor	Unlikely	The emergence of some problems that do not affect the achievement of the goals and strategic objectives of the enterprise
Incidental	Minor	Minor issues that may have an impact on some of the operational objectives of the enterprise over a short period of time

Source: developed by the authors on the basis of [5]

Identification and risk assessment further implies the need for appropriate responses to it. It is important to create a reliable internal control system integrated into the corporate governance system and corporate culture. Until recently the internal control model COSO ERM, developed in 2004, was the most common. It includes eight components: internal environment, objective setting, event identification, risk assessment, control activities, information and communication, monitoring. These components are integrated into the corporate governance system and should be consistent with the company's strategic purposes. However, it should be noted that the described components are more focused on the risk management process and are separated from their practical implementation and integration into the current needs of enterprise activity. In this regard in 2017 the COSO ERM system has been substantially improved. The main components of the updated concept are: management and culture; strategy and objective setting; efficiency of activity; monitoring and implementation of changes; information, communication and reporting. At the same time risk management is not just a function or a specially organized department, it is first of all a culture, competencies, practices that are integrated into the process of developing a strategy and managing enterprise efficiency [9].

The choice of the risk response type depends on the probability of its occurrence and the level of impact on the enterprise. In general, there are different views on identifying types of risk response. Thus, most foreign risk-management scholars, in particular P. Hopkin [11, p. 173], argue that there are four main types of risk

response: risk acceptance, risk transfer, risk mitigation, risk avoidance as non-implementation of the business transaction. P.V. Strelnikov [17, p. 132] believes that four main methods of response should be distinguished: the method of refusal (the rejection of excessively risky activity), the method of reduction (prevention or diversification), the method of transfer (outsourcing of costly risk functions), the method of adoption (formation of reserves or stocks). L.M. Cherchyk [3, p. 181] proposes to divide all types of response into external (risk-sharing, insurance) and internal (limitation, diversification, reserve creation, obtaining additional information). V.V. Hlushchevskiy [10, p. 121] highlights the following types of response: risk avoidance, risk prevention, risk acceptance (saving), risk reduction (optimization). According to O.V. Smetanko [15, p. 139] it is necessary to distinguish such methods of response as: outsourcing; diversification; control; freighting; limitation; localization; absorption; search of guarantors; asset reservation; self-insurance; insurance; risk aversion; hedging. K. Spencer [16, p. 183] identifies ten types of risk response, which include: termination of the operation, increased control, risk transfer, making contingency, risk taking, forced risk acceptance, communication, risk analysis, compliance checking, transfer of information about risk. We see that despite a large number of views on the identifying of the main types (methods) of risk response, their nature is generally boiled down to four main: the acceptance of risk, its transmission, risk mitigation and its avoidance, while other methods are branching the previous ones, supplementing them, detailing and enable

the enterprise to choose the type that is most suitable for it and depends on the specific circumstances that have arisen at the enterprise.

The results of the analysis of the response types to various types of risks that arise when carrying out the import operations at the enterprise, are given in Table. 2.

Table 2

Risks responses of the enterprise that carries out import operations

№	Type of response	Risk	Characteristics of measures
1	Risk avoidance and disrupting of business transaction	Disaster in the supplier country	The cost of adequate security measures does not provide reasonable assurance that the company will not fall into the epicenter of the disaster and its production capacity will be destroyed, the feasibility of such imports should be considered
2	Increase control and monitoring	Military conflict in the supplier country	Strengthening control can be done by questioning experts on the situation, receiving official requests.
3	Risk transfer	Damage of goods during the transit	The transfer of risks, associated with the carriage of goods, its delivery to the insurance company.
4	Risk acceptance	Instability in supplier country	The importing company can enter into an agreement with a supplier in a country that has a reputation for being unstable, but which is gradually opening up for business.
5	Communication	Distribution of diseases during the transit	In the case of import goods that are subject to veterinary and sanitary control, it is necessary to provide interested parties with information about the respective risks of infection
6	Compulsory risk acceptance	Increase of delivery time	Such reaction may be applied when the importer has no alternative to choosing a supplier in connection with the import of unique goods.
7	Conducting of risk research	Political instability in the supplier country	In the case of entering into a foreign economic contract in a politically unstable country, the importer may apply to an international consultant, expert or futurist for information on conditions, risks and further deployment of events.
8	Transfer of information about risk to stakeholders	The risk of enterprise resourcing	In practice of the importing company assessing of business risks can be a major obstacle to providing enterprise resourcing. In these situations it is best to convey information about the strategic management to the board of directors and to note that there is a risk of the absence of strategic goals for growth.

Source: developed by the authors

The described risk management process is simple and logical, it enables to identify risks, adequately assess them and ensure that clear decisions are made on choosing the appropriate type of response.

The risk register is an important attribute of risk management maturity. The risk register is a tool for mapping risk assessments and making decisions about identified risks, including for internal audit needs. The maintenance of the risk register makes it possible to record the risks associated with the processes and de-

termine their importance. The register should be continuously updated and adjusted to take into account enterprise objectives, internal and external risks, control measures. At the same time it is necessary to consider that there is a need to create a risk register «before» and «after» the adoption of internal control measures. It should be noted that before taking appropriate measures we are dealing with an inherent risk, after taking measures – the residual. We will demonstrate the process of determining the residual risk of an enterprise in figure 1.

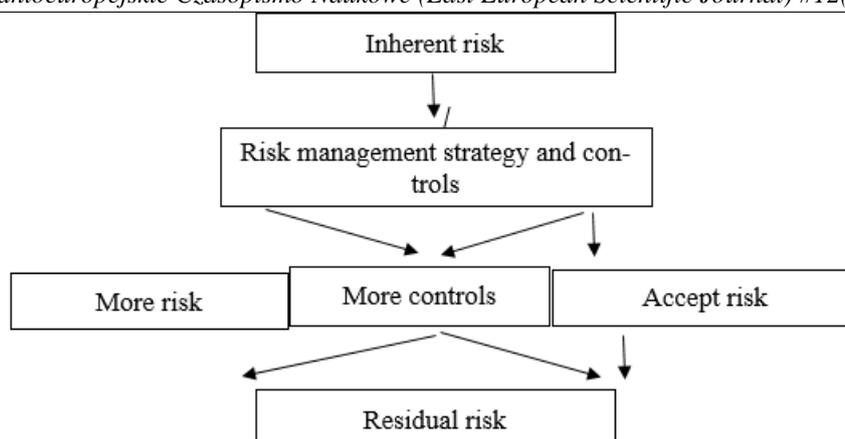

Figure 1. Determination of the enterprise residual risk Source: developed by the authors

The identifying of risk assessment as significant or insignificant in the register depends on its perception by the enterprise, its risk appetite. Risk appetite is the level of risk an enterprise is ready to take in accordance with its strategic and operational objectives. The concept of risk appetite aims at improving the effectiveness of internal control, while risk management should be carried out in such way that according to the results of risk management they do not exceed the defined risk appetite. Risk appetite shows how company sees the residual risk after its disclosing through an appropriate strategy, whether it is acceptable or whether more measures are needed to maintain it [5, p. 18]. Measurement of risk appetite can be carried out both qualitatively (from the position of risks classification to high, medium and low) and quantitatively (from the point of view of cost value of the risk impact on the achievement of the enterprise purposes). The definition of risk appetite is generally associated with certain subjective features that characterize managers who make decisions about risk management, since the risk appetite does not always depend on objective factors, but may

be determined subjectively. The described subjectivity useful to consider from the position of two investors. The first investor prefers an investment with very low risk, but usually with a low profitability or low stock index, while the other – can invest in a startup stake of high-tech low-capital companies, but with the expectation of a very high profitability. The latter investor may be characterized as having a high risk profile [14, p. 125].

Suppose that PLC «Genesis», a distributor of medical goods, carries out their import from India. It is possible to modify the risk register of the company foreign-economic activity, which is part of the overall corporate risk register, actually defines the risks that arise in the process of enterprise resourcing and is shown in the table 3. Assessing the probability of risk occurrence and its impact we will use scores from 1 to 5, since the number of risks is insignificant, and therefore the use of the expert probability method is inappropriate. We will calculate the significance (general assessment) of risk for an enterprise by multiplying the estimated level of impact by the probability of risk occurrence.

Table 3

Risk register of foreign economic activity department

Type of risk	Risk assessment			Strategy of risk mitigation	Risk manager
	Occurrence	Impact	General		
Damage of goods during the transit	4	4	16	Risk transfer	Foreign economic activity manager
Political instability in the supplier country	5	1	5	Conducting of risk research	Foreign economic activity manager
Impossibility to deliver goods to the supplier	5	2	10	Risk acceptance	Foreign economic activity manager
Increase of delivery time	3	5	15	Increase control	Customs broker
Long-term storage of goods in customs warehouses	3	3	9	Risk transfer	Customs broker
Growth of the foreign exchange rate	5	4	20	Risk acceptance	Financial controller

Source: developed by the authors

We see that the risk register makes it possible to rank the risks by the level of materiality for reaching the strategic and operational purposes of the company, and also shows those risks that the organization is ready to accept – the risk appetite. In our case the company risk appetite includes such risks as: the risk of impossibility to deliver the goods to the supplier and the risk of foreign exchange rate growth. The acceptance of these risks can be explained by the absence of alternatives to the importer regarding the choice of the supplier and the currency of the foreign economic contract.

The internal audit function should aim at providing the management of the company with reliable information on the effectiveness of the described risk management process. An internal audit focused on assessing risk management, control measures and corporate governance, requires the use of appropriate methodological tools. The main features of this approach are:

1. Internal auditors should check the adequacy and accuracy of the risk register if they were not involved into the process of compiling it, and also confirm that the register can be the basis for the preparation of the internal audit plan and program.

2. Identifying of risks associated with the need for expressing the expert judgment of internal auditors. Grouping of these risks into audits to create risk and audit areas and developing of the audit plan and program.

3. Conducting of individual audits to express an expert opinion. Providing periodic report, at least annual, to the audit committee, and, if necessary, updating the risks and scope of the audit.

As a result of the audit the internal auditor can conclude that the risk management process is effective under the following conditions:

- the objectives of the enterprise are clearly defined, complement its mission and meet it;
- the company identifies and assesses significant risks;
- the type of risk response is determined in accordance with the risk appetite of the enterprise;
- risk management tools are implemented effectively;
- information about risks is collected and updated constantly, accessible to all departments and ensures their effective performance [13].

Conclusions. Import operations are characterized by the presence of a significant number of risks that have a significant impact on the company's strategic and operational goals. The process of risk management is cyclical and its essence is to maximize those areas in which the company can in some way control the result, minimizing areas in which the result is impossible to control. The type of risk response is chosen on this basis, which depends on the level of risk impact and probability of its occurrence. The assessment of the risk significance to the enterprise can be carried out quantitatively and qualitatively, depending on the specifics of the enterprise's activity, the number of identified risks, and generally characterizes the impact of risks on the

company's ability to achieve its objectives. The implementation of risk-oriented internal audit is aimed at increasing of the corporate governance, control and risk management efficiency.

References

1. Bedford T. Probabilistic risk analysis: foundations and methods / T. Bedford, R. Cooke. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 414 p.

2. Benes V. Internal audit and its approach to the risk mitigation / Adalta: Journal of Interdisciplinary Research. – 2012. – Issue 2.

3. Cherchuk L.M. System of enterprise risk management: essence and components / L. M. Cherchuk, I. Ivashkevych, S. Behun // Economic forum. – 2017. – № 1. – P. 178-184. – Access mode: http://nbuv.gov.ua/UJRN/ecfor_2017_1_28.

4. Crouhy M. The essentials of risk management / M. Crouhy, D. Galai, R. Mark. – New York: McGraw-Hill, 2014. – 672 p.

5. Dorosh N.I. Assessment of risk management as a function of internal risk-oriented audit / N. I. Dorosh // Bulletin of the Taras Shevchenko National University of Kyiv. Economy. – 2017 – Issue 5. – P. 13-21. – Access mode: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VKNU_Ekon_2017_5_4.

6. Dorosh N.I. Internal control and audit in enterprise risk management / N. I. Dorosh // Visnyk of Lviv Commercial Academy. Series: Economic. – 2014. – Issue. 44. – P. 148-152. – Access mode: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vlca_ekon_2014_44_31.

7. Dorosh N.I. Risk assessment in audit / N. I. Dorosh // Scientific bulletin of the National Academy of Statistics, Accounting and audit – 2017. – Issue 5.

8. Dorosh N.I. Internal audit functions on assessment of enterprise risk management / N. I. Dorosh, A. S. Shapoval // Trade, commerce, entrepreneurship. – 2014. – Issue 16. – P. 164-167. – Access mode: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Torg_2014_16_38.

9. Enterprise Risk Management – Integrated Framework // [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.coso.org/>

10. Hlushchevskiy V.V. Methodological basis of the risk management concept of entrepreneurial activity / V.V. Hlushchevskiy // Finance of Ukraine. – 2009. – № 10. – P. 116-124. – Access mode: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Fu_2009_10_12.

11. Hopkin P. Fundamentals of risk management: understanding, evaluating and implementing effective risk management / P. Hopkin. – 5th. ed. – Kogan Page. – 2018 – 441 p.

12. International Standard on Auditing (ISA) 315 «Identifying and assessing the risks of material misstatement through understanding the entity and its environment» // [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.ifac.org/system/files/downloads/a017-2010-iaasb-handbook-isa-315.pdf>

13. International Standards for the Professional Practice of Internal Auditing 2017 Edition. Copyright © 2018 The Institute of Internal Auditors. All Rights Reserved. // [Electronic resource]. – Access mode: <https://na.theiia.org/standards-guidance/Public%20Documents/IPPF-Standards-2017.pdf>

14. Moeller R. Brink's modern internal auditing: a common body of knowledge / R. Moeller. – 8th ed. – JohnWiley & Sons, Inc. – 2016 – 832 p.

15. Smetanko O. V. Improving of the process of risk identification and response by the internal audit service / O.V. Smetanko // *Economic Journal-XXI*. – 2014 - № 11-12. – P. 135-139. – Access mode: http://nbuv.gov.ua/UJRN/ecchado_2014_11-12_35.

16. Spencer K. The internal auditing handbook / K. Spencer. – 3rd ed. – JohnWiley & Sons, Inc. – 2010 – 1088 p.

17. Strelnikov P.V. Risk Management / P.V. Strelnikov, D.P. Strelnikova // *Mathematical Machines and Systems*. – 2017. – № 1. – P. 131-133.

Karp I. M.

*Ph.D., Associate Professor at the Department of Economic Theory
Ternopil national economic university*

Virkovska A. A.

*Ph.D., Lecturer at the Department of Economic Theory
Ternopil national economic university*

LOGISTICS IN THE GLOBAL FOOD INDUSTRY

ANNOTATION. The modern system of the food industry faces a significant number of social and environmental problems of sustainable development. Consumers prefer geographically close food producers, and the regions concerned offer some answers to these challenges. However, all costs associated with the distribution of food from many small producers to consumers have become the main barrier to the long-term success of the food system. The best option in this case is the practical application of logistics, which has a huge potential for increasing the efficiency and optimality of supply chains. Management of today's supply chains is extremely complicated. Depending on the product, the supply chain can cover hundreds of stages, multiple geographic (international) locations, a multitude of invoices, and payments that are involved in a number of individuals and legal entities.

In order to determine the optimality of supply chains in world practice, various logistic indicators are widely used, among which the leading role belongs to the logistics performance index.

Key words: logistics, global market, food industry, supply chains, transportation, logistics performance index.

Relevance of research. Today, the global food system provides consumers with convenient and permanent access to an extremely diverse range of foods, regardless of season or region. However, despite these benefits, the consumer is looking for an alternative to the global system, and therefore, the demand for regional production is very high. The motivation of consumers to buy food is somewhat different and is based on certain benefits: lower prices, fresher, safer and / or more nutritious products, less dependent on transportation, and possibly the ability to support the local economy, as is typical for developed countries of the world. Many consumers also prefer the cooperation in which is direct interaction with farmers who produce their own food. Such interactions contribute to the transparency and trust of producers-consumers relations.

In such conditions, efficient logistics management requires sufficient infrastructure to support the consistent delivery of the required product, in the right amount, in the right place, at the right time, in the correct state for the right price. However, the logistic infrastructure of food chains is not optimally developed today.

Analysis of recent research and publications. In recent years, researchers have recognized the relevance of supply chain management and innovation for the food sector. As many industries reconfigure their activities around core competencies, it is extremely useful to respond quickly to changing competitive environments. It is the implementation and use of the logistics system that is important for effective and optimal activity.

Selection of unexplored parts of the general problem. Although logistics is not a new panacea today, some aspects of its use and operation remain unchallenged to the end. Thus, the issues related to the efficient use of labor in logistics need to be dealt with more deeply, since it is from human resources that the efficiency and reliability of suppliers depend, since such reliability is critical to the success of the entire logistics supply chain.

Setting objectives. Since the use of logistics in the food market contributes to increasing its competitiveness, it is advisable to determine the efficiency of logistics chains in transport flows, warehouse infrastructure, inventory management, labor utilization and reliability of suppliers. Evaluate the logistics performance index used, which identifies challenges and opportunities for improving logistics efficiency.

Presenting main material. Logistic management is not a new concept and is known to promote the change in the competitive environment in each separate economic sector. Increasing the level of transparency of the supply chain can significantly improve the brand loyalty, while strengthening business relationships. It is necessary to develop stronger relationships with suppliers and distributors and increase the level of transparency to manage the supply chain.

Over the past twenty years, the international food trade and foreign trade have grown in the food industry. This means that global competition is mounting, especially for those producers who relied on national rules to protect against international competition. The

change in the competitive environment in the food industry is primarily due to changes in the food industry logistics. The food industry has some special characteristics that distinguish it from other industries. This is primarily due to seasonality in general and in material production, the demand for means of transportation, stocking and storage, the use of labor resources, reliability of suppliers.

Supply chains in each industry face a variety of transport problems, including lack of capacity, empty feedback, security and pollution problems, as well as concerns about the environmental impacts and consumption of non-renewable energy sources. The best thing to do in this case is to increase the efficiency of transportation in the supply chains, reduce empty feedback, the appropriate choice of vehicle, frequent and timely delivery, the involvement of third-party logistics providers and the development of cooperation in the field of transport. For example, by consolidating delivery routes and reducing stops, Kraft Foods Inc. has improved overall fuel efficiency by 7% [1].

Effective use of vehicles can be achieved through the management of the transport system (transport management system TMS). TMS software automates many of the major transport functions, including carrier selection, vehicle fleet management, routing and scheduling, and freight audits.

The latest structure of warehouse infrastructure is needed to maintain effective logistics for large volumes of regional food segments. The best way in this case is to increase the productivity of warehousing and distribution centers, which include effective work optimization of site selection, proper infrastructure development, effective storage, collection and packaging policies, as well as cooperation and resource sharing within and outside the supply chain for warehouses. Package provides the opportunity to save money and improve the stability of the worldwide supply chain.

Balancing demand and supply is a major supply chain problem. This imbalance in supply and demand is partly due to poor coordination between marketing and production, demand planning and inventory management. An important task of inventory management in the logistics chain is food tracking. One of the biggest advantages of the logistics supply chain is the ability to provide customers with detailed information on the sources of supply and production methods through their relatively shorter supply chain structure.

Effective use of labor in logistics is extremely important. Improper training of workers can lead to a variety of negative consequences, including frustration of workers and frequent turnover. Therefore, the implementation of effective training programs is a critical point for success in all logistics operations. A well-structured employee training plan brings increased operational efficiency as well as improved service levels [1]. In particular, cross-training of employees is improved, which allows them to execute a wider spectrum of tasks, improves the flexibility of work planning and all this leads to greater satisfaction of each individual employee and maintenance in the workplace.

Effective logistics plays an important role in the reliability of vendors. This reliability is critical to the success of the supply chain, since stock availability has a significant impact on customer satisfaction and loyalty. This is especially important with suppliers of perishable goods, which is typical of the food industry. As a rule, today we have two kinds of perishable losses, loss of quantity and quality. Technological advances can help to increase the reliability of deliveries.

Logistics, as well as supply chain management, are considered critical factors for companies to gain competitive advantage. In fact, logistics, as well as supply chain management began to be effectively implemented since the early 80's. Food logistics usually involves the integration of information flow, material handling, production, packaging, inventory, transportation, warehousing, and often security. The complexity of logistics can be simulated, analyzed, visualized and optimized by special software. Minimizing resource utilization is a general motivation in logistics for import and export.

Nowadays an important issue in managing supply chains is that companies do not seek to reduce costs or improve profits at the expense of their supply partners, but are keen to make the supply chain more competitive [2].

Therefore, to assess the efficiency of logistics in developed countries, various indexes have been launched and implemented; one of such important indexes is the logistics performance index.

Based on a worldwide survey of global freight forwarders and express carriers, the Logistics Performance Index is an interactive benchmarking tool developed by the World Bank that measures performance along the logistics supply chain within a country. The index can help countries identify challenges and opportunities and improve their logistics performance. The World Bank conducts the survey every two years.

The **Logistics Performance Index (LPI)** summarizes the performance of countries in six areas that capture the most important aspects of the current logistics environment:

1. Efficiency of the customs clearance process.
2. Quality of trade and transport-related infrastructure.
3. Ease of arranging competitively priced shipments.
4. Competence and quality of logistics services.
5. Ability to track and trace consignments.
6. Frequency with which shipments reach the consignee within the scheduled or expected time.

The aim of the LPI is to determine how efficient supply chains are established in the logistics market. Logistics plays an important role in countries because trade and transport are foundational elements for economic growth. The LPI is an excellent benchmarking tool as it compares more than 160 countries.

The LPI examines topics like the effectiveness of customs procedures, infrastructure, transport organization, time issues, quality control and tracking services. Since being implemented, the results have been rela-

tively similar. The gap between the highest and the lowest scoring countries has fluctuated, and over the past few years, this gap has become even smaller (The scores of the top 10 are falling while the lowest scoring countries are improving). The top 10 is predominantly comprised of countries with a high per capita income, 80% are European countries. Scandinavian countries also do well, with Sweden and Finland in the top 10 (table 1). Major economies like India and Indonesia can

be found more in the middle of the scale, but they are performing well. Their position is often related to the presence of seaports or their connections to major logistics hubs. The rating of a country's logistics performance stems from confidence in supply chains and the quality of their services. This is usually dependent on the quality of the transport system and not on matters of time or money. Recent studies show that this trend will become increasingly more important [3].

Table 1

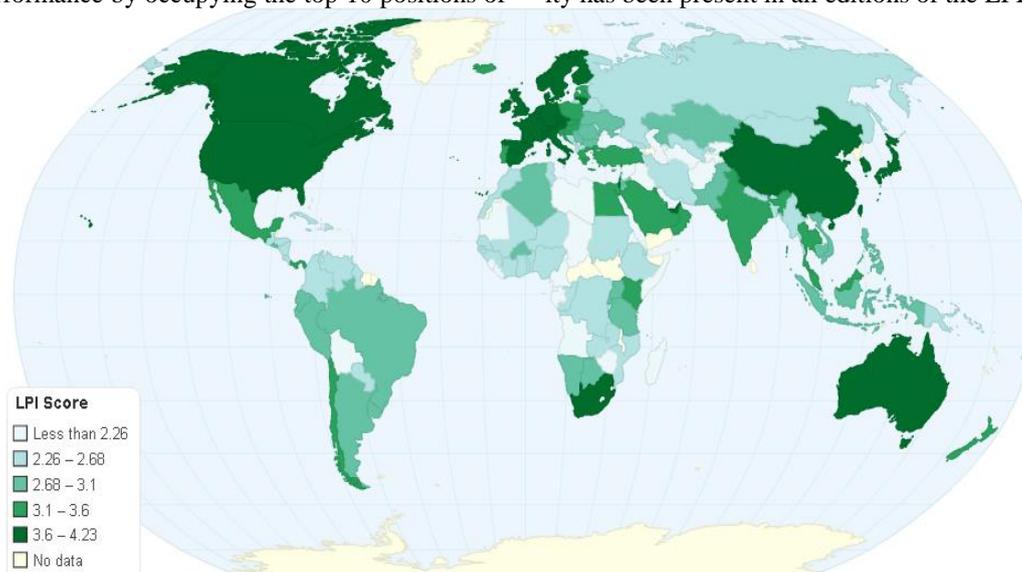
Top 10 LPI economies, 2018

Economy	Rank	Score
Germany	1	4,20
Sweden	2	4,05
Belgium	3	4,04
Austria	4	4,03
Japan	5	4,03
Netherlands	6	4,02
Singapore	7	4,00
Denmark	8	3,99
United Kingdom	9	3,99
Finland	10	3,97

Source: <https://lpi.worldbank.org/international/global/2018> [3]

Once more, high-income economies solidify their past performance by occupying the top 10 positions of

the ranking in 2016 (picture 1). This empirical regularity has been present in all editions of the LPI.

Picture 1. Logistics Performance Index 2016

Source: <http://chartsbin.com/view/41356> [4]

In fact, the composition of the top 15 on the list of best performing countries has only changed marginally since 2014 and even 2010 (table 2). This is not surprising. These countries have been traditionally recognized as dominant players in the supply chain industry, with a global footprint in transportation and logistics services provision. The bottom 10 countries in the ranking are composed of low-income and lower-middle-income countries. Generally speaking, these are either fragile economies affected by armed conflict, natural disasters, and political unrest, or landlocked countries that are

naturally challenged by economies of scale or geography in connecting to global supply chains. The lower-middle-income group continues to be led by large economies such as India and Indonesia and emerging economies such as Kenya and Vietnam. Meanwhile, the top-performing uppermiddle-income economies show mixed performance, although the overall group composition remains similar to previous editions, with South Africa and China leading the group. Within the low-income group, East African countries are leading the performance in this year's edition [5].

Table 2

LPI, top economies overall 2012-2018

Economy	Mean rank	Mean LPI score, 2012-2018	% of highest performer
Germany	1	4,19	100
Netherlands	2	4,07	97,2
Sweden	3	4,07	97,2
Belgium	4	4,05	96,9
Singapore	5	4,05	96,6
United Kingdom	6	4,01	95,7
Japan	7	3,99	95,3
Austria	8	3,99	95,2
Hong Kong SAR, China	9	3,96	94,6
United States	10	3,92	93,7

Source: <https://www.controlpay.com/blog/top-10-logistics-performance-index-lpi-2018/> [5]

Conclusion. The use and implementation of logistics management supply chains today is one of the most important aspects of food business. Management of the logistics supply chain is the center of a major product business revolution, since it gives the opportunity to get products on the market faster at a lower cost. The logistic system of economic activity is effective for coordinating the order formation, accepting and execution; distribute products, services and / or information. Efficient supply chain management goes beyond narrow functional areas tailored to customer needs. For example, such firms as Amazon, Walmart have consistently outperformed competition due to the large supply capability [6].

Logistic management implies effective consideration of market demand, optimal allocation of food enterprises' resources to meet consumer demand. The main focus of this is to ensure fast, accurate and reliable compliance with customer orders. This process seeks to ensure:

- time reduction of drafting and ordering;
- cooperation with suppliers and customers;
- transportation optimization for maximization, reliability of transportations and minimization of expenses;
- optimization of managerial decisions, placing in the client priority.

Logistics management in the food industry, as well as the evolution of the marketing sector, has profoundly influenced the procurement and supply chain management function. What once traditionally belonged to the operational function (acquisition and distribution), which had a short-term and structural vision, changed to a holistic strategic function that requires long-term planning with a wide range and effects of the entire organizational system.

The growth of the logistics function, especially in products and their components, has a significant impact

not only on the relations within the enterprise but also on the external ones. In addition, the traditional concept of simple management between the supplier and the client has increased, including relationship management covering the logistics supply chain (suppliers), as well as customer network. Such a growing set of relationships is part of the integrated links required by most of the complex food producer organizations to maintain competitive advantage. The complicated relationship in the efficiency of the food sector has led to the concept of supply chains and supply chain management, when the interdisciplinary focus, which includes a number of functions in the organization, is crucial for managing the entire logistics chain.

References

1. Logistics Best Practices for Regional Food Systems: A Review MDPI [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.mdpi.com/2071-1050/10/1/168/pdf>
2. Operations Management of Logistics and Supply Chain: Issue sand [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hindawi.com/journals/ddns/2014/701938/>
3. Logistic performance index [Electronic resource]. – Access mode: <https://lpi.worldbank.org/international/global/2018>
4. Logistic Performance Index 2016 [Electronic resource]. – Access mode: <http://charts-bin.com/view/41356>
5. Top 10 Logistics Performance Index (LPI) 2018 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.controlpay.com/blog/top-10-logistics-performance-index-lpi-2018/>
6. Global supply chain: The consolidators' role. Science Direct [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.sciencedirect.com/science/S22147160153001...>

Zyryanova T. V.

doctor of Economics, Professor

Zagurski A.O.

post-graduate student of 2 course

eg. "Economics and management of national economy»

Ural state agrarian University

g. Yekaterinburg

Зырянова Т.В.

д.э.н., профессор

Загурский А.О.

аспирант 2 курса

напр. «Экономика и управление народным хозяйством»

УрГАУ г. Екатеринбург

TAX ASPECTS OF STATE REGULATION OF SMALL FARMS IN AGRICULTURE

НАЛОГОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АПК

ABSTRACT: this article is devoted to the assessment of the role of taxation in small forms of management in the framework of the priority national project of development of agriculture. The role of tax regulation in such areas as investment activity, profitability of production and labor efficiency is considered.

Key words: peasant (farm) economy, tax regulation, tax burden, investment activity, profitability.

АННОТАЦИЯ: данная статья посвящена оценке роли налогообложения в малых формах хозяйствования в рамках приоритетного национального проекта развития АПК. Рассмотрена роль налогового регулирования в таких направлениях как инвестиционная активность, рентабельность производства и эффективность труда.

Ключевые слова: крестьянские (фермерские) хозяйства, налоговое регулирование, налоговая нагрузка, инвестиционная активность, рентабельность.

В новейшей истории России в период радикальных реформ аграрных отношений, происшедших во второй половине 1980-х, в начале 1990-х годов, произошло появление нового института аграрной отрасли экономики - возникновение крестьянских (фермерских) хозяйств (далее – КФХ).

Основываясь на принципах экономической самостоятельности и частной собственности КФХ иг-

рают немаловажную роль в процессе развития хозяйственных отношений, заняв определенную позицию в аграрном производстве в качестве относительно новой формы.

Особую роль КФХ занимают в развитии региональных отраслей агропромышленного комплекса (далее – АПК). Так, на территории Свердловской области за последние тринадцать лет произошло значительное увеличение числа КФХ (рис. 1).

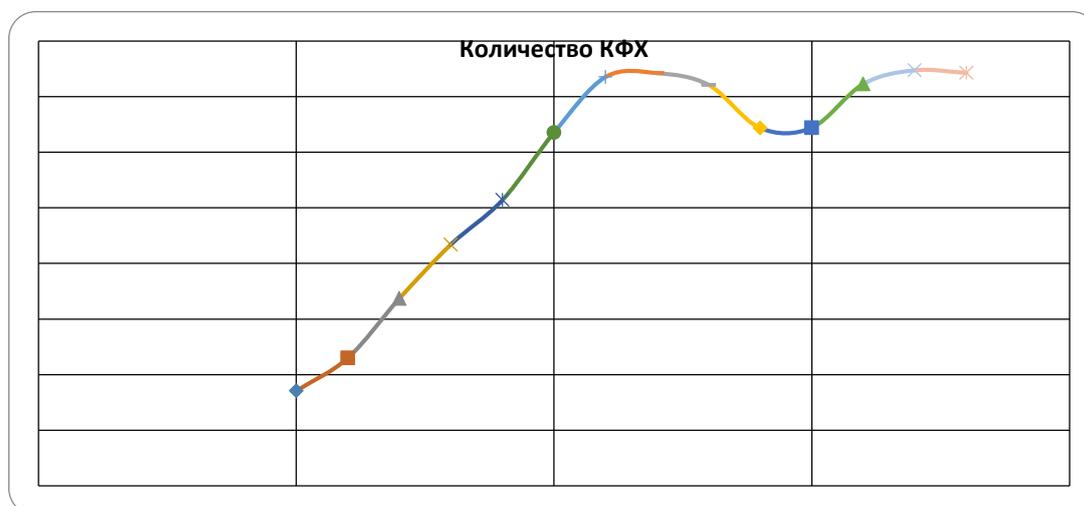

Рисунок 1

Количество КФХ, состоящих на учете в налоговом органе на территории Свердловской области

На начало января 2018 г. на территории Свердловской области работало 1486 КФХ, что более чем в 4 раза превышает количество КФХ на начало января 2005 г.

Согласно представленному графику в 2011 г. прекратился устойчивый рост числа КФХ, зафиксировавшись на определенном уровне, который сохраняется на сегодняшний день.

Прекращение устойчивого роста числа КФХ связано с тем, что при текущих административных условиях произошло достижение максимума в развитии института частного фермерства. Таким образом, для дальнейшего роста числа КФХ в регионах необходимы качественно новые меры в части сти-

мулирования частных инициатив граждан по созданию и развитию КФХ. В качестве одной из приоритетных мер является мера государственного налогового регулирования.

На сегодняшний день доля КФХ в сельскохозяйственном производстве на территории Свердловской области занимает достаточно скромную позицию по сравнению с сельскохозяйственными организациями и частными хозяйствами населения. Особенно это заметно в такой отрасли сельскохозяйственного производства как животноводство. В таблице 1 представлены данные о доле каждого вида хозяйствования в поголовье скота и птицы в Свердловской области по данным Федеральной службы статистики в 2017 г.

Таблица 1

- Поголовье скота и птицы в Свердловской области в 2017 г. в тысячах голов.

Тип хозяйства	Сельскохозяйственные организации, тыс. голов.	Доля, в %	Хозяйства населения, тыс. голов.	Доля, в %	КФХ, тыс. голов.	Доля, в %	Хозяйства всех категорий, тыс. голов.
Крупный рогатый скот	190,90	73,82	45,80	17,71	21,90	8,47	258,60
Свины	310,60	91,03	25,00	7,33	5,60	1,64	341,20
Овцы и козы	1,50	2,62	50,30	87,94	5,40	9,44	57,20
Птица	13512,70	97,63	269,10	1,94	59,20	0,43	13841,00

Как видно из представленных данных в сфере животноводства, КФХ занимают наименьшую долю по сравнению с другими видами хозяйствования, особенно сильно это заметно в поголовье свиней и птицы. Это объясняется тем, что в процессе выращивания свиней и до убоя, КФХ не получают каких либо доходов (по сравнению с выращиванием крупного рогатого скота, овец и коз), а при выращивании птицы требуется обеспечение больших масштабов производства для рентабельного

производства, а, как известно, рентабельность является главным критерием инвестиционной привлекательности.

В сфере растениеводства на территории Свердловской области активность КФХ имеет более высокие позиции. В таблице 2 представлены данные о посевных площадях сельскохозяйственных культур в 2017 году.

Таблица 2

- Посевные площади сельскохозяйственных культур в Свердловской области в 2017 г. в тысячах гектаров.

	Сельскохозяйственные организации, тыс. гектаров	Доля в %	Хозяйства населения, тыс. гектаров	Доля в %	КФХ, тыс. гектаров	Доля в %	Хозяйства всех категорий, тыс. гектаров
Вся посевная площадь, в т.ч.	621,10	74,30%	43,80	5,24%	171,00	20,46%	835,90
Зерновые и зерно-бобовые культуры	270,2	80,11%	0,6	0,18%	66,5	19,72%	337,30
Технические культуры	20,6	85,83%	-	-	3,4	14,17%	24,00
Картофель и овощи открытого грунта	7,4	13,73%	38,5	71,43%	8	14,84%	53,90
Кормовые культуры	322,9	76,75%	4,7	1,12%	93,1	22,13%	420,70
Чистые пары	33,2	79,43%	-	-	8,6	20,57%	41,80

Как видно из представленных данных, активность КФХ в растениеводстве выше, чем в животноводстве, и это объясняется тем, что растениеводство традиционно занимает ведущее место в деятельности КФХ.

Согласно официальным данным ФНС России рентабельность активов в сфере животноводства и растениеводства составляет всего 5%, для сравнения средний показатель рентабельности активов по всем видам экономической деятельности составляет 5,3%.

Обеспечение роста рентабельности активов будет возможным при условии роста объемов инвестиций в основные фонды и получение чистой прибыли предприятий сельскохозяйственной отрасли.

На сегодняшний день в Свердловской области наблюдается отрицательная тенденция по обеспеченности сельскохозяйственных организаций основными фондами. В таблице 3 представлены официальные данные Федеральной службы статистики о наличии основных видов сельскохозяйственной техники в организациях Свердловской области.

Как видно из данных Росстата, за период 2013-2017 г. происходит тенденция по сокращению количества практически всех видов сельскохозяйственной техники, используемой в производстве. Одной из причин данного явления является износ основных фондов на фоне сокращения инвестиций. Поэтому первоочередной задачей государственного налогового регулирования должно являться

преференциальное стимулирование инвестиционной активности в основные фонды сельскохозяйственными производителями.

Важной спецификой сельскохозяйственного производства в России является большое различие между регионами, связанное с уровнем экономического, социального, инфраструктурного развития, территориального расположения и климатическими условиями. Данные факторы, без сомнения, оказывают большое влияние на уровень рентабельности сельскохозяйственного производства. Учитывая данную специфику, мы считаем, что политика государственного налогового регулирования деятельности КФХ должна, в первую очередь, основываться на особенностях региональных условий ведения сельскохозяйственного производства.

Наделение региональных органов власти расширенными функциями налогового регулирования является шагом в сторону стимулирования развития деловой активности КФХ.

Одним из главных шагов в этом направлении стало принятие Федерального закона от 7 марта 2018 года №51-ФЗ, в соответствии, с которым регионами могут быть установлены дифференцированные ставки по Единому сельскохозяйственному налогу (далее – ЕСХН) для всех или отдельных категорий налогоплательщиков в пределах от 0 до 6%.

Таблица 3

- Наличие основных видов сельскохозяйственной техники в сельскохозяйственных организациях в Свердловской области

Вид сельскохозяйственной техники	2013	2014		2015		2016		2017	
	шт	шт	Изменение к 2013 г. в %	шт	Изменение к 2013 г. в %	шт	Изменение к 2013 г. в %	шт	Изменение к 2013 г. в %
Тракторы	4515	4253	94,20%	3850	85,27%	3677	81,44%	3717	82,33%
Комбайны всех видов	1235	1139	92,23%	1034	83,72%	1009	81,70%	969	78,46%
Плуги всех видов	1085	1006	92,72%	906	83,50%	882	81,29%	887	81,75%
Культиваторы тракторные всех видов	1006	926	92,05%	840	83,50%	804	79,92%	789	78,43%
Сеялки тракторные	1217	1084	89,07%	981	80,61%	919	75,51%	886	72,80%
Жатки валковые	102	114	111,76%	103	100,98%	93	91,18%	107	104,90%
Косилки	757	696	91,94%	631	83,36%	602	79,52%	639	84,41%
Пресс-подборщики	453	440	97,13%	394	86,98%	399	88,08%	404	89,18%

Среди плательщиков ЕСХН основную долю занимают ИП и КФХ [1]. Вступление в силу данных поправок позволят регионам проводить самостоятельную, более гибкую политику налогового регулирования КФХ, учитывая региональные особенности.

В настоящее время региональные власти Свердловской области уже воспользовались своим правом на самостоятельное установление ставки по ЕСХН, в результате чего был принят региональный закон от 06.11.2018 N 114-ОЗ, в соответствии с которым налоговая ставка по ЕСХН начиная с 2019 г.

будет составлять 5% для всех категорий налогоплательщиков [2].

По нашему мнению, установление ненулевой ставки по ЕСХН на территории Свердловской области может привести к тому, что многие вновь зарегистрированные КФХ предпочтут применение Упрощенной системы налогообложения (далее – УСН), так как региональным законом от 15.06.2009 N 31-ОЗ в отношении производства пищевых продуктов для вновь созданных ИП, предусмотрена ставка по УСН - 0% [3]. Данное решение региональных органов власти, по нашему мнению, не позволит в полной мере использовать доступные им

налоговые рычаги регулирования отрасли в регионе.

Например, на территории Московской области установлена ставка ЕСХН для всех категорий налогоплательщиков 0%, что, безусловно, положительно отразится на деловой активности КФХ региона и повысит популярность ЕСХН среди сельскохозяйственных производителей [4].

При определении мер налогового регулирования деятельности КФХ необходимо классифицировать данную форму хозяйствования не просто как субъект предпринимательства, а в качестве социального института. Например, Решением Магаданской городской Думы от 16 июня 2005 г. N 85-Д от уплаты земельного налога освобождены семьи, имеющие трех и более детей в отношении предоставленных им в пользование земельных участков, используемых, в том числе для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства²[5,6].

Литература

1)Гринемаер Е.А., Королева М.В., Федорова О.В., Брызгалин А.В., Ильиных Д.А., Тютин Д.В., Горелова И.В., Долгова О.Ю., Дондоков З.Б.-Д., Слепнева Л.Р., Мурузева Э.К., Галсандоржиева Т.Н. Вексель, корпоративные отношения, поставка, обязательства и прочее: из практики гражданско-правового консультирования // Налоги и финансовое право. 2015. N 12. С. 9 - 165.

2)Закон Свердловской области от 06.11.2018 N 114-ОЗ «Об установлении на территории Свердловской области налоговой ставки при применении системы налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единого сельскохозяйственного налога)» (принят Законодательным Собранием Свердловской области 30.10.2018).

3)Закон Свердловской области от 15.06.2009 N 31-ОЗ (ред. от 20.03.2015) «Об установлении на территории Свердловской области налоговых ставок при применении упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков» (принят Областной Думой Законодательного Собрания Свердловской области 26.05.2009) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2016).

4)Закон Московской области от 27.08.2018 г. №145/2018-ОЗ «Об установлении ставки единого сельскохозяйственного налога на территории Московской области».

5)Акимова Е.В. Налоговые льготы / под ред. Т.В. Гороховой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гросс-Медиа, РОСБУХ, 2016. 546 с.

6)Решение Магаданской городской Думы от 16 июня 2005 г. N 85-Д «О введении земельного налога на территории муниципального образования «город Магадан».

Лутфулов Мазбутджон Дадожонович,
старший преподаватель

кафедры информационно-вычислительных систем,
ТГУ ПБП (Таджикистан, Худжанд)

Баховутдинов Джамиедхон Хайдархаджаевич
старший преподаватель кафедры

информационно-вычислительных систем, ТГУ ПБП (Таджикистан, Худжанд)
Tel: +992927633033

Lutfuloev Mazbutjon Dadojonovich,

senior lecturer of the department information-computing systems the

Tajik State University of Law, Business and politics (Tajikistan Republic, Khudjand)

Bahovutdinov Jamshehon Khailfkhajevich

senior lecturer of the department information-computing systems the Tajik State University of Law, Business and politics (Tajikistan Republic, Khudjand)

Tel: +992927633033

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ УСЛУГ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC FORMS OF INTERACTION IN THE SERVICE SECTOR OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

В статье рассматриваются институциональные основы организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг РТ с СНГ, ШОС и ЕЭС, а также меры по увеличению их эффективности. Успешное осуществление экономических реформ невозможно без тщательного проектирования и реализации скоординированной за

конодательной реформы, т.е. без наличия действующих институциональных основ организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг. Обосновывается идея о том, что в 2017-2018 гг. необходимо разработать свои концепции организационно-экономических форм, расставить приоритеты в

сфере международного сотрудничества, определить организационно-экономические формы, сочетая применение результатов кооперационного процесса в СНГ с широким использованием международного разделения труда с другими регионами мира. Автор полагает, что на основе новых условий, соответствующих новому, суверенному статусу стран Содружества, могут быть сформированы организационно-экономические формы взаимодействия в сфере услуг.

Ключевые слова: организационно-экономические формы, сфера услуг, ШОС, эффективность, институциональные основы, взаимодействие.

Дар мақолаи мазкур асосҳои институционалии шаклҳои ташкилӣ-иқтисодии ҳамкориҳо дар соҳаи хизматрасонӣ бо ИДМ, СҶШ ва ҲЕА, инчунин омилҳои ташаккулдиҳӣ ва самаранокӣ онҳо дида баромада шудааст. Бомуваффақият гузаронидани табдилдиҳиҳои иқтисодӣ ба коркарди дақиқ ва гузаронидани ислоҳоти қонунгузорӣ, яъне мавҷудият ва фаъолияти асосҳои институционалии шаклҳои ташкилӣ-иқтисодии ҳамкориҳо дар соҳаи хизматрасонӣ ғайриимкон аст. Ҷояи асосӣ доир ба он асоснок карда мешавад, ки дар солҳои 2017-2018 бояд консепсияи шаклҳои ташкилӣ-иқтисодии худӣ коркард карда шуда, дар соҳаи ҳамкориҳои байналхалқӣ бояд афзалиятҳо ба назар гирифта шуда, шаклҳои ташкилӣ-иқтисодии муттаҳидқунии раванди кооператсионӣ бо ИДМ бо истифодабарии васеи тақсимои байналхалқии меҳнат бо дигар минтақаҳои ҷаҳон муайян карда шавад. Муаллиф баён мекунад, ки дар асоси мақоми муосири кишварҳои ИДМ, шаклҳои ташкилӣ-иқтисодӣ дар соҳаи хизматрасонӣ ташаккул дода шавад.

Калидвожаҳо: шаклҳои ташкилӣ-иқтисодӣ, соҳаи хизматрасонӣ, ТҶШ, самаранокӣ, асосҳои институционалӣ, ҳамкорӣ.

The article dwells with the institutional foundations of organizational and economic forms of interaction in the sphere of services of the Republic of Tajikistan with the CIS, the SCO and the EEC, as well as measures for their improvement and efficiency. Successful implementation of economic transformations is impossible without careful elaboration and implementation of coordinated legislative reform, i.e. presence and operation of institutional foundations of organizational and economic forms of interaction in the service sector. The idea that in 2017-2018. to develop their outwardly organizational and economic forms of the concept, to prioritize the sphere of international cooperation, to determine the organizational and economic forms of the combination of the cooperative process in the CIS with the wide use of the international division of labor with other regions of the world. The author believes that, based on the corresponding new, sovereign status of the Commonwealth countries, they can form organizational and economic forms of interaction in the sphere of services.

Keywords: organizational and economic forms, services, SCO, efficiency, institutional frameworks, interactions.

Рыночное взаимодействие в сфере услуг в рамках СНГ во многом начинается с определения организационно-экономических форм такого взаимодействия, так как все страны суверенны и отношения между ними на «гуманитарной», «идеологической» основе показали свою неэффективность. Во многом это обуславливается тем, что по своей природе организационно-экономические формы взаимодействия в сфере услуг и сама форма взаимодействия в рамках Содружества Независимых Государств предполагают подобный результат.

СНГ, с одной стороны, окончательно демонтировало старые организационно-экономические формы структуры, с другой стороны, предусматривает организацию качественно новых отношений между суверенными государствами, формирование и сохранение единых организационно-экономических форм (рыночного) пространства на рыночных основах[1].

Институциональные основы организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг интеграционных объединений, как в рамках ШОС, так и в рамках СНГ, заложены в подписанном в сентябре 1993 года договоре «О создании организационно-экономических форм союза» и является основой организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг в рамках ШОС и ЕЭС и

фундаментом международного сотрудничества. Принятые формы взаимодействия были конкретизированы и развиты в следующих документах[2]:

1. Соглашение о создании зоны свободной торговли.
2. Соглашение об оказании помощи в создании.
3. Развитие промышленных, коммерческих, кредитных, финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений.
4. Соглашение о проведении согласованной антитимополюной политики.
5. Соглашения о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности (декабрь 1993 года) и ряд других.

Принятые решения были политико-правовым признанием того факта, что стратегическое сотрудничество в СНГ для государств-членов является основным рыночным взаимодействием в сфере услуг. Его экономическая основа - взаимодополняющая структура национальных экономик бывших советских республик, ныне входящих в состав СНГ, созданная в советский период.

Характеристика их экономической взаимозависимости может быть выражена соотношением объемов импорта и экспорта продукции к ее производству и потреблению. Здесь необходимо учиты-

вать неравномерное распределение и развитие природных ресурсов на территории бывшего Советского Союза, что привело к неравномерному развитию и отставанию ряда стран: Республики Таджикистан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан и ряда других.

Некоторые бывшие союзные республики стали монополистами в добыче и переработке важнейшего сырья. Например, на долю России приходилось более 90% всесоюзной добычи нефти (включая газовый конденсат), более 91% газа, более 8,0% пиломатериалов и бумаги. На долю Украины приходилось 65-68% всесоюзного производства стали, готовой стали, стальных труб. Республика Узбекистан производила более 60% хлопкового волокна и т.д. [4]. В этих условиях представляется вполне естественным, что крах СССР и разрушение единой организационно-экономические формы пространства способствовали углублению и без того тяжелого кризиса организационно-экономических форм, переживаемого странами СНГ. Единственным выходом из сложившейся ситуации, является восстановление внешних экономических связей, но уже на рыночной основе. Также должны быть созданы условия для взаимодействия при разработке организационно-экономических форм в сфере услуг между Республикой Таджикистан и странами ШОС и ЕЭС.

В то же время, несмотря на отсутствие альтернатив сотрудничества, нецелесообразно ожидать крупномасштабных позитивных экономических изменений в ближайшем будущем, связанных с формированием организационных и экономических форм союза стран СНГ. Поэтому, в первую очередь, в этой связи необходимо обратить внимание на то, что Московский договор об экономическом союзе, в отличие от Римского договора, который был заключен в рамках ЕС, является «рамочным» документом (ряд последующих договоров и соглашений имеет аналогичный характер). Следует отметить, что ввиду ситуации, сложившейся к 2017 году, очень сложно согласовать конфликтующие интересы на многосторонней основе, в частности, из-за значительной диверсификации политических действий отдельных государств СНГ³.

Основная причина разнонаправленности стратегий в рамках СНГ – это несогласованность и неиспользование рыночного взаимодействия в сфере услуг. Потребность в восстановлении и развитии интеграционных связей по-прежнему определяется для большинства стран Содружества главным образом их зависимостью от поставок топливно-энергетических ресурсов, древесины, минерального сырья, химических продуктов, а также путем сотрудничества в сфере инженерной, радиоэлектронной, оборонной промышленности. Здесь монопольное

положение занимают Российская Федерация и Республика Узбекистан. Также крайне низки и разработки в НТП, что усугубляет и без того незавидное положение Таджикистана и Кыргызстана [3].

Поэтому при экономическом взаимодействии необходимо развивать сотрудничество и в технологическом процессе. Следовательно, важно уже в 2018-2019 гг. разработать свои концепции внешних организационно-экономических форм, расставить приоритеты в сфере международного сотрудничества, определить организационно-экономические формы сочетания кооперационного процесса стран СНГ с широким использованием международного разделения труда с другими регионами мира.

Разумеется, для Республики Таджикистан основой должны быть организационно-экономические формы взаимодействие в сфере услуг со странами ШОС и ЕЭС. Совместные внешние организационно-экономические формы, действия и скоординированная позиция в экономическом взаимодействии Республики Таджикистан и стран СНГ необходимы и в отношениях с международными экономическими и финансовыми организациями.

Формирование организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг в системе внешних связей сейчас возможно лишь на основе новых организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг, соответствующих новому, суверенному статусу стран Содружества. Такие организационно-экономические формы все еще находятся на этапе становления, и это объясняется не в последнюю очередь отсутствием четких представлений о реальном потенциале межгосударственных отношений в СНГ. Все остальные вопросы (приоритетные направления, формы, масштабы сотрудничества, его инструменты и т. д.) имеют производный характер.

Оценка как негативной, так и позитивной стороны организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг в рыночном хозяйстве позволяет выявить следующее: с одной стороны, развитие подобных форм способствует быстрейшему переходу к интенсивному рыночному типу хозяйствования, с другой стороны, возникает опасность усиления импортозависимости Республики Таджикистан в силу неконкурентоспособности отечественных товаропроизводителей и самих товаров (как это произошло при организации вещевых рынков Китая и других стран «Корвон», «Сомони», «Атуш» в городе Худжанде).

Наличие таких рынков как организационно-экономической формы взаимодействия в сфере услуг обеспечило «насыщение» внутреннего рынка товарами и показывают их эффективность как на национальном уровне, так и по регионам, что видно из таблицы.

³ Источник: ASIA-PLUS, №12(895), от 13.02.2014

ОБЪЕМ РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАТНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ ПО РЕГИОНАМ
в ценах соответствующих лет, млн. сомони - по всем каналам реализации

	1991	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Республика Таджикистан										
Платные услуги	7,2	2584,8	188,9	1460,4	5374,5	6773,2	8661,6	9558,5	10099,9	9615,8
в том числе бытовые	3,2	228,2	1,1	685,1	2105,2	2587,2	3310,6	3608,3	3707,3	3758,6
Горно-Бадахшанская автономная область										
Платные услуги	0,1	17,1	0,5	16,0	31,7	46,4	61,0	61,8	65,7	64,9
в том числе бытовые	0,0	2,5	0,0	9,6	8,2	8,7	30,2	29,9	30,6	31,2
Согдийская область										
Платные услуги	2,6	912,9	16,0	338,0	1381,3	2035,2	2497,8	2734,1	2875,4	3001,7
в том числе бытовые	1,3	121,4	0,6	161,1	935,3	1174,7	1413,2	1585,5	1587,5	1657,1
Хатлонская область										
Платные услуги	1,3	221,0	2,6	276,9	819,2	985,0	1425,0	1653,9	1698,5	1569,0
в том числе бытовые	0,6	33,1	0,2	168,8	527,0	582,8	923,5	936,6	1004,2	999,4
г. Душанбе										
Платные услуги	2,2	1326,5	167,1	547,8	2531,3	2866,6	3754,4	4129,4	4474,5	3969,2
в том числе бытовые	0,8	53,2	0,3	149,8	253,4	262,6	380,9	440,7	462,8	471,7
РРП										
Платные услуги	1,0	107,3	2,7	281,7	611,0	840,0	923,4	979,3	985,8	1011,0
в том числе бытовые	0,5	18,0	0,1	195,8	381,3	558,4	562,8	615,6	622,2	599,2

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – 2016. - 446 с. [7]

Чрезмерное «усиление» и «абсолютизация» роли международных экономических организаций в национальной экономике тормозит становление рыночных отношений. На основании вышеизложенного выделены эффективные направления формирования организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг Республики Таджикистан с ШОС и ЕЭС, что будет способствовать повышению эффективности национальной экономики.

На начальной стадии становления и функционирования организационно-экономических форм не всегда соблюдают правило не выступать против многостороннего сотрудничества и двусторонних связей, а скорее используют потенциал последних более полно, поскольку двусторонние организационно-экономические формы являются более конкретными и более простыми и позволяют не только гармонизировать интересы партнеров, но также

лучше подготовить и осуществлять многостороннее сотрудничество [6].

Использование многосторонних организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг, включает в себя:

- восстановление многоступенчатых технологических цепочек с участием фирм;
- рыночное взаимодействие в сфере услуг предприятий разных стран СНГ;
- проведение согласованной инвестиционной политики, основанной на использовании новых организационных форм международных акционерных обществ, холдингов, совместных предприятий, транснациональных корпораций;
- создание совместных инвестиционных фондов с выделением приоритетных сфер их использования;
- координация и реализация согласованной структурной политики с выборочной поддержкой

наиболее приоритетных отраслей и видов производства;

- поэтапное совершенствование платежного союза.

В основном на практике организационно-экономические формы взаимодействия в сфере услуг Республики Таджикистан со странами ШОС и ЕЭС сложились в сфере регулирования внешней торговли по стандарту взаимодействия Российской Федерации со странами ближнего зарубежья, основанным преимущественно на использовании рыночных принципов хозяйствования.

Взаимодействие рынка в сфере услуг Республики Таджикистан с аналогичными рынками стран ШОС и ЕЭС до 2016 года показывает, что импортный тариф стал более дифференцированным: его роль в создании разумной степени протекционизма для всех производственных предприятий и обеспечении условий для нормальной конкуренции возрастает.

При импорте и экспорте товаров из стран СНГ таможенные органы Республики Таджикистан не взимают налог на добавленную стоимость, а ставки имеют щадящий режим. Подакцизные товары, ввозимые с территории государств-участников СНГ, не подлежат акцизам при ввозе на территорию Республики Таджикистан. Что касается возможного полного отказа от импортного тарифа в СНГ, то, как показывает опыт интеграционных союзов промышленно развитых стран (ЕС и ESTC), он должен быть постепенным и многоступенчатым. В ЕЭС это осуществляется на основе подписанного в 1993 году в Ашхабаде соглашения в отношении товаров, поставляемых в режимах переработки под таможенным контролем [5]. В то же время экспортные и импортные пошлины, налоги и акцизы не нарушают и в целом не тормозят процессы взаимодействия.

Правда до сих пор является актуальным вопрос о ценах во взаимной торговле. И это совершенно закономерно, поскольку именно в этом проявляются организационно-экономические формы взаимодействия в сфере услуг и организационно-экономические формы воплощения интересов экспортеров и импортеров. Здесь, по нашему мнению, для оптимизации организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг Республики Таджикистан со странами ШОС и ЕЭС в наибольшей степени соответствует использование мировых цен.

При этом, на организационно-экономические формы взаимодействия в сфере услуг Республики Таджикистан со странами ШОС и ЕЭС влияет ряд внешних факторов. В частности, мировые цены могут оказать разрушительное воздействие на сотрудничество, прежде всего потому, что они полностью противоречат условиям национального производства. Поэтому во взаимной торговле Республики Таджикистан и других стран СНГ применяется дифференцированный подход к номенклатуре поставляемых товаров: цены для стратегических товаров (сырье, энергоносители, цветные металлы), включенных в межправительственные соглашения,

являются эталоном для мировых цен с ежеквартальной спецификацией последних.

Более того, институциональными основами организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг являются и отдельные межгосударственные соглашения, порядок установления цен на нефть и газ с введением корректирующих коэффициентов. Таким образом, успешное проведение экономических преобразований в странах СНГ невозможно без тщательной разработки и осуществления скоординированной реформы законодательства, т.е. без наличия и действия институциональных основ организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг. Правда в ряде случаев организационно-экономические формы взаимодействия в сфере услуг не осуществляются эффективно в силу применения членами ШОС и ЕЭС различных зарубежных рекомендаций и несогласованностью действий.

Для совершенствования действия институциональных основ и для обеспечения эффективности организационно-экономических форм взаимодействия в сфере услуг Республики Таджикистан со странами ШОС и ЕЭС и в рамках организационно-экономических форм союза, считаем необходимым:

- обеспечить правовую базу интеграционных мероприятий;

- обеспечить значительное увеличение роли Межпарламентской Ассамблеи как органа, призванного разрабатывать законодательные акты;

- предпринять необходимые действия для принятия решений по развитию организационно-экономических форм взаимодействия во всех странах СНГ, ШОС и ЕЭС.

Литература:

1. Куянецов И.А. Концептуальные вопросы формирования системы экономической безопасности современной России. - Издательство М. и Т. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2007. - 312 с.

2. Карелин О. В. Регулирование международных кредитных отношений России. - М.: Финансы и статистика, 2003.

3. Разаков Ш. А. Установление и развитие дипломатических, социально-экономических и культурных взаимоотношений Таджикистана с арабскими государствами Персидского залива (1991-2011гг.)// Автореф. дисс. канд. и. н. - Душанбе, 2012.

4. Кошенова М. Рыночное взаимодействие Центральной Азии в контексте экономического роста Таджикистана // Бочу хироч. 7.03.2011г. №10 (745).

5. Валова Т. Проблемы формирования экономического и валютного союза. - М.: «Златоцвет», 1994.

6. Хусаинов М.К. Сфера услуг на современном уровне развития. - М.: «Изд-во Спутник+», 2004.

7. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. - Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. - 2016. - 446 с.

Леонтьев Рудольф Георгиевич

*д-р экон. наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
главный научный сотрудник ВЦ ДВО РАН,
г. Хабаровск, Российская Федерация;*

Leontyev R.G.

*Computer center of the Far East office Russian Academy of Sciences
Khabarovsk, Russia*

ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ И БАЗА СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

TARGET, TASKS AND BASE OF CREATING A MODEL OF DEVELOPMENT INDUSTRY WITH CHINESE SPECIFICS

Аннотация: В статье представлен экспертный анализ содержания завершающих подразделов, которые присутствуют или должны присутствовать в первой основной части автореферата диссертации о модели развития промышленности с китайской спецификой: цель, задачи, предмет, объект и научная база диссертационного исследования.

Ключевые слова: Цель и задачи исследования, предмет и объект, научная база создания, модель развития промышленности, китайская специфика, уроки экспертизы диссертации.

Annotation: The article presents an expert analysis of the content of the final subsections that are present or should be present in the first main part of the dissertation thesis on the industry development model with Chinese characteristics: the target, tasks, subject, object and scientific base of the dissertation research

Key words: The purpose and objectives of the study, the subject and object, the scientific base of creation, the model of industrial development, Chinese specificity, dissertation examination lessons.

Не открывая старых истин: все знают, что солнце заходит на западе.
Китайская пословица

В настоящей статье и в последующих работах ее автора будут представлены рекомендации "как не надо и как надо осуществлять экспертизу материалов диссертационного исследования на всех этапах его официального рассмотрения". Эти рекомендации или уроки исходят из конкретного примера экспертного анализа определенно неудачного диссертационного исследования [1,2]. Материалы настоящей статьи могут использоваться как учебное пособие для аспирантов и как некое вспомогательное методическое руководство, содержащее уроки экспертизы диссертационных исследований. Эти материалы могут быть интересными не только научным исследователям, аспирантам, докторантам и экспертам различного рода. Но и преподавателям и студентам университетов, специалистам и менеджерам сферы промышленности, позволяющее им лучше понять, что же действительно происходит в настоящее время с преобразованиями в промышленном секторе экономики КНР, признанной всем экономическим сообществом Земли «общемировой фабрикой промышленных товаров народного потребления».

Однако знакомство с изложенным ниже содержанием настоящей статьи уже позволяет читателю убедиться в существовании многочисленных и весьма серьезных претензий к автореферату китайского соискателя [1], заключающихся в несоответствии диссертации [2] официальным требованиям, установленным действующими тогда «Положением о порядке присуждения ученых степеней»,

утвержденным постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475) и «Положением о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утвержденном приказом Минобрнауки России от 12 декабря 2011 года № 2817. А также общепринятым нормам подготовки автореферата [3] и китайской специфике отражения результатов научно-практических экономических исследований в национальных и зарубежных публикациях.

Именно в соответствии с указанными официальными требованиями и общепринятыми рекомендациями [3] в публикациях [4,5] автора настоящей работы представлен экспертный анализ содержания начальных подразделов, которые присутствуют или должны присутствовать в автореферате [1,2]: тема диссертационного исследования; актуальность исследования; степень разработанности проблемы.

В настоящей работе представлен экспертный анализ содержания других начальных подразделов, которые присутствуют или должны присутствовать в автореферате [1,3]: цель и задачи исследования; предмет и объект исследования; методологическая, теоретическая и эмпирическая база исследования.

«Цель и задачи диссертационной работы». Обычно в первом разделе автореферата «Общая характеристика диссертации» и введения диссертации после первого подраздела «актуальность темы

диссертационного исследования» и второго подраздела «степень (научной) разработанности проблемы» формулируется подраздел «Цель диссертационной работы».

В соответствии с рекомендациями, представленными в работе Н.И. Аристера и С.Д. Резника [3], в подразделе «Цель и задачи исследования» следует четко отразить цель работы. А также отразить посредством каких поставленных и решенных задач она была достигнута. Как правило, цель исследования должна вытекать из правильно сформулированной темы исследования [3].

Соискатель Ли Юйсянь в автореферате [1] (стр. 4) представил первую часть указанного подраздела следующим образом.

«Цель диссертационного исследования заключается в дальнейшем развитии теоретических положений, имеющих отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности в различные периоды трансформации экономики Китая».

Сомнительность представленной соискателем в автореферате [1] (стр. 4) формулировки "цели диссертационной работы" подтверждают следующие негативные обстоятельства:

а) прежде всего следует отметить, что представленная соискателем в автореферате [1] формулировка цели диссертационного исследования явно носит слишком глобальный характер, поскольку касается всей промышленности одной из самых крупных и экономически развитых стран – КНР, признанной всем экономическим сообществом Земли «общемировой фабрикой промышленных товаров народного потребления». Поэтому вполне обоснованно можно предположить, что такая планетарно масштабная цель фактически мирового значения вряд ли может быть реализована в рамках такой скромной научно-квалификационной работы, как диссертация на соискание практически безвестным китайским соискателем российской ученой степени кандидата экономических наук;

б) особо неприемлемо то, что такая формулировка цели диссертационного исследования [1,2] имеет хорошо видимый на поверхности сомнительный подтекст, заключающийся в следующих последовательно взаимосвязанных предположениях:

- во-первых, утверждение соискателя, что «цель диссертационного исследования заключается в дальнейшем развитии теоретических положений, имеющих отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая» [1] сразу наводит на следующую мысль. Что поскольку имеет место такая цель, то соответствующие «теоретические положения» несомненно требуют «дальнейшего развития»;

- во-вторых, из первого предположения следует, что раз «теоретические положения, имеющие отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая» требуют какого-то «развития», то эти «тео-

ретические положения», якобы, являлись и являются недостаточно «развитыми», то есть не совсем совершенными и недостаточно эффективными;

- в-третьих, а из второго предположения следует, что поскольку «теоретические положения, имеющие отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая» являлись и являются не совсем совершенными и недостаточно эффективными, то можно сделать следующий вывод. Что, якобы, в КНР государственное управление структурными преобразованиями промышленности основывалось и основывается на не совсем совершенных и недостаточно эффективных «теоретических положениях»;

- в-четвертых, и уже третье предположение наводит на мысль, что правительство КНР и его соответствующие министерства, вся академическая, вузовская и отраслевая китайская наука, якобы, не смогли разработать и применить на практике достаточно совершенные и эффективные «теоретические положения, имеющие отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая»;

- в-пятых, в свою очередь, четвертое предположение позволяет сделать вывод о том, что ни «ежегодные сессии Всекитайского собрания народных представителей», ни «проходящие каждые пять лет съезды партийных представителей», ни «коммунистическая партия Китая», упоминаемые соискателем в автореферате [1], якобы, не смогли обеспечить должный контроль разработки и применения на практике достаточно совершенных и эффективных «теоретических положений, имеющих отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая»;

- в-шестых, и, наконец, пятое предположение наводит на мысль, что, якобы, только соискатель со своим научным руководителем попытались в диссертационном исследовании [2] осуществить и, по их мнению [1] (стр. 6), уже успешно осуществили такую благородную цель всекитайского и мирового масштаба, как «дальнейшее развитие теоретических положений, имеющих отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая»;

в) известно, что в соответствии с пунктом 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» только «диссертация на соискание ученой степени **доктора наук** должна быть научно-квалификационной работой в которой на основании выполненных автором исследований» могут быть «разработаны **теоретические положения**, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение...». Поэтому непонятно, почему соискатель, ставя в своей диссертации [1,2] цель «развить» какие-то крупномасштабные «теоретические положения», излишне поскромничал и попытался претендовать на ученую степень кандидата наук, а не сразу доктора наук;

г) никаких принадлежащих лично соискателю «развитых теоретических положений, имеющих отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности в различные периоды трансформации экономики Китая» в его автореферате [1] не представлено. То есть поставленная соискателем под руководством научного руководителя цель диссертационного исследования [1,2] в нем не осуществлена.

Вторую часть обязательного подраздела «Цель и задачи исследования» соискатель представил в своем автореферате [1] (стр. 4) представил следующим образом.

«В соответствии с указанной целью были поставлены следующие **задачи**.

1. Выявить основные черты государственного регулирования в периоды экстенсивного и интенсивного роста промышленного производства.

2. Обобщить практику проведения структурных преобразований экономики и промышленности Китая.

3. Уточнить значение коммунистической партии Китая в процессах преобразования экономики страны.

4. Определить направления государственной стратегии структурных преобразований экономики и промышленности Китая в контексте требований «современного научного взгляда».

5. Уточнить условия, обеспечивающие эффективность реструктуризации промышленности Китая на этапах экстенсивного и интенсивного экономического роста.

6. Определить принципиальные черты новой экономической политики на этапе «всестороннего строительства общества сяокан», а также периоды в формировании высокотехнологичной модели промышленности Китая.

7. Уточнить инструменты, используемые государством для проведения структурных преобразований в промышленности Китая» [1].

Сомнительность поставленных соискателем в автореферате [1] (стр. 4) «задач диссертационной работы» подтверждают следующие негативные обстоятельства:

а) прежде всего следует отметить, что поставленные соискателем в автореферате [1] задачи диссертационного исследования также явно носят слишком глобальный характер, поскольку касаются всей промышленности одной из самых крупных и экономически развитых стран – КНР, признанной всем экономическим сообществом Земли «общемировой фабрикой промышленных товаров народного потребления». Поэтому вполне обоснованно можно предположить, что такие планетарно масштабные задачи фактически мирового значения также вряд ли могут быть решены в рамках такой скромной научно-квалификационной работы, как диссертация на соискание практически неизвестным китайским соискателем российской ученой степени кандидата экономических наук;

б) особо неприемлемо то, что такие формулировки задачи диссертационного исследования [1,2]

также имеют хорошо видимый на поверхности сомнительный подтекст, заключающийся в следующих последовательно взаимозависимых предположениях:

- во-первых, можно предположить, что если «имеющие отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая» и перечисленные в автореферате [1] «задачи» были поставлены в диссертационном исследовании [2], то постановка этих задач была действительно необходимой;

- во-вторых, из первого предположения следует, что раз постановка задач, «имеющих отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая» была действительно необходимой, то, якобы, такие задачи в КНР никогда не ставились;

- в-третьих, а из второго предположения следует, что поскольку перечисленные в автореферате задачи [1] в КНР прежде не ставились, то, якобы, в этой великой стране государственное управление структурными преобразованиями промышленности никак и никогда не учитывало необходимость решения этих весьма злободневных задач;

- в-четвертых, и уже третье предположение наводит на мысль, что правительство КНР и его соответствующие министерства, вся академическая, вузовская и отраслевая китайская наука, якобы, не смогли предусмотреть объективную необходимость постановки и решения соответствующих «задач, имеющих отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая»;

- в-пятых, в свою очередь, четвертое предположение позволяет сделать вывод о том, что ни «ежегодные сессии Всекитайского собрания народных представителей», ни «проходящие каждые пять лет съезды партийных представителей», ни «коммунистическая партия Китая», упоминаемые соискателем в автореферате [1], якобы, также не смогли предусмотреть объективную необходимость постановки и решения соответствующих «задач, имеющих отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая»;

- в-шестых, и, наконец, пятое предположение наводит на мысль, что, якобы, только соискатель со своим научным руководителем попытались в диссертационном исследовании [2] поставить и решить и, по их мнению [1] (стр. 6), успешно решили указанные выше задачи всекитайского и мирового масштаба, «имеющие отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности... Китая»;

в) особенно незрелой и потому явно сомнительной выглядит поставленная в диссертационном исследовании [2] соискателем и его научным руководителем и представленная в автореферате [1] (стр. 4) задача «*уточнить* (?) значение коммунистической партии Китая в процессах преобразования экономики страны». И вот почему:

- во-первых, известно, что в русском языке слово «уточнить» означает «сделать точным, точнее» [9], а слово «точный» - «показывающий, передающий что-нибудь в полном соответствии с действительностью» или «совершенно верный» [9];

- во-вторых, если иметь в виду истинный смысл указанных выше в подпункте «во-первых» русских слов, то, по мнению соискателя и его научного руководителя, получается, что, якобы, в КНР и, вероятно, в РФ и во всем остальном мире «значение коммунистической партии Китая в процессах преобразования экономики страны» либо «показывается не в полном соответствии с действительностью», либо представляется «не совершенно верным». И что именно поэтому соискатель со своим научным руководителем были вынуждены или сочли чрезвычайно важным поставить в диссертационном исследовании [1,2] такую злободневную в настоящее время задачу, как «уточнить (!) значение коммунистической партии Китая в процессах преобразования экономики страны»;

- в-третьих, такое научно-общественное «достижение» соискателя у просвещенного читателя вполне может вызвать только улыбку, если на самом деле это «достижение» не окажется весьма неудобным явлением для самого соискателя как простой китайской гражданки;

г) и здесь приходится констатировать, что никаких принадлежащих лично соискателю решений «задач, имеющих отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности в различные периоды трансформации экономики Китая» в его автореферате [1] фактически не представлено.

«Объект, предмета и области исследования». Здесь приведены результаты рассмотрения следующих трех подразделов первого раздела автореферата «Общая характеристика диссертации» [1] (стр. 3-6): «объект исследования», «предмет исследования» и «область исследования».

Прежде всего, здесь, по мнению автора работ [6-8], следует отметить общую особенность формулирования содержания этих трех подразделов. Эта особенность заключается в том, что это - те подразделы, содержание которых в отличие от других подразделов первого раздела «Общая характеристика работы» какого-либо автореферата [3] («Общая характеристика диссертационной работы» [1]) и введения соответствующей диссертации в определенной мере регламентируется официальным документом – паспортом научной специальности.

«Объект исследования». Соискатель в автореферате [1] (стр. 4) представил подраздел «объект исследования» следующим образом.

«Объектом исследования является промышленность Китая в условиях рыночных преобразований».

В соответствии с работой [3] объект исследования - это конкретный фрагмент реальности, где существует проблема, подвергающаяся непосредственному изучению: организации, предприятия, люди, процессы и т.п.

На титульном листе автореферата [1] в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников [3] приведено наименование специальности, по которой защищалась диссертация [2]. Шифр специальности: 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством». Область исследований: «1. Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами" - 1.1. Промышленность».

В соответствии с паспортом данной специальности в указанной области исследований «объектом исследования являются национальные, отраслевые, региональные и отдельные экономические системы, сложившиеся и формирующиеся в результате институциональных преобразований в первичных и агрегированных звеньях промышленности (предприятия, хозяйственные ассоциации, финансово-промышленные объединения топливно-энергетического, машиностроительного, металлургического и др. комплексов народного хозяйства)».

Учитывая изложенные выше положения, относительно представленной соискателем формулировки подраздела «объект исследования» [1-3] можно выявить следующие обстоятельства:

- во-первых, строго говоря, в соответствии с паспортом данной специальности в представленной соискателем формулировке данного подраздела [1] следовало бы вместо словосочетания «промышленность Китая» употребить словосочетания либо «национальные, отраслевые, региональные и отдельные экономические системы, сложившиеся и формирующиеся в результате институциональных преобразований в первичных и агрегированных звеньях промышленности Китая», либо «предприятия, хозяйственные ассоциации, финансово-промышленные объединения топливно-энергетического, машиностроительного, металлургического и других комплексов народного хозяйства Китая»;

- во-вторых, представленная соискателем формулировка данного подраздела [1] в своей второй части – «в условиях рыночных преобразований» – явно не соответствует содержанию «цели и задач диссертационного исследования» [1] и потому указанная вторая часть формулировки данного подраздела [1] представляется излишней;

- в-третьих, следует отметить, что, как и формулировки «целей и задач диссертационного исследования» [1], представленная соискателем в автореферате [1] формулировка «объекта исследования» явно носит слишком глобальный характер, поскольку касается всей промышленности одной из самых крупных и экономически развитых стран – КНР, признанной всем экономическим сообществом Земли «общемировой фабрикой промышленных товаров народного потребления». Поэтому вполне обоснованно можно предположить, что такой планетарно масштабный объект фактически мирового значения вряд ли может быть объективно и достоверно рассмотрен в рамках такой скромной научно-квалификационной работы, как диссертация.

ция на соискание практически безвестным китайским соискателем российской ученой степени кандидата экономических наук.

«Предмет исследования». Соискатель в автореферате [1] (стр. 5) представил подраздел «предмет исследования» следующим образом.

«Предметом диссертационного исследования являются экономические отношения и связи, формирующиеся под влиянием государственного регулирования сферы промышленного производства».

В соответствии с работой [3] предмет исследования – это наиболее существенные свойства изучаемого объекта, анализ которых особенно значим для решения задач исследования. Предметом исследования является проблема, то есть реальное противоречие, требующее своего разрешения. На определение предмета влияют: реальные свойства объекта; знания исследователя об этих свойствах; целевая установка; задачи исследования. Предмет исследования всегда имеет системно-структурный характер, предполагает разноаспектный анализ свойств объекта исследования. Для решения разных задач один и тот же объект может рассматриваться через призму разных предметов исследования [3].

Отмечая обоснованность, правомерность и научную ценность такого толкования понятия «предмет исследования» [3], все же, по мнению автора работ [6-8] и настоящей работы, следует отметить, что оно (толкование) не позволяет четко определить отличие проблемы, представляющей предмет какого-либо исследования, от проблемы, отраженной в теме того же исследования. Как кажется автору работ [6-8] и настоящей работы, отраженная в теме исследования проблема должна быть более узкой относительно представляющей предмет того же исследования проблемы. А представляющая предмет какого-либо исследования проблема, естественно, должна быть более широкой относительно проблемы, отраженной в теме того же исследования.

Однако, в паспорте научной специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» в определении формулы этой специальности утверждается, что *предметом исследования данной специальности являются управленческие отношения, возникающие в процессе формирования, развития (стабилизации) и разрушения экономических систем*. То есть данное толкование предмета исследования должно относиться ко всем областям исследования упомянутой специальности, в том числе и к области исследования: «1. Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами» - 1.1. Промышленность».

Вместе с тем, в паспорте научной специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» констатируется, что содержание области исследований «1. Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами» - 1.1. Промышленность» это суть: *экономические отношения, возникающие в процессе развития народного хозяйства; методы, инструменты и*

технологии функционирования экономических систем и институциональных преобразований в условиях рыночной экономики с учетом тенденций глобализации экономических процессов в отраслях промышленности.

Таким образом, с точки зрения автора работ [6-8] и настоящей работы, формулировка предмета исследования какой-либо диссертации по специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» должна отвечать трем принципам (обязательным условиям):

1) содержание формулировки предмета исследования какой-либо диссертации должно быть более узким относительно соответствующего направления (или соответствующих направлений) соответствующей области исследования и, тем более, более узким относительно содержания всей этой области исследования.

2) формулировка предмета исследования какой-либо диссертации должна в определенной мере соответствовать формулировке предмета данной специальности, представленной в ее официальном паспорте.

3) представляющая предмет какого-либо исследования проблема, естественно, должна быть более широкой относительно проблемы, отраженной в теме (названии) того же исследования;

О предполагаемой результативности гипотетического использования указанных принципов на примере представленного соискателем в автореферате [1] (стр. 5) подраздела «предмет диссертационного исследования» и о редакционной корректности формулировки этого подраздела могут свидетельствовать следующие обстоятельства:

а) сразу следует отметить, что формулировка соискателем предмета исследования представляется не совсем корректной с точки зрения редакции и русского языка:

- во-первых, в русском языке слово «отношение» это есть «взаимная связь разных предметов, действий, явлений, касательство между кем-нибудь и чем-нибудь» [9]. Поэтому употребленное соискателем в формулировке предмета исследования [1] словосочетание «и связи» является излишним;

- во-вторых, приведенная в автореферате [1] (стр. 5) формулировка «предметом диссертационного исследования являются экономические отношения и связи, формирующиеся под влиянием государственного регулирования сферы промышленного производства», с точки зрения задуманного в диссертации [2] смысла, представляется недостаточно корректной;

- в-третьих, поэтому в свете «во-первых» и «во-вторых» в автореферате [1] следовало бы привести более корректную формулировку, например, что «предметом диссертационного исследования являются экономические отношения, формирующиеся в сфере промышленного производства под влиянием государственного регулирования»;

б) выполнение первого обязательного условия формулирования предмета исследования относи-

тельно соответствующей формулировки в диссертации [1,2] наталкивается на следующие трудности:

- во-первых, в скорректированном в настоящей работе предмете исследования [1,2] говорится об «экономических отношениях». А в паспорте научной специальности 08.00.05 утверждается, что содержанием области исследования «1.1. Промышленность» являются также «экономические отношения». То есть специфическое содержание и рамки предмета исследования и области исследования фактически одни и те же. И только поэтому первое обязательное условие формулирования предмета исследования в диссертации [1,2] фактически не выполнено;

- во-вторых, как уже упоминалось выше в скорректированном в настоящей монографии предмете исследования [1,2] говорится об «экономических отношениях». А в паспорте научной специальности 08.00.05 в качестве направления 1.1.6 области исследования «1.1. Промышленность» обозначается «государственное управление структурными преобразованиями». То есть специфическое содержание и рамки предмета исследования гораздо шире, чем специфическое содержание и рамки отдельного направления области исследования фактически одни и те же. И по этой причине первое обязательное условие формулирования предмета исследования в диссертации [1,2] так же фактически не выполнено;

в) выполнение второго обязательного условия формулирования предмета исследования относительно соответствующей формулировки в диссертации [1,2] связано со следующими обстоятельствами:

- во-первых, в диссертации [1,2] в качестве предмета исследования выступают «экономические отношения, формирующиеся в сфере промышленного производства...». А в паспорте научной специальности 08.00.05 утверждается, что «предметом исследования данной специальности являются управленческие отношения, возникающие в процессе формирования...». То есть в первом случае в качестве предмета исследования обозначены некие «экономические отношения», а во втором случае – некие «управленческие отношения». Поэтому и второе обязательное условие формулирования предмета исследования в диссертации [2,3] **фактически не выполнено**;

- во-вторых, если формулировка предмета исследования какой-либо диссертации не соответствует толкованию предмета специальности в ее официальном паспорте, то может возникнуть следующая коллизия [6]. Поскольку какая-либо диссертация как формальная научно-квалификационная работа должна отвечать официальным (формальным) требованиям (в том числе, изложенным и в паспорте научной специальности), то эксперт (оппонент, ведущая организация) при рассмотрении материалов этой диссертации имеет право квалифицировать такое несоответствие в качестве, хотя и

формального, но, все-таки существенного недостатка (замечания) к ее (диссертации) содержанию. И если соискатель будет не согласен с таким замечанием эксперта, а доказывать необоснованность формулировки соответствующего требования, изложенного в официальном (формальном) документе. А, с точки зрения какого-либо соискателя, спорить в этом случае, как говорится, "себе дороже" [6-8];

- в-третьих, если же формулировку предмета исследования какой-либо диссертации привести в соответствии с толкованием предмета специальности в ее официальном паспорте, например, относительно содержания диссертации [1,2] начать изложение предмета исследования со слов "управленческие отношения, возникающие в процессе...", то может возникнуть другая коллизия [6-8]. Когда эксперт (оппонент, ведущая организация) при рассмотрении материалов какой-либо диссертации останется недовольным таким началом изложения предмета исследования, и будет квалифицировать это как существенный недостаток (замечание) к ее (диссертации) содержанию. И если соискатель будет не согласен с таким замечанием, то он вправе оспорить это замечание эксперта, сославшись на формальное толкование предмета специальности в ее официальном паспорте. Тогда эксперт, чтобы подтвердить справедливость своего замечания, будет вынужден доказывать необоснованность формулировки соответствующего требования, изложенного в официальном (формальном) документе, но только, вероятно к его сожалению, в порядке "подготовки законодательной инициативы"...[6-8];

г) выполнение третьего обязательного условия формулирования предмета исследования относительно соответствующей формулировки в диссертации [1,2] наталкивается на ряд существенных трудностей:

- во-первых, в теме исследования [1,2] говорится о «государственном управлении структурными преобразованиями в промышленности», а в предмете исследования [1,2] – относительно «государственного регулирования сферы промышленного производства». То есть специфическое содержание и рамки проблемы в теме исследования гораздо шире нежели специфическое содержание и рамки проблемы в предмете исследования. Поэтому третье обязательное условие формулирования предмета исследования в диссертации [1,2] **фактически не выполнено**;

- во-вторых, если представить себе, что в предмете исследования [1,2] будет говориться об «управленческих отношениях, возникающих в процессе государственного управления структурными преобразованиями в промышленности» (о чем, на самом деле, в диссертации [1,2] и должна идти речь), а в теме исследования [1,2] – о просто «государственном управлении структурными преобразованиями в промышленности», то можно зафиксировать следующее. Специфическое содержание и рамки проблемы в предмете исследования все

равно останутся более узкими, чем специфическое содержание и рамки предполагаемых многочисленных проблем явления, отраженного в теме (названии) исследования. Многочисленных, поскольку, как уже отмечалось выше, обозначенная тема (название) диссертации [2] фактически не отражает назначение данной научно-квалификационной работы, то есть не проясняет решение какой же конкретно задачи или проблемы пытался осуществить в ней соискатель. Таким образом и в этом случае первое обязательное условие формулирования предмета исследования в диссертации [1,2] окажется не выполненным;

- в-третьих, поэтому, как уже говорилось выше, остается лишь предположить, что, ориентируясь на сформулированную в ней соискателем цель диссертационного исследования, тема диссертации [2] должна звучать, например, как «Развитие теории государственного управления структурными преобразованиями в промышленности (на примере Китая)» или «Развитие государственного управления структурными преобразованиями в промышленности (на примере Китая)».

г) с учетом положений пунктов "а" - "г" соискателю следовало бы данный подраздел изложить в автореферате [1] в иной более корректной формулировке, например, что «предметом диссертационного исследования являются управленческие отношения, возникающие в процессе государственного управления структурными преобразованиями в промышленности».

«Область исследования». Соискатель в автореферате [1] (стр. 5) представил подраздел «область исследования» следующим образом.

«Область исследования». Диссертационное исследование соответствует пунктам 1.1.1. «Разработка новых и адаптация существующих методов, механизмов и инструментов функционирования экономики, организации и управления хозяйственными образованиями в промышленности»; 1.1.2. «Формирование механизмов устойчивого развития экономики промышленных отраслей, комплексов, предприятий»; 1.1.6. «Государственное управление структурными преобразованиями в народном хозяйстве» по направлению «Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (промышленность)» паспорта специальности 08.00.05 - экономика и управление народным хозяйством».

В работе [3] аналогичный подраздел обозначен как «Соответствие диссертации паспорту научной специальности». В этой же работе утверждается, что *обоснование соответствия диссертации паспорту специальности* желательно отразить в автореферате диссертации. Паспорт научной специальности дает определения формулы и области исследования этой специальности, а также перечень пунктов, которым должна соответствовать диссертация, защищаемая по данной специальности. При подготовке обоснования соответствия диссертации паспорту специальности необходимо

обосновать соответствие отраженных в диссертации научных положений формуле специальности, по которой она защищалась и в которой обычно отражается, какие проблемы исследует данная специальность, в каких сферах деятельности и что является её содержанием. Следует также показать, каким конкретно пунктам паспорта специальности соответствуют результаты научного исследования [3].

Относительно представленной соискателем формулировки «области исследования» [1,2] можно выявить следующие обстоятельства:

- во-первых, в работе [3] аналогичный подраздел «соответствие диссертации паспорту научной специальности» рекомендовано размещать не сразу после подраздела «предмет исследования» (как в автореферате [1]), а гораздо позже перед подразделом «апробация результатов исследования»;

- во-вторых, нетрудно заметить, что название подраздела в автореферате [1] существенно отличается от рекомендованного в работе [3] названия аналогичного подраздела;

- в-третьих, в формулировке данного подраздела автореферата [1] только утверждается, что «область исследования соответствует» определенному пункту паспорта специальности, по которой защищалась соискателем упомянутая диссертация [2]. То есть, вопреки рекомендациям из работы [3], соискатель в автореферате [1] своей диссертации [2] не обосновал соответствие отраженных в этой диссертации научных положений формуле специальности, по которой она защищалась и в которой обычно отражается, какие проблемы исследует данная специальность, в каких сферах деятельности и что является её содержанием. Соискатель также не удосужился показать, каким конкретно пунктам паспорта специальности соответствуют результаты его диссертационного исследования;

- в-четвертых, вместе с тем, справедливости ради, следует отметить, что высказанные здесь претензии к формулировке данного подраздела в автореферате [1] не имеют серьезного значения по сравнению с выявленными в настоящей работе претензиями к формулировкам других подразделов «общей характеристики диссертации», представленной в автореферате [1] (стр. 3-6).

«Теоретико-методологическая и информационная основы исследования». Соискатель в автореферате [1] (стр. 5) представил указанный подраздел следующим образом.

«Теоретической и методологической основой» диссертационного исследования послужили фундаментальные положения в области экономической теории, экономики предприятия, государственного управления, а также публикации видных китайских и иностранных теоретиков и практиков в области экономических исследований, материалы съездов КПК. Особого внимания заслуживают работы таких авторов, как Гао Шанцюань, Ху Аньган, Ван Лэй, Ван Фан, Ли Син, Тан Тао, Се Чжихуа и др.

В ходе выполнения диссертационной работы в качестве методологической основы использован диалектический метод познания, системный подход к изучению предмета исследования. Для обоснования выдвинутых гипотез были применены общенаучные методы познания: анализ, синтез, обобщение, сравнительный анализ и др.

В качестве *источников информации* использовались данные Росстата, статистических органов международных организаций (ВТО, Мирового банка, МВФ), а также Государственного статистического управления КНР, что обеспечило достоверность приведенных в диссертации сведений и послужило основой для разработки авторских предложений и рекомендаций» [1].

В соответствии с рекомендациями, представленными в работе [3], в подразделе «методологическая, теоретическая и эмпирическая база исследования» следует указывать следующие сведения.

В части, посвященной методологии, диссертант должен сообщить, какими методами познания он воспользовался в своей работе. Методологическое знание является многоуровневым, и это должно найти отражение в тексте. Во-первых, могут быть указаны общенаучные и философские методы, примененные автором. Спектр их широк, а значение велико, поэтому приведем перечень наиболее применимых методов: системный подход, органический подход, диалектический метод и другие. Во-вторых, методы фундаментальных наук: математические, экономические. Например, метод теории игр, комбинаторика, методы теории графов, или метод балансов. Дополнительно следует обратить внимание на ставшие классическими методы логики: метод анализа, метод индукции, метод исследования причинно-следственных связей, метод выдвижения и проверки гипотез, метод дедуктивного вывода, метод эмпирического обобщения. В-третьих, собственно методы, принадлежащие к избранной сфере исследования: метод экспертных оценок, метод анкетирования, метод расчета экономической эффективности и т.п. Диссертанту необходимо ориентироваться в таких дисциплинах, как «Экономико-математические методы», «Экономическая кибернетика», «Исследование систем управления» и т.п. [3].

Теоретической базой исследования являются теоретические работы учёных и специалистов в изучаемой области. Теоретическая основа исследования - целостные и признанные теории, которые приводятся автором в полемике в обоснование своей работы. Значение этого раздела заключается в том, что автор показывает свою компетентность, готовность работать в научном сообществе, способность ориентироваться во множестве научных знаний разного уровня и разной направленности [3].

Эмпирическая основа исследования - перечень объектов и областей, исследованных автором в контексте своей работы. Эмпирическое знание представляет собой начальную стадию изучения предмета и приобретает ценность в сочетании с

теоретическим знанием: анализом, синтезом, выдвижением гипотез. Методы эмпирического исследования: наблюдение, описание, измерение, эксперимент [3].

Следует отметить, что соискатель на стр. 5 автореферата [1], вроде бы, относительно сносно излагает обязательный для всякой диссертации и автореферата подраздел «методологическая, теоретическая и эмпирическая база исследования». И это немудрено, поскольку российская экономическая экспертиза практически не проверяет достоверность приводимых в диссертационных исследованиях соответствующих формальных утверждений. Однако, даже весьма поверхностный критический анализ содержания этого подраздела, изложенного в автореферате [1], привел к выявлению следующих негативных обстоятельств:

а) непонятно, какая именно часть из всего «необъятного океана» всех «публикаций видных китайских и иностранных теоретиков и практиков в области экономических исследований» послужила соискателю «теоретической и методологической основой диссертационного исследования»: либо вся неизмеримая масса «публикаций видных китайских и иностранных теоретиков и практиков в области экономических исследований»; либо только все публикации, «имеющие отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности» всех стран; либо только все публикации, имеющие отношение к государственному управлению структурными преобразованиями промышленности» только Китая; либо те публикации, которые указаны в упомянутом в автореферате [1] «списке литературы из 100 наименований»; либо что-то другое? Остается лишь гадать...;

б) также непонятно, почему или относительно чего «особого внимания заслуживают работы таких авторов, как Гао Шанцюань, Ху Аньган, Ван Лэй, Ван Фан, Ли Син, Тан Тао, Се Чжихуа и др.»? Экспертам остается лишь гадать...;

в) заявка соискателя и его научного руководителя на то, что, якобы, «в ходе выполнения диссертационной работы в качестве методологической основы использован диалектический метод познания, системный подход к изучению предмета исследования» явно «попахивает» с их стороны цинизмом относительно эрудиции тех же экспертов и читателей автореферата [1]:

- во-первых, известно, что диалектика – философское учение о всеобщих связях, о наиболее общих законах развития природы и общества; научный метод изучения природы и общества в их развитии путем вскрытия научных противоречий и борьбы противоположностей [9]. И чтобы заявить, что соискателем «использован диалектический метод познания», ему необходимо было бы сформулировать в автореферате [1] хоть какой-то намек на необходимость и характер такого «использования» указанного метода. Но этого в автореферате [1] обнаружить невозможно;

- во-вторых, в автореферате [1] вообще не указано, в чьем понимании соискатель использовал «диалектику»: Сократа, Платона, Канта, Гегеля, Маркса с Энгельсом и Лениным, современных философов. В частности, известно, что для Маркса, Энгельса, Ленина диалектика – это учение и метод познания действительности и ее революционного преобразования (диалектический материализм) [10]. При этом относительно современный экономист [11] считает, что «всеобщим методом научного мышления, охватывающим все явления материального и духовного мира, является материалистическая диалектика»;

- в-третьих, диалектический (материалистический) подход к познанию указывает, что источниками, причинами развития являются внутренние противоречия и борьба противоположностей, которые составляют основу процессов объективной действительности [12]. При этом известно, что основу материалистической диалектики составляют закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных накоплений в качественные изменения и закон отрицания отрицания [12]. Однако в автореферате [1] отсутствуют всякие упоминания об этих законах и ссылки на литературу, где раскрывается суть материалистической диалектики и ее законов. При этом никакого даже косвенного намека на «борьбу противоположностей», «переход количества в качество», «отрицание отрицания» и «диалектику изучения» в целом в автореферате [1] невозможно заметить;

г) заявка соискателя и его научного руководителя на то, что, якобы, «для обоснования выдвинутых гипотез были применены общенаучные методы познания...» также не выдерживает критики:

- во-первых, во всем содержании автореферата [1] в отношении каких-либо «выдвинутых гипотез» речь вообще не идет;

- во-вторых, «выдвинутые гипотезы» сами по себе не «обосновываются». А «обосновывается», например, достоверность этих «гипотез»;

д) содержание последнего абзаца данного подраздела автореферата [1] (стр. 5) не менее сомнительно:

- во-первых, непонятно, какие конкретно, каким образом и конкретно для чего «данные Росстата, статистических органов международных организаций (ВТО, Мирового банка, МВФ), а также Государственного статистического управления КНР», якобы, «использовались» соискателем «в качестве источников информации»? Остается лишь гадать...;

- во-вторых, непонятно из каких конкретных «источников информации» соискатель почерпнул «опыт Китая» в деле того же «государственного управления структурными преобразованиями в

промышленности», чтобы он (соискатель), якобы, смог обеспечить «достоверность приведенных в диссертации сведений»? Остается лишь гадать...

Список использованной литературы

1. Ли Юйсянь Государственное управление структурными преобразованиями в промышленности (на примере Китая): автореф. ... канд. экон. наук / Ли Юйсянь. - Хабаровск: ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет», 2013. – 24 с.

2. Ли Юйсянь Государственное управление структурными преобразованиями в промышленности (на примере Китая): дис. ... канд. экон. наук / Ли Юйсянь. - Хабаровск: ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет», 2013. - 180 с.

3. Аристер Н.И., Резник С.Д. Управление диссертационным советом: практическое пособие. – Пенза: ПГУАС, 2008. – 462 с.

4. Леонтьев Р.Г. Актуальность модели развития промышленности с китайской спецификой (уроки экспертизы) // East European Scientific Journal (Warsaw, Poland). – 2018. - № 11 (39) part. 3. – Р. 54-58.

5. Леонтьев, Р.Г. Фальсификация результатов в экономике промышленности с китайской спецификой: уроки экспертизы диссертации: монография [Текст] / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014. – 114 с.

6. Леонтьев Р.Г. Квазихарактеристика псевдодиссертации о фальши железнодорожных тарифов (как не надо и как надо представлять характеристику работы): научный доклад № 6 на заседании ДВО РАН / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток - Хабаровск: ВЦ ДВО РАН, 2013. - 104 с.

7. Леонтьев Р.Г. Фальшь разработанности тарифной проблемы (или как не надо и как надо формулировать степень научной разработанности проблемы) (окончание) // Вестник транспорта. – 2012. - № 10. – С. 25-28.

8. Леонтьев Р.Г. «Квазихарактеристика псевдодиссертации о фальсификации тарифов на железной дороге» (или как не надо и как надо формулировать общую характеристику диссертации) // Вестник транспорта. – 2014. - № 3. – С. 2-11.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО "ИТИ Технологии", 2003. – 944 с.

10. Савченко В.Н., Смагин В.П. Концепции современного естествознания: тезаурус – Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2010. – 296 с

11. Бор М.З. Основы экономических исследований. Логика, методология, организация, методика – М.: Издательство "ДИС", 1998. – 144 с.

12. Основы научных исследований / В.И. Крутов, И.М. Грушко, В.В. Попов и др. – М.: Высш. шк., 1989. – 400 с.

Zokirov Mahkam Ahmadovich

Specialist of the test center of the

Tajik State University of Law, Business and Politics,

*Address: 735700 Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand, md. 17, the house 1***Khomitov Daleriddin Shamsievich**

Director of E-learning center of the

Tajik State University of Law, Business and Politics,

*Address: 735700 Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand, md. 17, the house 1***Зокиров Махкам Ахмадович**

Специалист тестового центра

Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики,

Адрес: 735700 Республика Таджикистан,

Согдийская область, г. Худжанд, мкр. 17, дом 1.

Хомитов Далериддин Шамсиевич

Заведующий центра дистанционного обучения

Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики,

MECHANISM OF FUNCTIONING OF INNOVATIVE NETWORK STRUCTURES OF SMALL AND MEDIUM BUSINESSES

МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Annotation: The authors in the article examines the development of economic systems, innovative network tsrautory small and medium-sized companies in the regional business playing an important role of sustainable growth and economic development. The GDP share of small and medium-sized companies in industry in developed countries is compared. One of the tools for the development of small and medium-sized companies in the regional business is innovative network structures that allow to solve the problem of the shortage of the resource base of enterprises. The author focuses the main attention on the development of small and medium-sized companies in the regional business.

Keywords: GDP, small and medium-sized companies, investments, innovative network structures.

Аннотация Авторы в статье рассматривают развития экономических системах инновационные сетевые траутуры малых и средних компании в региональном бизнее играющую важную роль устойчивого роста и развития экономики. Сравнивается доля ВВП малых и средних компании в промышленности в развитых странах. Одним из инструментов развития малых и средних компаний в региональном бизнесе является инновационные сетевые структуры, позволяющие решить проблему дефицита ресурсной базы предприятий. Основное внимание в работе автор акцентирует на развития малых и средних компании в региональном бизнесе.

Ключевые слова: ВВП, малые и средние компании, вложений, инновационные сетевые структуры.

В развитых экономических системах инновационные сетевые структуры малых и средних компаний в региональном бизнесе, играют важную роль, обеспечивая устойчивый рост и развитие экономики, высокий уровень конкуренции, а также социальное благополучие страны. Так, в промышленно развитых странах доля малых и средних компаний в региональном бизнесе в общем объеме ВВП составляет более 50%, в Германии данный показатель колеблется в диапазоне 55-57%, в России – 21%, в Японии – 63%, в США – 62%, в то время как данный показатель в международном бизнесе составляет 15,4% [1,2].

Одним из инструментов становления небольших и средних фирм в региональном бизнесе считается инновационные сетевые структуры, позволяющие решить дилемму недостатка ресурсной базы компаний. Дефект финансирования не разрешает субъектам небольших и средних фирм в региональ-

ном бизнесе действительно развиваться в региональном бизнесе, собственно что имеет место быть в недоступности способности актуального выполнения обещаний перед контрагентами, воплощения инвестиционной работы: обновление ведущих фондов; расширение размеров фирмы в региональном бизнесе.

Согласно изучением ключевым источником становления и финансирования, субъектов малых и средних компании в региональном бизнесе выступают инновационные сетевые структуры, в то время как к платным банкам за экономической помощью обращаются всего в пределах 16%, что обосновано невысоким уровнем организации инновационные сетевые структуры становления небольших и средних фирм в региональном бизнесе и отсутствием широкого доступа субъектов небольших и средних фирм в региональном бизнесе к банковским денежным ресурсам. При этом, по оценке специалистов, потребность малых и средних компаний

в региональном бизнесе в инновационные сетевые структуры для развития удовлетворена всего на 15-20% [3].

Высокая значимость малых и средних компаний в региональном бизнесе и в экономическом развитии государства свидетельствует о необходимости детального изучения инновационные сетевые структуры.

Во всем мире развитию инновационные сетевые структуры предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе, придается огромное значение. Ему отводится роль одного из ключевых инструментов развития компании в региональном бизнесе и вовлечения малоимущих в деятельность, позволяющую повысить уровень их доходов. Эффективность этого инструмента уже давно оценена мировым сообществом. Подтверждением этому является провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН 2005 г. региональным бизнесом годом развития предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе (резолюция 53/197 от 15 декабря 1998 г.). Данный год был применен, до этого всего, для активизации воплощения становления инновационных сетевые структуры компаний небольших и средних фирм в региональном бизнесе во всем мире. Ассамблея обратилась ко всем, кто увлекается работой, связанной с увеличением значения жизни населения, принять вспомогательные меры с тем, дабы кредиты и связанные с ними предложения, обеспечивающие занятость и увеличение прибылей, имели возможность замерзнуть дешевыми для наибольшего количества людей, живущих в критериях бедности.

Становление инновационные сетевые структуры компаний, небольших и средних фирм в региональном бизнесе, как картина общественной поддержке, направленной на стимулирование трудящихся работы широких слоев населения, было замечено в начале 70-х годов в государствах Южной и Юго-Восточной Азии (Бангладеш, Индонезия, Индия). Оно производилось методом предоставления дотационных (по невысокой процентной ставке, с долгими сроками погашения) кредитов для сотворения неизменного источника трудовых прибылей. Но так как низкая процентная ставка не покрывала даже инфляционных издержек ссудного капитала, возникал эффект “проедания” ресурсов. Субсидированные процентные ставки, призванные поддержать малоимущие слои населения, негативно влияли на состояние финансового рынка и создавали плодотворную почву для развития коррупции. В связи с этим льготные процентные ставки были заменены кредитами на постоянной и легкодоступной основе, созданием таких кредитных продуктов, которые наиболее полно отвечают потребностям бенефициара.

На первых порах развитие инновационные сетевые структуры предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе, имело очень узкую задачу и использовалось как инструмент решения проблемы бедности в развивающихся странах.

Однако по мере накопления опыта в развитии инновационные сетевые структуры предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе сфера его охвата и целевая направленность расширялись, и в настоящее время во многих странах оно используется как [4].

- инструмент поддержки малообеспеченных семей;
- инструмент предоставления финансово-кредитных услуг микро компаниям, не имеющим пока доступа к традиционным источникам финансирования;
- инструмент содействия малыми и средними компаниям.

Актуальность этих трех задач варьируется в зависимости от целей, преследуемых той или иной страной на конкретном этапе своего социально-экономического развития.

Использование механизмов инновационные сетевые структуры микроразвития – одна из основных современных тенденций развития кредитных отношений малых и средних компаний в региональном бизнесе. Однако в отечественной экономической литературе проблема микроразвития до сих пор не получила широкого освещения.

Немногочисленные научные публикации по данной проблематике описывают преимущественно прикладные аспекты развития инновационные сетевые структуры предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе, не затрагивая его теоретических основ. Вместе с тем задача развития предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе международном бизнесе требует научного осмысления зарубежного и отечественного опыта микрокредитной деятельности. Многие эксперты считают главной характеристикой инновационные сетевые структуры незначительный объем ссужаемых средств и соответственно определяют микроразвитие как «процесс предоставления мелких кредитов». На наш взгляд, эта формулировка нуждается в существенном уточнении, поскольку отражает лишь один из нескольких существенных признаков рассматриваемой деятельности в сфере микроразвития.

Более точным, следует считать, вариант определения, основанный на двух признаках – категории заемщика и сроке развития. В данном случае под развития инновационные сетевые структуры предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе понимается предоставление краткосрочных небольших займов микро компаниям.

Обязательное условие всех программ развития инновационные сетевые структуры предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе – использование средств только на производственные цели, поэтому речь и в этом случае идет о финансировании деятельности легальных предпринимателей, а не компаниям, занятых в неофициальном микро-компаниях. В целом недостаток приведенных определений состоит в том, что ни одно из них не указывает на отличие технологии развития пред-

приятый малых и средних компаний в региональном бизнесе от используемой в классическом кредитном компания.

Таким образом под развитием инновационные сетевые структуры предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе следует понимать систему экономических отношений кредитора и заемщика (целевой группы заемщиков), обеспечивающая финансово-кредитную и консалтинговую поддержку производственной деятельности предпринимателя в условиях упрощенной процедуры развития, установления суммы, процентной ставки и срока возврата заемных средств с учетом интересов заемщика. Предлагаемое определение в наибольшей степени соответствует основным принципам развития инновационные сетевые структуры предприятий малых и средних компаний в региональном бизнесе.

Малые и средние компании - главный стержень рыночной экономики, и поэтому его исследование является весьма актуальной темой, вызывающей научно-практический интерес. Но, вместе с тем, история его возникновения и этапы становления представляют собой исключительно сложный процесс, имеющий большое значение для оценки современных форм компании в региональном бизнесе и их роли в экономике регионов Республики Таджикистан.

Первый естественный закон и несомненное естественное право каждого человека, в соответствии с учением физиократов, есть стремление к наслаждению жизнью. Средства же для осуществления этого стремления приобретаются трудом. А потому на государстве лежит обязанность открыть каждому человеку свободный доступ к такой деятельности, в частности в сфере компании в региональном бизнесе. Поэтому заслуживает внимания высказывание: «наилучшее, что вы можете сделать для поднятия народного хозяйства, - это предоставить людям полную свободу в их экономических отношениях». Идеал физиократов заключался в полной свободе и самоопределении личности. За государством оставалась только одна отрицательная функция: охрана права от нарушений.

Развитие инновационные сетевые структуры в региональном бизнесе предполагает эффективное использование как воспроизводительных, так и ограниченных ресурсов, т.е. материальных и нематериальных условий и факторов производства. Разумеется, в первую очередь речь идет о природных и трудовых ресурсах, а также о средствах производства, научных достижениях и предпринимательском таланте, ибо в нашем понимании рыночная экономика не только является экономикой риска, экономикой изобилия, но и экономикой талантов.

В передовых критериях трудности инновационные сетевые структуры небольших и средних фирм в региональном бизнесе связаны со почти всеми препятствиями, в первую очередь с профессиональной некомпетентностью сотрудников, в что количестве руководящих (недостаточный навык в

сфере работы, в частности в коммерции, денег, деловых связях, исследовании рынка, поставках, производстве и т.п.). Исходя из сего, для их удачной реализации в компаниях нужно увеличить степень компетентности и мастерства руководящих сотрудников. Высочайшая квалификация коммерсантов считается гарантией удачного ведения дел и их преуспевания.

Развитие инновационные сетевых структур в региональном бизнесе во многом зависит от богатства страны и её природно-ресурсного потенциала, роста культуры землепользования, развития ремесла и художественных промыслов, перечня различных товаров и услуг, чем богат Таджикистан и его периферийные части.

Одним из весомых моментов формирования подходящего климата для становления инновационных сетевых структуры в региональном бизнесе считается маркетинг. Не принимая во внимание рынка, делец не имеет возможность верно осуществлять собственную работа. Научно санкционированные рекламные изучения, внедрение их итогов позитивно воздействует на работу фирм структур.

Довольно актуальны познания по задачам правовой почвы функционирования и муниципального регулирования инновационные сетевые структуры в региональном коммерции, разработки компания-планов, финансирования фирмы в региональном коммерции, банковского становления, обороны платной потаенны и т.п. Существенное смысл имеют этика фирмы в региональном бизнесе и этикет. Все это беседует о надобности организации в стране налаженной системы подготовки и переподготовки фирмы.

В стране в части правового обеспечения развития инновационные сетевые структуры в региональном бизнесе за последние годы проведена существенная работа, принят ряд нормативно-правовых актов, страна признала множество международных правовых актов и т.п., поэтому дальнейшее совершенствование законодательства республики в части компании в региональном бизнесе имеет первостепенное значение.

Особенностями инновационные сетевые структуры небольших и средних фирм считаются надлежащие своеобразные особенности: регистрационные, организационные, правовые, управленческие, отраслевые, информационные, имущественные, инновационные, консультационные и т.п. Как раз они нуждаются в государственной помощи и правовой обороне. В данной связи принятие особого закона, внятно определяющего правовые почвы функционирования небольших и средних фирм в региональном коммерции и содействующего предстоящему их развитию, считается притязанием времени.

Одним из ведущих моментов, сдерживающих становление инновационные сетевые структуры небольших и средних фирм в региональном коммерции в республике, считается его финансирование. В кредитной сфере содержит пространство самая не-

высокий удельный авторитет долговременных инвестиций. Преодоление подобной истории - главная задача экономической политики деятелей и ведущее условие стабилизации региональной экономики и последующего ее становления. Для выхода из тени нужно продемонстрировать фирмы в региональном коммерции необходимость и выгоду работы в цивилизованном «белом» рынке. Маленькая фирма имеет возможность благополучно развиваться лишь только в критериях совершенного осознания страны в острой надобности присутствия этих компаний, как первого из приоритетных планов в формировании ВВП.

Литература

1. www.vestifinance.ru/infographics/5337
2. Азимов П.Х., Мирзобеков Х.Д. Малое и среднее предпринимательство в республике Таджикистан: особенности, тенденции и проблемы // научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки 2016 г.
3. Воронин Д.В. Россия накануне введения системы гарантированных вкладов граждан. - М., Банковское дело, 2004, № 3.С.34.
4. www.bankir.ru

Golovko V.I.

*Associate professor of department of Accounting and Audit,
Ph.D in Economics
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Kyiv, Ukraine*

Sharmanska V.M.

*Associate professor of department of Accounting and Audit,
Ph.D in Economics
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Kyiv, Ukraine*

Tsybulnyk M.O.

*assistant of the Department of Accounting and Audit
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Kyiv, Ukraine*

QUANTIFICATION VALUATION OF CASH FLOWS BASED ON ACCOUNTING DATA

SUMMARY: The article is devoted to research of actual issues of improvement of information provision and methods of economic analysis of cash flows on the basis of accounting data in the process of management of financial resources of the firm.

Keywords: cash flows, balance, international financial reporting standards.

Introduction. Most types of business operations of enterprises in one form or another are associated with the receipt or disposal of funds. The basis of the implementation of virtually any managerial decision is the use of funds. These decisions include the costs of maintaining the required volume of current assets and capital expenditures: fixed assets, intangible assets, design and research, financial investments, etc. In order to realize its costs, an enterprise must provide an adequate supply of money in the form of proceeds from the sale of products, goods (works, services), receipt of dividends on invested capital, receipt of temporary borrowings, etc. Thus, the activity of an enterprise is an objective precondition for the emergence of cash flow.

Analysis of actual research. In world practice, much attention is paid to the study and forecasting of cash flow, primarily because of the objective uneven income and benefits that generates cash flows. Questions of the nature and disclosure of the concept of cash flows by various authors are described in detail in many modern editions [1-3]. Here are some attributive ratings.

At the semantic level, the money flow is the quantitative expression of money that a business entity has at a given time, for the investor is the expected future return on investment, from the position of the managers

of the enterprises, the cash flow is the plan for the future movement of funds, etc. In each case, the dynamics of cash flow of the enterprise is a continuous process and creates a cash flow.

The purpose of the article. However, with the aim of not placing emphasis in the system of concepts and categories of cash flows, and for a clear and consistent formulation of our own understanding of analytical tools, we will continue to consider the cash flow as a collection of time-distributed amounts of proceeds and disposals of funds as a result of the operation of the enterprise. Cash flow will be called positive (inward, positive) cash flow, cash outflow - negative (outgoing, negative) cash flow, and the difference between positive and negative cash flows for each type of activity or economic activity as a whole by net cash flow.

One of the most important tasks of the analysis of cash flows is the substantiation of the level of sufficiency (insufficiency) of the formation of the amount of money supply in general on the enterprise, by types of activities and structural units and determining the required number of parameters that give an objective, accurate and timely characterization of revenue streams and the costs of funds, volumes, composition, structure, objective and subjective, external and internal factors that affect the change in cash flows.

The main material of the study. Investigation of the balance of input (positive) and output (negative) cash flows in volume and in time allows not only to determine the totality of various factors influencing the formation of cash flows, but also to assess the optimality of their volumes in order to increase the efficiency of the use of funds in a financially -Economic activity of the subject of management. In addition, the analysis of cash flow allows you to determine the cash flow balance as a result of the current, investment and financial activities of the enterprise.

In international practice, the analysis of cash flows of organizations based on compliance with the requirements of International Financial Reporting Standards (IFRS) (in particular, IFRS 7 "Cash Flow Statements"), it is decided to allocate cash flows in three types of activities: current (production-commercial), investment and financially. For today, the format of this report as a whole is consistent with both the requirements of International Financial Reporting Standards (IFRS) and GAAP principles, for example, the "Cash Flow Statement", compiled in accordance with the GAAP requirements, contains data about cash flow (cash and balances of funds at the bank) in three sections: main activity, investments, financial aspects. Data of the reporting period include the balance of funds at the beginning and end of the reporting period, receipt and disposal of funds - by types of activity with the allocation of specific areas: income from buyers, investors, from the sale of securities, property, by dividends, the withdrawal of funds for the purchase of goods, raw materials, wages, taxes, interest on obligations, for the purchase of various types of assets, repayment of obligations before edytoram and others.

Information provision of the economic analysis of cash flows is formed, first of all, according to the accounting and financial reporting data, in particular the indicators of the "Cash Flow Statement" (Form No. 3). This Report was closely linked to the "Financial Statements" (Form No. 2), which provides information on the income and expenses of the enterprise, but there is no data on sources of income and cash outflows resulting from this activity. The reason is that the statement of financial results based on the principle of accrual and compliance of income and expense that reflected in the accounting and reporting at the time of their occurrence, regardless of the date of receipt or payment of

cash. In order to determine the cash flow of an enterprise, it is necessary to transform the data of the Financial Results Statement according to the cash method, according to which the income and expenses recognized if there was a receipt or payment of cash.

In accordance with the recommendations of IFRS 7 "Statements of cash flows," as well as national standards when carrying out analytical procedures for calculating indicators, in the process of drawing up and analyzing the Cash Flow Report, it is recommended to use direct and indirect methods. The direct method involves the identification of all postings related to the debit of money accounts (cash inflows) and cash loans (outflow of funds). A sequential review of all postings also provides a grouping of revenues from the most important activities and requires the correction of each report in the Report. Cash receipts from sales of products reduced by the amounts spent in connection with the purchase of inventories, current expenses, etc. An indirect method is based on the identification and accounting of non-financial operations, that is, those that do not directly relate to cash accounts, and the consistent adjustment of net profit for the results of such transactions.

International Financial Reporting Standards recommend applying the straight-line method (IFRS 7, paragraph 19). Although this method is more informative in terms of estimating future cash flows (the method for analyzing incoming and outgoing cash flows requires detailed structuring of the sources of aggregate income and the directions of aggregate cash expenditure that can be provided by the direct method of drawing up the "Cash Flow Statement"), but he has one significant drawback. The direct method does not allow analyzing the influence of various factors on the change of the balance due to changes in the indicators that shape the financial performance of the enterprise. To this end, and taking into account the relative ease of implementation in Ukraine, a direct and indirect method is used in NP(S)A 1 "General requirements for financial reporting" in a similar way.

The classification of cash flows by type of activity of the enterprise, which forms the basis of the "Cash Flow Statement", involves the allocation of cash flows because of operational, financial and investment activities (Fig. 1).

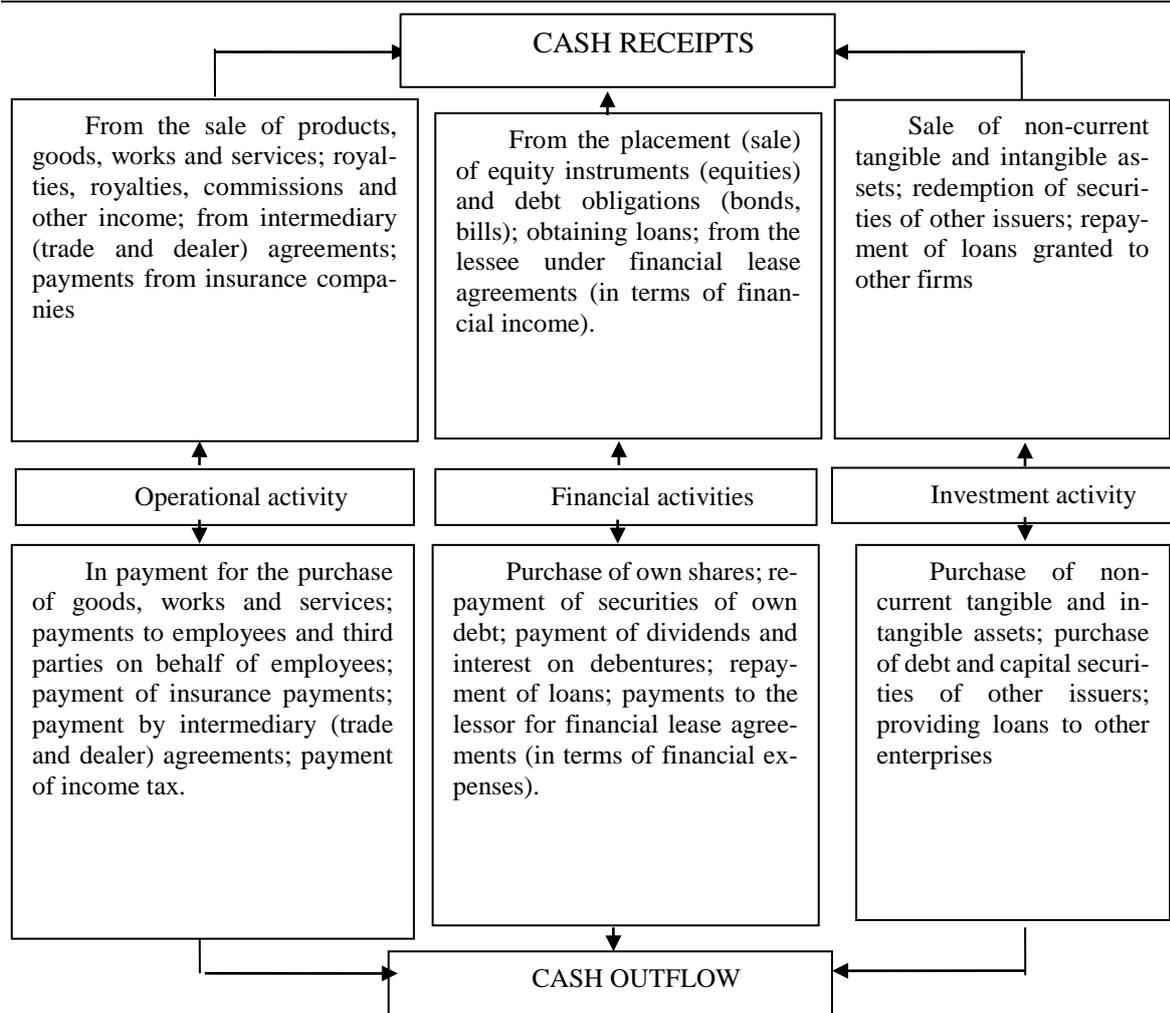

Fig.1 Events that cause cash flows in terms of activities of the enterprise

Initial input data for the analysis of cash flows by type of activity carried out using the "Financial Statement" (Form No. 2) and the data of the Main Book. Once the baseline indicators of individual components of the input and output cash flows are determined, all subsequent data may be generated by adjusting the indices of the previous period to change certain clauses of the "Balance" (Form No. 1).

Characteristics of information sources for determining the basic indicators and features of the use of accounting and reporting data for the formation of information on individual components of input and output flows shown in Table 1.

Table 1
Sources of information for the determination of the individual components of incoming and outgoing cash flows in the base period

Type of cash flow	Information source	Notes
Incoming cash flow		
Sale of goods, works and services, advances received	Main Book (MB), credit turnover 36, credit 681	Credit turnover of account 36 (decrease of buyers' debts (subject to repayment as a result of cash inflow)) Credit turnover of account 681 (increase of advances received)
Credits received	MB, credit turnover 50, 60	Credit turnover of accounts 50, 60 (increase in debt on loans received)
Other financial liabilities	MB, credit turnover 51, 52, 62	Credit turnover of accounts 51-55, 62 (increase of debts on issued bills issued bonds (subject to the occurrence as a result of cash inflow))
Dividends, interest received	MB, credit turnover 373	Credit turnover of account 373 - reduction of accrued income debt
Financial investments	MB, credit turnover 14, 35	Credit turnover of accounts 14, 35 (decrease of financial investments by sale in cash)

Targeted financing	MB, credit turnove 48	Credit turnover of account 48 (increase of target financing)
Other accounts receivable	MB, credit turnove 18, 34, 37 (except 184, 373)	Credit turnover of accounts 18, 34, 37 (except for 184, 373) (reduction of debts on received bills, financial lease, other debts (subject to repayment as a result of cash in-flows))
Sale of equity instruments	MB, credit turnove 45	Credit turnover of account 45 (reduction of withdrawn capital (subject to resale of previously repurchased shares, shares and cash equivalents))
Future revenues	MB, credit turnove 69	Credit turnover of account 69 (increase in income of future periods)
Outgoing cash flow		
Payment of goods, works and services, advances issued	MB, debit turnover 371, 63	Debit turnover of account 371 (increase of advances issued) Debit turnover of account 681 (reduction of debts to suppliers (in case of repayment as a result of payment of cash))
Payroll and deductions for social activities	MB, Debit turnover 651, 652, 653, 656, 66	Debit turnover of accounts 651, 652, 653, 656 (reduction of debts to pension and social insurance bodies) Debit turnover of account 66 (reduction of wage arrears (if the salary was paid in cash))
Acquisition of fixed assets, intangible assets and capital construction	MB, Debit turnover 10, 11, 12, 15	Debit turnover of accounts 10, 11, 12, 15 - increase in the initial cost of fixed assets, intangible assets, other non-current tangible assets and capital investments (in the case of acquiring assets for cash)
Dividends, interest paid	MB, Debit turnover 67, 684	Debit turnover of accounts 67, 684 - reduction of arrears in settlements with participants (subject to payment of dividends in cash) and accrued interest)
Loans are repaid	MB, Debit turnover 50, 60, 61	Debit turnover of accounts 50, 60, 61 (reduction of debts. On loans received (in case of payment by cash payments))
Other financial liabilities	MB, Debit turnover 51, 52, 55, 62	Debit turnover of accounts 51-55, 62 (reduction of debt on issued bills, issued bonds, other liabilities (subject to repayment as a result of payment of cash))
Financial investments	MB, Debit turnover 14, 35	Debit turnover of accounts 14, 35 (increase financial investment (by purchasing for cash))
Payments to the budget	MB, Debit turnover 64	Debit turnover of account 64 (reduction of debts to the budget (subject to repayment as a result of payment of cash))
Other accounts payable	MB, Debit turnover 55, 685	Debit turnover of accounts 55, 684 (reduction of arrears in long-term liabilities and settlements with other creditors (in case of payment of cash))
Redemption of equity instruments	MB, Debit turnover 45	Debit turnover of account 45 (increase of withdrawn capital (subject to redemption of shares, shares and shares for cash))
Costs of future periods	MB, Debit turnover 39	Debit turnover of account 39 (increase of expenses of future periods)

Practical adjustment of the indicators of individual components of the input and output cash flows, we suggest to implement the formulas (1, 2), in which Δ - change the value of the indicator, presented by the form of financial statements Form No. 1 (Form No. 1 Balance), Form No. 2 (Form No. 2 Statement of financial results);

* - is taken into account in absolute value only in cases when $\Delta < 0$;

** - is taken into account when $\Delta > 0$;

*** - is taken into account taking into account the sign;

**** - is taken into account with the opposite sign.

Positive Cash Flow:

$$\left\{ \begin{array}{l} \langle \Delta 1030 \rangle + \langle \Delta 1035 \rangle + \langle \Delta 1040 \rangle + \\ \Delta \langle \Delta 1020 \rangle + \Delta \langle \Delta 1140 \rangle + \langle \Delta 1160 \rangle + \\ \langle \Delta 1430 \rangle^* + \langle \Delta 1525 \rangle + \langle \Delta 1510 \rangle + \\ \langle \Delta 1515 \rangle + \langle \Delta 1600 \rangle + \langle \Delta 1665 \rangle^{**} + \\ \langle \Delta 1635 \rangle^{***} + \\ \langle \Delta 1125 \rangle^{****} \end{array} \right\} \phi.N\acute{o} 1 + \left\{ \begin{array}{l} \langle 2000 \rangle + \\ \langle 2200 \rangle + \\ \langle 2220 \rangle + \\ \langle 2240 \rangle \end{array} \right\} \phi.N\acute{o} 2, \quad (1)$$

Negative Cash Flow:

$$\left\{ \begin{array}{l} \langle \Delta 1001 \rangle + \langle \Delta 1005 \rangle + \langle \Delta 1010 \rangle + \\ \langle \Delta 1030 \rangle + \langle \Delta 1035 \rangle + \langle \Delta 1160 \rangle + \\ \langle \Delta 1170 \rangle + \langle \Delta 1030 \rangle^* + \\ + \langle 1510 \rangle + \langle \Delta 1515 \rangle + \\ + \langle \Delta 1600 \rangle + \langle 1610 \rangle + \langle \Delta 1605 \rangle + \\ \langle \Delta 1620 \rangle + \langle \Delta 1690 \rangle^{**} + \\ + \langle \Delta 1101 \rangle + \langle \Delta 1102 \rangle + \langle \Delta 1104 \rangle + \\ \langle \Delta 1135 \rangle + \langle \Delta 1130 \rangle^{***} + \\ + \langle \Delta 1615 \rangle + \langle \Delta 1625 \rangle + \langle \Delta 1630 \rangle + \\ \langle \Delta 1640 \rangle^{****} \end{array} \right\} \phi.N\acute{o} 1 + \left\{ \begin{array}{l} \langle 2250 \rangle + \\ \langle 2500 \rangle + \\ \langle 2505 \rangle + \\ \langle 2510 \rangle + \\ \langle 2520 \rangle + \\ \langle 2605 \rangle \times \\ \langle 2650 \rangle \end{array} \right\} \phi.N\acute{o} 2, \quad (2)$$

A detailed description of the sources of information for determining the indices of input and output cash flows in the periods following the baseline given in Table 2.

Table 2
Characteristics of information sources for determining the indices of components of input and output cash flows in periods subsequent to the base

Type of cash flow	Source of information P(S)A (NP(S)A)	Adjustment
Incoming cash flow		
Sale of goods, works and services, advances received	Form No. 2, Δ Line (L.).(2000) Form No. 1, Δ L. (1125), Δ L. (1635))	Revenues from sales of goods, works and services Increases by: - Δ L. 1125 (reduction of receivables for goods, works and services) ; + Δ L. 1635 (increase of payables from received advances) ; Decreases to: + Δ L. 1125 (increase of accounts receivable for goods, works and services) ; - Δ L. 1635 (reduction of payables from received advances)
Credits received	Form No. 1, Δ L. (1510), Δ L. (1600)	Increases by: + Δ L. 1510 , Δ L. 1600 (increase in debt on loans received) ;
Other financial liabilities	Form No. 1, Δ L. (1515), Δ L. (1605)	Increases by: + Δ L. 1515 , Δ L. 1635 (increase of debt on loans received)
Dividends, interest received	Form No. 2, L. Δ L. (2200,2220,2240) Form No. 1, Δ L. (2350))	Accrued income from equity participation, financial income (in terms of actual funds received, that is, taking into account Form No.1 (- Δ L. 2350) - reduction of receivables from accrued income)

Financial investments	Form No. 1, Δ L. (1030), Δ L. (1035), Δ L. (1400)	Increases by: - Δ L. 1030 , Δ L. 1035 , L. 1400 (decrease of financial investments by sale in cash)
Targeted financing	Form No. 1, Δ L. (1525)	Increases by: + Δ L. 1525 (increase in debt on loans received)
Other accounts receivable	Form No. 1, Δ L. (1040), Δ L. (1120), Δ L. (1155)	Increases by: - Δ L. 1040 , Δ L. 1120 , Δ L. 1155 (decrease of debts on received bills, financial lease, other debts (subject to repayment as a result of cash inflows))
Sale of equity instruments	Form No. 1, Δ L. (1430)	Increases by: - Δ L. 1430 (reduction of withdrawn capital (subject to resale of previously repurchased shares, shares and cash equivalents))
Future revenues	Form No. 1, Δ L. (1665)	Increases by: + Δ L. 1655 (Increase in income of future periods)
Outgoing cash flow		
Payment of goods, works and services, advances issued	Form No. 2, Δ L. (2500), Δ L. (2520) Form No. 1, Δ L. (1101), Δ L. (1120), Δ L. (1104) , Δ L. (1130), Δ L. (1615)	Material costs and other operating expenses Increases by: Form No. 1 , + Δ L. 1101 , Δ L. 1120 , Δ L.1104 , Δ L. 1130 (increase of inventories, work in progress, goods, advances issued) ; Form No. 1 , - Δ L. 1615 (reduction of debts to suppliers (in case of repayment as a result of payment of cash)) . Increases by: Form No. 1 , - Δ L. 1101 , Δ L. 1120 , Δ L. 1104, Δ L. 1130 (reduction of inventories, work in progress, goods, advances issued) Form No. 1 , + Δ L. 1615 (increase in debt to suppliers)
Payroll and deductions for social activities	Form No. 2, Δ L. (2505), Δ L. (2210) Form No. 1, Δ L. (1625), Δ L. (1630))	Labor costs and deductions for social activities Increases by Form No. 1 , - Δ L. 1605 , Δ L. 1630 (reduction of arrears to pension and social insurance and wages (if the salary was paid in cash)) ; Decreases by Form No. 1 , + Δ L. 1625 , Δ L. 1630 (increase of debts to pension and social insurance and payrolls)
Acquisition of fixed assets, intangible assets and capital construction	Form No. 1, Δ L. (1001), Δ L. (1005), Δ L. (1010)	+ Δ L. 1001 , Δ L. 1005 , Δ L. 1010 (increase in the initial cost of fixed assets, intangible assets, other non-current tangible assets and capital investments (in case of acquisition of assets in cash))
Dividends, interest paid	Form No. 2, L. Δ (2250), (2240 × 2650) Form No. 1, Δ L. , (1540) Δ L. (1690))	Financial expenses and accrued dividends Increases by: Form No. 1 , - Δ L. 1540 , Δ L. 1690 (reduction of arrears in settlements with participants (subject to payment of dividends in cash) and accrued interest) ; Decreases to: Form No. 1 , + Δ L. 1540 , Δ L. 1690 (increase of arrears in settlements with participants (subject to payment of dividends in cash) and accrued interest)
Loans are repaid	Form No. 1, Δ L. (1510), Δ L. (1600), Δ L. (1610)	Increases by: - Δ L. 1510 , Δ L. 1600 , Δ L. 1610 (reduction of debt on loans received (subject to repayment of cash))
Other financial liabilities	Form No. 1, Δ p (1515), Δ L. (1610)	Increases by: - Δ L. 1515 , Δ L. 1610 (decrease of debts under financial liabilities (subject to repayment of cash))

Financial investments	Form No. 1, Δ L. (1030), Δ L. (1035), Δ L. (1160)	Increases by: + Δ L. 1030 , Δ L. 1035 , Δ L. 1160 (increase of financial investments (by acquisition for cash))
Payments to the budget	Form No. 1, Δ L. (1620)	Increases by: - Δ L. 1620 (reduction of debts to the budget (subject to repayment as a result of payment of cash))
Other accounts payable	Form No. 1, Δ L. (1515), Δ L. (1690)	Increases by: - Δ L. 1515 , Δ L. 1690 , (decrease in debt for long-term liabilities and settlements with other creditors (in case of payment of cash))
Redemption of equity instruments	Form No. 1, Δ L. (1430)	Increases by: + Δ L. 1430 (increase in withdrawn capital (subject to redemption of shares, shares and cash equivalents))
Costs of future periods	Form No. 1, Δ L. (1170)	Increases by: + Δ L. 1170 (increase of expenses of future periods)

Form No. 1 - Form No. 1 Balance;

Form No. 2 - Form No. 2 Statement of financial results;

Δ - change of the value of the indicator, indicated by the form of the financial statements (+ Δ - growth, - Δ - decrease).

To conduct economic factor analysis of cash flow and to solve the problems of estimating the optimality of cash flows, their estimation by types of activity, estimation of composition, structure and directions of movement, estimation of flow dynamics, detection and measurement of the influence of various factors on the formation of cash flows, detection and evaluation of improvement of use We propose the following algorithm (methodology), which consists of six generalized stages:

1. Conduct the initial formation of output (basic) data for the analysis of cash flows. For further correction, use the formulas (1, 2).

2. To consider dynamics of volume of formation of positive cash flow of organization (inflow of funds) in the context of separate sources. It is advisable to compare the growth rate of positive cash flow with the growth rate of assets, volumes, sales revenue, with different profit indicators (profit from sales, net profit). Particular attention should be paid to the ratio of sources of positive cash flow - internal (sales revenue) and external (received loans, loans), the detection of the degree of dependence on external sources.

3. To study the dynamics of the volume of negative cash flow of the enterprise (outflow of funds), as well as its structure in the directions of expenditure of funds.

$$r = \frac{\delta_{xy}^2}{\delta_x \times \delta_y},$$

$$\delta_{xy}^2 = n^{-1} \times \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x}) \times (y_i - \bar{y}), \quad \delta_x = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n}}, \quad \delta_y = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}{n}}. \quad (5)$$

It is also advisable to conduct graphic, trend forecast analyzes.

5. Determine the role and place of the indicator of net profit in the formation of net cash flow, the impact

4. To conduct a structural and dynamic analysis of the balance of positive and negative cash flows in the total volume. The analysis of the dynamics of net cash flow makes it possible to evaluate the result of the organization, because the net cash flow is one of the most important indicators of the balance of production and financial activity. Also, give a description of the uniform distribution of cash flows by periods.

For this purpose, it is advisable to use the relative values of the coefficients of uniformity, which characterizes the relative value of the mean-square deviations of the actual values of the indicators from their average arithmetic meanings and calculated by the formula

$$K_{pien} = 1 - \frac{\sigma}{\bar{x}}, \quad (3)$$

where σ - the rms deviation of the actual values of the indicators from their average arithmetic value and calculated by the formula

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n}}, \quad (4)$$

where x_i - is the actual value of the i-th indicator of the aggregate of data,

$\bar{x}$ - Average arithmetic mean of actual aggregate data,

n - number of indicators in the calculation.

To determine the degree of synchronism (possibilities) of cash flows that related to positive and negative cash flows, which calculated by the formula

on it of various factors: changes in the period of the magnitude of the balance of inventories, accounts receivable and payables, reserves created, etc. A special place to allocate characteristics of quantification of net

cash flow, that is, indicators of the structure of the sources of its formation. The high level of quality of net cash flow is characterized by an increase in the share of net profit earned on account of growth of sales proceeds and reduction of the cost price. Low quality has a net cash flow, much of which is due to rising sales prices associated with inflationary processes, revenues from non-operating operations, extraordinary income etc.

6. Conduct a coefficient analysis in which to calculate the necessary relative indicators that characterize the effectiveness of using the company's funds (see Table 3).

An important point in conducting a coefficient analysis is the study of the dynamics and statistical characteristics of various coefficients, which will establish positive and negative trends that determine the quality of cash flow management of the enterprise, as well as develop the necessary measures to optimize

management decisions in the process of operation of the enterprise. The simulation of the coefficients given in the table, in particular the profitability coefficients, taken as the source factor system, allows for factor analysis.

For example, the coefficient of profitability of the input cash flow on the profit from sales by extending the factor system can be transformed into a finite four-factor multiplicative model:

$$P_{\Gamma\Pi} = \frac{\Pi}{B_{\Gamma\Pi}} = \frac{\Pi}{B_{\Gamma\Pi}} \cdot \frac{BP}{CA} \cdot \frac{CA}{3_{\Gamma K}} \cdot \frac{3_{\Gamma K}}{B_{\Gamma\Pi}}, \quad (7)$$

where $P_{\Gamma\Pi}$ - the profitability of cash flows,

Π - profit

$B_{\Gamma\Pi}$ - Incoming cash flows

CA - aggregate assets,

$3_{\Gamma K}$ - cash balances.

Table 3

System of indicators of efficiency of use cash

Coefficient	Formula of calculation	Notes
Sufficiency of net cash flow	$K_{\Delta\Upsilon\Pi} = \frac{\Upsilon\Pi}{BK + \Delta 3_{\Gamma K} + \Delta}$	$\Upsilon\Pi$ – net cash flow; BK – payments for long-term and short-term loans and loans; $\Delta 3_{\Gamma K}$ - Growth of cash balances. Δ – dividends paid to owners.
Efficiency of cash flows	$K_{E_{\Gamma\Pi}} = \frac{\Upsilon\Pi}{B_{\Gamma K}}$	$B_{\Gamma K}$ – cash outflows.
Reinvestment of cash flows	$K_{P_{\Gamma\Pi}} = \frac{\Upsilon\Pi - \Delta}{\Delta HOA}$	ΔHOA - increase of non-current assets.
Liquidity of cash flow	$K_{L_{\Gamma\Pi}} = \frac{\Upsilon\Pi - \Delta 3_{\Gamma K}}{B_{\Gamma K}}$	$\Delta 3_{\Gamma K}$ - increase cash balances.
Cash flow (may be deducted from net profit, profit from sales, and profit before tax, etc.).	$P_{\Gamma\Pi}^{\Pi} = \frac{\Pi_{\Pi}}{B_{\Gamma\Pi\Pi}},$ $P_{\Gamma\Pi}^I = \frac{\Pi_I}{B_{\Gamma\Pi I}},$ $P_{\Gamma\Pi}^{\Phi} = \frac{\Pi_{\Phi}}{B_{\Gamma\Pi\Phi}}$	$P_{\Gamma\Pi}^{\Pi}, P_{\Gamma\Pi}^I, P_{\Gamma\Pi}^{\Phi}$ - coefficients of profitability of cash flows, respectively, in current, investment and financial activities; $\Pi_{\Pi}, \Pi_I, \Pi_{\Phi}$ - profit, in accordance with current, investment and financial activity; $B_{\Gamma\Pi\Pi}, B_{\Gamma\Pi I}, B_{\Gamma\Pi\Phi}$ - incoming cash flows, respectively, for current, investment and financial activities.

For example, the coefficient of profitability of the input cash flow on the profit from sales by extending the factor system can be transformed into a finite four-factor multiplicative model:

$$P_{\Gamma\Pi} = \frac{\Pi}{B_{\Gamma\Pi}} = \frac{\Pi}{BP} \cdot \frac{BP}{CA} \cdot \frac{CA}{3_{\Gamma K}} \cdot \frac{3_{\Gamma K}}{B_{\Gamma\Pi}}, \quad (8)$$

where $P_{\Gamma\Pi}$ - the profitability of cash flows,

Π - profit

$B_{\Gamma\Pi}$ - Incoming cash flows

CA - aggregate assets,

$3_{\Gamma K}$ - cash balances.

Thus, in the implementation of the factor system (8), the quantitative influence of such factors as the share of profit in cash flows, the turnover of capital (assets), the share of capital (assets) in the balance of cash

and the proportion of the balance of cash in the total amount of the input cash flow is determined.

Consequently, the definition and justification of the level of adequacy (insufficiency) of the amount of money supply in the company as a whole, by types of activities and structural subdivisions depends primarily on the cash flows of the enterprise. The study of the balance of positive and negative cash flows in volume and in time allows not only to determine the totality of various factors influencing the formation of cash flows, but also to assess the optimality of their volumes in order to increase the efficiency of the use of funds in the financial and business activities of the business entity.

Conclusions. The application of the above mentioned method of analysis of cash flows on the basis of accounting reporting as a means of communication allows to control financial stability, payment stability and solvency of the enterprise, and analysis of the dynamics

of the given coefficients allows not only to state the indicators of the financial state, but also to make forecasts for the future, which, of course, contributes improving the efficiency of management, identifying internal and external reserves to increase solvency, identify future ways out of payment to *zy*. This technique is verified, algorithmic and tested [2].

To date, an urgent question remains to determine the optimal level of cash, the content of which is determined by the finding of compromises between the desire to protect themselves from the situation of chronic shortage of funds and the desire to invest free money in any case in order to obtain additional income; Also,

fundamental research needs a posteriori diachronic assessment of cash flows, but it is a topic of further research.

References

1. Головка В.І. Мисака Г.В. Інформаційне забезпечення управління грошовими потоками фірми
2. Головка І.В., Шарманська С.О. Утилітарний інструментарій діагностики фінансового стану підприємства: монографія – К.:Видавництво «Фенікс», 2014. – 296 с.
3. Экономический анализ/ Под ред. Л.Т. Гиляровой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 527 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евсюкова А

КИБЕРВОЙНА И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ.

В связи с активизацией разработки многими государствами методов и способов использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для решения задач военно-политического характера остро встала проблема их правовой регламентации, прежде всего, на международном уровне с последующей имплементацией в национальное законодательство государств.

В настоящее время возрастает актуальность изучения вопросов применения международного права к вооруженным конфликтам в киберпространстве. С созданием новых технологий и развитием информационной сферы для мирового сообщества возникла новая угроза под названием кибервойна. Дебаты ученых о международном праве, применимом в кибервойне, ведутся достаточно давно. Более двадцатилетия мы живем в эпоху кибервойны. И теперь мы всё яснее осознаем те губительные последствия для цивилизации, которые таит в себе враждебное применение силы в киберпространстве.

Любые попытки осмыслить проблемы кибербезопасности упираются в отсутствие единой терминологической базы. Для того, чтобы понять правовую природу кибервойны предстоит ответить на многие новые вопросы. Прежде всего, нужно понять природу этого явления, и создать соответствующую ему теорию правового регулирования. В связи с этим, необходимо четкое разграничение и разведение понятий киберпространства и информационного пространства; кибербезопасности и, с другой стороны, информационной и информационно-психологической безопасности (а также любых других видов деятельности, конечной целью которых является влияние на человека, группы людей либо общество в целом за счет информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)). Используя этот подход как основу, можно предложить следующее определение киберпространства: киберпространство – электронная среда, в которой создание, хранение, изменение, передача и удаление информации осуществляется посредством цифровых сигналов.⁴

По поводу термина «кибервойна», по мнению многих экспертов в сфере деятельности в киберпространстве, данный термин является дезориентирующим и некорректным для целей официальной терминологии и от него предлагается отказаться. Основная причина видится в том, что он апеллирует к понятию «война», которое не может употребляться произвольно и должно опираться на четкое правовое определение. Между тем ни одно из определенных войны и военного конфликта, приводимых в

Военной доктрине Российской Федерации от 5 февраля 2010 года, в текущем виде не может быть перенесено на действия в киберпространстве.

В этой связи понятие «кибервойна» может употребляться в неофициальной коммуникации – СМИ, публицистике и устных выступлениях, однако не является частью официальной терминологии Вооруженных сил и государственных органов РФ.

Термин «война» в классификации военных конфликтов подразумевает такую разновидность вооруженного противоборства, в процессе которого государства-участники вынуждены максимально напрягать и использовать все (или большую часть) имеющихся в их распоряжении ресурсов для достижения поставленных военно-политических целей. Действия сторон конфликта в киберпространстве будут являться всего лишь частью их полномасштабного противоборства в рамках войны в целом.

В связи с вышесказанным уместно ввести термин «кибернетическое противоборство» – по аналогии с информационным противоборством, радиоэлектронной борьбой и т.д.

Кибернетическое противоборство – разновидность вооруженной борьбы, в ходе которой осуществляется целенаправленное и организованное кибернетическое воздействие аппаратно-программными средствами на аппаратно-программные комплексы автоматизированных систем управления военного и гражданского назначения противника, направленное на нарушение их нормального функционирования. Составными частями кибернетического противоборства является кибернетическое поражение и кибернетическая защита.

Кибернетическая операция – совокупность широкомасштабных, проводимых по единому плану и согласованных по времени и месту защитных мероприятий, кибернетических ударов и других воздействий на взаимосвязанную группу управляющих систем крупных государственных и военных структур. Осуществляется с использованием аппаратно-программных средств, с целью кибернетического поражения (кибернетической защиты) указанных систем.⁵

В рамках обсуждения проблем кибервоздействий неизбежно затрагивается широкий круг вопросов, связанных с использованием киберпространства для ведения боевых действий, а точнее, расширения пространства боевых действий в направлении пространства киберсистем и определение понятия кибероружия.

⁴ <http://nvo.ng.ru/> Киберпространство и военные конфликты: доктринальные подходы к терминологии, Якушев М. В.

⁵ <http://nvo.ng.ru/> Кибервойна: осмысление понятий, Кандауров Д. Н.

Еще одной серьезной проблемой, которая требует своего решения, является отсутствие правоприменительных практик в международных отношениях, регулирующих использование киберпространства для агрессивных действий. Эта проблема требует скорейшего разрешения, поскольку создаваемые образцы кибероружия отличаются глобальной достигаемостью, практически мгновенным воздействием без какого-либо способа получить предупреждение о его применении. Такие характеристики позволяют приравнять его к стратегическим наступательным вооружениям, но разработки и применение кибероружия никак не ограничиваются существующими международными соглашениями.

Формирование понятийной и доктринальной основы действий Вооруженных сил РФ и российских государственных органов в киберпространстве невозможно в отрыве от выработки российского подхода к применению международного права в киберпространстве. В первую очередь речь идет о применении международного гуманитарного права (*jus in bello*) и непосредственно права вооруженного конфликта (*jus ad bellum*).

Связка и синхронность проработки этих двух проблематик определяются трансграничностью киберпространства. Практически любой конфликт в киберпространстве неизбежно приобретает трансграничное – то есть де-факто международное – измерение и с высокой вероятностью затрагивает гражданскую инфраструктуру и третьих лиц, включая незаконных комбатантов и нонкомбатантов в терминологии *jus in bello*.⁶

В этой связи важно отметить, что российская концепция «Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности» (МИБ) от 2011 года содержит прямую ссылку на необходимость регламентирования вопросов поведения государств, в ситуации конфликта в киберпространстве с точки зрения международного гуманитарного права (МГП). Речь идет о Статье 7, пункте 2, согласно которому «в случае любого международного конфликта право государств-участников <...> выбирать методы или средства ведения «информационной войны» ограничено применимыми нормами МГП».⁷

Идентичный по смыслу параграф содержится в «Концептуальных взглядах на деятельность Вооруженных сил Российской Федерации в информационном пространстве».⁸ В частности, документ предлагает Вооруженным силам РФ руководствоваться такими нормами международного гуманитарного права, как «ограничение неизбирательного применения информационного оружия; установление особой защиты для информационных объектов, являющихся потенциально опасными источниками

техногенных катастроф, а также запрещение вероломных методов ведения информационной войны».

Однако ни одному из названных пунктов не сопутствует интерпретация. К примеру, неясно, какие объекты входят в перечень «потенциально опасных источников техногенных катастроф», что такое меры их «особой защиты», какие методы ведения информационной войны причисляются к «вероломным».

С учетом остроты вызовов российской национальной безопасности и обороне, исходящих из киберпространства, России необходима скорейшая выработка собственного развернутого подхода к международно-правовым аспектам конфликтов в киберпространстве.

Первым шагом на этом пути могло бы стать формулирование перечня базовых вопросов, таких как:

1. Несут ли государства ответственность за действия в киберпространстве, осуществляемые акторами-посредниками (*проху actors*), действующими в интересах, по указанию и с ведома данных государств? Каков статус данных акторов в ситуации конфликта в киберпространстве – являются ли они комбатантами, незаконными комбатантами, нонкомбатантами либо ни одной из этих категорий?

2. Несут ли государства ответственность за действия в киберпространстве, осуществляемые с их ведома с их же территории? Важен не только общий ответ (который видится скорее положительным), но и возможные исключения. Гипотетический пример – невозможность оперативно пресечь действия негосударственных акторов в киберпространстве без нанесения существенного экономического ущерба собственному гражданскому населению (полного отключения телекоммуникационных сетей на значительной территории).

3. Могут ли специальные действия и операции в киберпространстве подпадать под понятие «применение силы» в рамках статьи 2 (4) Устава ООН и при каких критериях? Должна ли гибель людей как прямое следствие действий в киберпространстве являться единственным критерием, а если нет, то каков порог ущерба, позволяющего считать операции в киберпространстве «применением силы»?

4. Могут ли специальные действия, равно как и специальные операции, в киберпространстве подпадать под понятие «акт агрессии», согласно Резолюции ГА ООН «Об агрессии» от 14 декабря 1974 года и Устава ООН, а также «вооруженного нападения», согласно Статье 51 Устава ООН – и если да, то при каких условиях?

5. Могут ли специальные действия и операции в киберпространстве задействовать право государств на коллективную самооборону, согласно

⁶ <http://отрасли-права.рф/> Специальные действия в киберпространстве и международное право, Демидов О.
⁷ <https://m.gazeta.ru/business/2012/02/09/>, «Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности»

⁸ <http://ens.mil.ru/> «Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных сил Российской Федерации в информационном пространстве».

Статье 51 Устава ООН и если да, то при каких условиях? Допускает ли международное право ситуации, когда в ответ на воздействия в киберпространстве государством может быть легитимно использована вооруженная сила? Если да, то распространяются ли такие допущения на применение вооруженной силы против негосударственных акторов или же только на государства?

б. Необходимо ли выделять перечень объектов, специальные действия и операции в киберпространстве, против которых не могут быть признаны легитимными с точки зрения международного права? Речь идет о техногенно опасных объектах, повреждение и разрушение которых чревато большим количеством человеческих жертв либо чрезвычайным ущербом экономике и окружающей среде.⁹

В экспертном документе 2013 года Центра совместной киберобороны НАТО в Таллинне (CCD COE) под названием «Таллинское руководство по применению международного права к условиям киберконфликта» выделяется категория объектов, кибератаки в отношении которых следует планировать и осуществлять «с особой осторожностью».¹⁰ В число таких объектов включаются АЭС, плотины и дамбы гидроэлектростанций, а также

объекты, расположенные в непосредственной близости от вышеупомянутых.

Логика, допускающая действия, нацеленные на отключение систем энергоснабжения на АЭС и ГЭС, основана на несколько видоизмененном содержании пункта 2 Статьи 56 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Однако в Статье Протокола, вступившего в силу в 1978 году, речь идет о нападении на «установки и сооружения, содержащие опасные силы» (те же самые АЭС, ГЭС и дамбы) с использованием разрешенных средств и методов ведения военных действий. Но применяемые в киберпространстве средства пока не получили определения в контексте Статьи 36 «Новые виды оружия» Дополнительного протокола. Вследствие этого неясно, относятся ли они к разрешенным средствам ведения войны. Выводы таллинских экспертов не соответствуют также духу пункта 6 той же Статьи 56, который призывает к «заключению соглашений для обеспечения дополнительной защиты объектов, содержащих опасные силы».

Однако такой подход не представляется релевантным российским интересам, ибо предлагает неоправданно широкий список объектов критической инфраструктуры, которые являются легитимными целями в случае специальных операций в киберпространстве.

Более того, трудности может вызвать также классификация объектов атак, обусловленная их военным или гражданским характером. В контексте интерпретации кибервойны по-прежнему неизвестно, как следует понимать положения об «угрозе применения силы или ее использования» (ст. 51 Устава ООН), компетенцию Совета Безопасности ООН в этом предмете или фактическую юрисдикцию государств в киберпространстве. Таким образом, следует сделать вывод, что явление кибервойны связано со многими дилеммами, касающимися толкования международного права. Необходимо добавить, что, несмотря на многолетнюю дискуссию на эту тему, в частности, в рамках ООН, до сих пор не удалось достичь соглашения по этому вопросу.¹¹ Что интересно, на протяжении многих лет самыми активными сторонниками разработки международного соглашения, регулирующего все эти сомнения, являются Российская Федерация и Китайская Народная Республика.

Принимая во внимание эти факты, а также высокую потенциальную опасность некоторых специальных действий в киберпространстве, представляется целесообразным установить полный международно-правовой запрет на специальные действия и операции в киберпространстве против объектов, содержащих опасные силы в определении Статьи 56 Дополнительного протокола I.

Кроме того, предлагается оценить возможность введения аналогичного запрета на такие действия против ИКТ-инфраструктур любых объектов, в работе которых используется управляемая ядерная реакция – включая АЭС, АПЛ, суда и любые другие виды транспорта на атомной тяге.

Однако главным принципом изучения и адаптации существующего корпуса норм МГП к киберпространству должен стать приоритет предотвращения и запрета специальных действий и специальных операций в киберпространстве, которые преследуют политические цели военного конфликта.

Отдельно следует коснуться вопроса об анонимности авторов специальных действий в киберпространстве. Под анонимностью могут подразумеваться два различных аспекта. Первый из них – ситуация, когда специальные действия в киберпространстве осуществляются полностью бесследно. На данный момент подобное вмешательство в киберпространстве практически невозможно с технической точки зрения. Однако с практической точки зрения важно другое понимание анонимности – а именно состояние, когда невозможна достоверная идентификация автора/источника тех или иных действий в киберпространстве. В этом понимании анонимные действия вполне возможны и, более того, представляют собой правило, а не

⁹ <http://d-russia.ru/vojna-v-kiberprostranstve-uroki-i-vyvody-dlya-rossii.html> / Война в киберпространстве: Уроки и выводы для России, Ю. Николаев.

¹⁰ Peacetime regime for state activities in Cyberspace. International Law, International relations, Diplomacy. NATO CCD COE Publication. Tallinn. 2013

¹¹ https://studme.org/220979/sotsiologiya/dilemmy_kiber-voyny, Дилеммы кибервойны.

исключение в киберпространстве на сегодняшний день.

Возможно, одним из наиболее очевидных ограничений должен стать принцип отказа от использования вооруженной силы в качестве ответа на нападение в киберпространстве, если субъект/источник такой атаки не может быть надежно идентифицирован. Как видно, нерешенная проблема анонимности субъектов специальных действий в киберпространстве делает необходимой жесткую увязку вопросов деятельности ВС и международно-правовых правил поведения в этой сфере, отражающих российские интересы.

Вновь возникла проблема урегулирования данных отношений нормами права. Вне всякого сомнения, кибератаки являются разновидностью агрессии, и они должны быть запрещены международным правом путем принятия международной конвенции или дополнения понятия агрессии.

Рассмотрим первый вариант урегулирования данных отношений – дополнение понятия агрессии.

Под агрессией в международном праве понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении.¹² Объективно, данный способ регулирования данных правоотношений вполне приемлем, однако всё же следует учитывать тот факт, что данные отношения являются сложными и требует более детального регулирования, чем просто включение в дефиницию. Второй вариант урегулирования данного вопроса – это конвенция. Данный подход представляется наиболее верным, поскольку появляется возможность осветить все проблемные моменты, связанные с кибератаками и информационной безопасностью в целом. В настоящее время разработка проекта конвенции осуществляется группами правительственных экспертов (далее – ГПЭ).

Рассматривая объективно результаты их работы, можно отметить лишь то, что в настоящее время удалось согласовать лишь мнения касательно применимости международного права к киберпространству (включают в себя признание суверенитета государств над ИКТ-структурой, упоминание в контексте киберпространства ряда принципов международного права, ответственность государств за действия в киберпространстве и т.д.)¹³ Од-

нако, несмотря на свою безусловную важность, некоторые меры из этого списка можно назвать второстепенными, производными от первоочередных задач. К сожалению, несмотря на рациональность конвенции, стоит отмечать тот момент, что, скорее всего, она не будет принята в ближайшее время, поскольку мнения многих ведущих стран расходятся по самым существенным вопросам регулирования киберпространства. По смыслу ст. 36 Дополнительного Протокола к Женевским Конвенциям, при разработке нового оружия государством, не обязательно принимать новую конвенцию, чтобы это оружие регулировалось международным гуманитарным правом.

Обобщая вышесказанное, необходимо говорить о том, что вопрос, связанный с регулированием киберпространства (и в частности, кибератак) является одним из наиболее острых в современном мире. Наиболее рациональным урегулированием данного вопроса представляется принятие конвенции, которая бы отразила все аспекты данных правоотношений. Однако, необходимо понимать, что в современной геополитической ситуации принятие конвенции может быть отложено на длительный срок, что создает проблему отсутствия регулирования одного из наиболее опасных явлений в современном мире.

В России существует осознание опасности наращивания зарубежными странами сил и средств для ведения военных действий в кибернетическом пространстве. В частности, в Указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года» отмечается, что «угрозами военной безопасности являются: политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в военной сфере, осуществляемая путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы...».¹⁴

В условиях, когда на уровне ООН процесс продвижения идеи обеспечения информационной безопасности начал заходить в тупик, страны ШОС заложили основу регионального сотрудничества в этой сфере.¹⁵ План совместных действий по обеспечению МИБ, а 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге подписано межправительственное Соглашение государств – членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения МИБ. Уникальность этого документа заключалась в том, что он впервые на международно-правовом уровне зафиксировал наличие конкретных угроз в области информационной безопасности, а также определил основные направления,

¹² <http://www.oboznik.ru/?p=54277>, Международно-правовое регулирование кибератак.

¹³ Доклады Группы правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (2010, 2013, 2015 гг.).

¹⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г. Утверждена Президентом Российской Федерации 24 июля 2013. №Пр-1753

¹⁵

http://www.perspektivy.info/book/mezhdunarodnyje_dogov_ornosti_po_kiberprostranstvu_vozmozen

[_i_konsensus_2013-10-24.htm](#), Международные договорённости по киберпространству: возможен ли консенсус? Бедрицкий А.

принципы, формы и механизмы сотрудничества в этой сфере. Как в рамках ШОС, так и в широкой международной практике вступившее в силу Соглашение стало первым договорным актом, охватывающим весь спектр проблем МИБ – от противодействия киберпреступности и кибертерроризму до вопросов разоружения.¹⁶ Действующее сегодня соглашение стало прецедентом и для стран, не входящих в ШОС.

В рамках определения направлений реализации государственной политики Российской Федерации в области формирования системы международной информационной безопасности Президентом Российской Федерации В. В. Путиным поставлена задача «содействия подготовке и принятию государствами – членами ООН международных актов, регламентирующих применение принципов и норм международного гуманитарного права в сфере использования ИКТ».¹⁷

Перспектива дальнейшей работы над законами кибервойны видится в создании качественно и новой общей Хартии безопасности киберпространства, в которой, прежде всего, нужно определить правовое состояние – «кибермир» и «кибервойна». Далее регламентировать сферы применения права в киберпространстве, по кругу лиц и по видам технических телекоммуникационных и программных объектов. Регламентацию нужно вести от конкретных физических величин и математических понятий киберсистемы. Добиться хороших результатов в этой работе вполне можно, потому что, здесь возможен тот удачный синтез математической точности и юридического гуманизма, при котором у кибертерроризма и кибермилитаризма не остается шанса на правонарушения. Вполне возможно сделать так, чтобы соблюдение принципов гуманности гарантировала сама электроника. Она беспристрастна, политически не ангажирована и проверяема. В киберпространстве ничего не утаишь и не спрячешь, тем более, если речь идет о враждебных электронных акциях. Имея полномочия от государств, юристы и техники вполне способны урегулировать любое электронное отношение строго по закону, основываясь на оцифрованных фактах и электронных документах, зафиксированных в киберпространстве – доказательствах, которые невозможно подделать, подменить, исказить или потерять. Новая Хартия безопасности киберпространства должна сформировать безотказный и безошибочный процессуальный правовой порядок квалификации любых враждебных действий, или несовместимых с универсальными принципами гуманизма и мирного сосуществования наций.

Исходя из этого, можно отметить, что для выстраивания международных отношений в глобальном киберпространстве на основе принципа равен-

ства суверенитетов, являющегося одним из важнейших принципов международного права, представляется целесообразным осуществить кодификацию норм, регулирующих международные отношения в глобальном киберпространстве.

Для выработки рациональной политики в области обеспечения информационной безопасности, прежде всего, необходима трезвая оценка сегодняшнего состояния, особенностей и перспектив развития информационного общества, информатизации как процесса, информационного оружия и реально возможных способов его применения. Такая оценка есть базовая предпосылка выработки внешней и внутренней политики государства, военные и военно-технические компоненты которой могли бы предотвращать или парировать возникшие угрозы и надежно обеспечивали бы безопасность страны.

В настоящее время обоснованными и необходимыми являются следующие предложения в рассматриваемой сфере:

- закрепление в международных договорах содержания государственного суверенитета в национальном киберпространстве, в том числе в области управления адресным пространством глобального киберпространства и его национального сегмента;
- определение процедуры и проведение делимитации границ национальных киберпространств и закрепление границ этих пространств в соответствующих международных договорах;
- определение объектов, включая критически важные, информационной инфраструктуры общества, пользующихся правовой защитой со стороны Международного гуманитарного права (МГП);
- создание и поддержание в актуальном состоянии «карт» привязки объектов национальной информационной инфраструктуры, которым предоставляется правовая защита МГП;
- уточнение условий пользования международно-правовым статусом комбатанта лицами, осуществляющими акты враждебного использования информационно-коммуникационных технологий в качестве средства вооруженного насилия в составе вооруженных сил государств, других вооруженных групп, участвующих в вооруженном конфликте;
- уточнение признаков враждебного использования ИКТ в качестве средства вооруженного насилия в отношении противника, лиц и объектов, защищаемых МГП;
- совершенствование процедуры и условий исследования фактов нарушения МГП Международной комиссией по установлению фактов;
- определение целесообразности создания международной системы объективизации событий, связанных с использованием ИКТ в ходе вооруженных конфликтов, для создания условий выполнения задач, возложенных на Международную комиссию по установлению фактов.

¹⁶ <http://www.globalaffairs.ru/number/Igra-pro-pravila-17640>, Россия в глобальной политике

¹⁷ "Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года" (утв. Президентом РФ 24.07.2013 N Пр-1753)

Закрепление соответствующих правовых новаций по каждому из выделенных направлений в универсальных международных договорах будет способствовать выполнению задачи обеспечения применимости норм международного права к использованию ИКТ на основе принципа суверенного равенства, укреплению общего понимания в целях повышения стабильности и безопасности в глобальном киберпространстве, формированию единообразной практики применения МГП к вооруженным конфликтам в киберпространстве, а также методики оценки правомерности использования ИКТ в качестве средства вооруженного насилия в ходе военных действий в «традиционных» сферах применения.

В условиях глобализации информационных систем без подключения к мировому информационному пространству любую страну ожидает экономическое прозябание. Следует отчетливо представлять себе, что уже по геополитическим причинам участие России в международных системах телекоммуникаций и информационного обмена невозможно без комплексного решения проблем информационной безопасности.

Следовательно, необходимо международное сотрудничество, ориентированное на разработку и принятие правовых положений и соглашений, обеспечивающих информационную безопасность в процессах трансграничного информационного обмена. Необходима активная поддержка деятельности различных международных групп, разрабатывающих и обсуждающих различные аспекты внутреннего и межгосударственного законодательства, международные стандарты и возможные области взаимных интересов стран в информационной сфере. В частности, должны быть определены и юридически закреплены меры международного характера, направленные на предотвращение и обеспечение ответственности за компьютерные преступления, за применение кибернетического оружия, использования кибератак. В целом такое направление соответствует и общей тенденции развития международного права, основной и, по сути, единственной целью которого является установления всеобщего режима международной безопасности.

В юридическом плане новая концепция безопасности должна предполагать развитие такой системы международного правопорядка, которая была бы основана на признании взаимозависимости современного мира, изменения понятия государственного суверенитета и служила бы нормативным выражением приоритета интересов безопасности над экономическими и политическими интересами, обеспечивала бы, в конечном счете, приват права в политике.

Эффективность международного права как права всеобъемлющей безопасности и коллективной ответственности государств перед человечеством предполагает конструктивное сотрудничество участников международного общения в решении двух основных задач. Первая из них связана с обеспечением функционирования того механизма поддержания мира, которым международное сообщество уже располагает, вторая — с выработкой новых правовых норм.

Список литературы:

1. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г. Утверждена Президентом Российской Федерации 24 июля 2013. №Пр-1753;
2. Доклады Группы правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (2010, 2013, 2015 гг.);
3. <http://ens.mil.ru/> «Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных сил Российской Федерации в информационном пространстве»;
4. Peacetime regime for state activities in Cyberspace. International Law, International relations, Diplomacy. NATO CCD COE Publication. Tallinn. 2013;
5. <https://m.gazeta.ru/business/2012/02/09/>, «Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности»;
6. http://www.perspektivy.info/book/mezhdunarodnye_dogovoronnosti_po_kiberprostranstvu_vozmozhen_li_konsensus_2013-10-24.htm, Международные договорённости по киберпространству:возможен ли консенсус? А.Бедрицкий;
7. <http://www.globalaffairs.ru/number/Igra-propravila-17640>, Россия в глобальной политике;
8. <http://www.oboznik.ru/?p=54277>, Международно-правовое регулирование кибератак;
9. https://studme.org/220979/sotsiologiya/dilemmu_kibervoyny, Дилеммы кибервойны;
10. <http://d-russia.ru/vojna-v-kiberprostranstve-uroki-i-vyvody-dlya-rossii.html/> Война в киберпространстве: Уроки и выводы для России, Ю. Николаев;
11. <http://отрасли-права.рф/> Специальные действия в киберпространстве и международное право, Демидов О.В;
12. <http://nvo.ng.ru/> Киберпространство и военные конфликты: доктринальные подходы к терминологии, Якушев М.В;
13. <http://nvo.ng.ru/> Кибервойна: осмысление понятий, Кандауров Д. Н.

Pchelintsev A.V.

doctor of law,
Professor «Department of Constitutional and administrative law»
Tambov state technical University

Sudorgina E.V.

candidate of law, associate
Professor Department of Constitutional and administrative law»
Tambov state technical University

Пчелинцев А.В.

д.ю.н.,
профессор кафедры «Конституционное и административное право»
Тамбовский государственный технический университет

Судоргина Е.В.,

к.ю.н.,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тамбовский государственный технический университет

TOPICAL ISSUES OF PERSONAL SAFETY OF JUDGES IN THE RUSSIAN FEDERATION

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Исследованы проблемы обеспечения безопасности судей. Рассмотрен порядок осуществления государственной защиты судей. Выявлены поводы и основания для рассмотрения вопроса о необходимости применения мер безопасности в отношении судей. Исследована правовая база, регламентирующая выдачу оружия судьям в качестве меры обеспечения их независимости и безопасности. Рассмотрены сложности во взаимодействии защищаемого лица (судьи) с органами государственной защиты.

Ключевые слова: судья, гарантии безопасности, угроза безопасности, правоохранительные органы, права, интересы.

Summary: Problems of safety of judges are investigated. The order of implementation of the state protection of judges is considered. The reasons and grounds for considering the need for security measures against judges have been identified. The legal framework regulating the issue of weapons to judges as a measure to ensure their independence and security has been studied. Difficulties in interaction of the protected person (judge) with state protection bodies are considered.

Keyword: judge, security guarantees, security threats, law enforcement, rights, interests.

Поступательное политическое, экономическое и социальное развитие Российской Федерации требует укрепления государства и судебной системы как гаранта законности и безопасности граждан. Ведущую роль в обеспечении верховенства закона в борьбе с преступностью играют судебная система, правоохранительные и контролирурующие органы.

Конституция Российской Федерации (ст. 45) гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, а равно обеспечивает состояние защищенности прав и законных интересов судей и присяжных заседателей, так как рассматриваемые преступления посягают, прежде всего, на государственную власть и порядок управления, а также жизнь, здоровье, имущество, подвергающееся незаконному воздействию в связи с профессиональной деятельностью указанной категорией лиц.

Как верно заметили Г.П. Афонькин, Т.В. Астишина, «в настоящее время проблема обеспечения безопасности судей, присяжных заседателей приобретает все большую актуальность в условиях роста особо тяжких преступлений, совершаемых в

связи с их служебной деятельностью. В целях уклонения от уголовной ответственности, подозреваемые, обвиняемые, подсудимые и иные заинтересованные лица готовы совершать в отношении них новые преступления, в том числе особо тяжкие» [1, с.76].

В последние годы нарушения установленного порядка деятельности судов принимают массовый характер. Имеются случаи нападения на судей и других работников суда при исполнении ими своих служебных обязанностей, в том числе уничтожения имущества судов, а также хищения из зданий судов. Органы полиции не обеспечивают поддержание порядка в судах и исполнение процессуальных поручений суда. Судейское сообщество обеспокоено сложившимся положением в обеспечении безопасности судей и охраны зданий (помещений) судов. Здания (помещения) судов часто не имеют охраны, отсутствуют стационарные металлообнаружители и не всегда в достаточной мере оборудованы охранно-пожарной сигнализацией.

Выполняя свой профессиональный долг, судьи все чаще становятся объектами не процессуального

взаимодействия сторон судопроизводства, их родственников или других лиц. Подчас такое взаимодействие трансформируется в имеющее признаки противоправного, или даже приобретает характер реальной угрозы жизни или здоровью судьи (его семьи).

Цель настоящей статьи - выявить актуальные проблемы личной безопасности судей на современном этапе и определить пути их преодоления.

Исследованием проблемы обеспечения безопасности судей занимались следующие авторы: Г.П. Афонькин, Т.В. Астишина, Р. А. Беленков, Н. Ильясов, Л. С. Митрюхина, А.В. Орлов, В.И. Радченко и другие.

Правовую основу деятельности по организации и осуществлению мер безопасности в отношении судей и присяжных заседателей составляют:

Федеральный закон от 20.04.1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее Федеральный закон № 45-ФЗ);

Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2004 г. № 900 «Об утверждении перечня категорий государственных и муниципальных служащих, подлежащих государственной защите»;

Постановление Правительства Российской Федерации № 890 «О порядке финансирования и материально-технического обеспечения мер государственной защиты, предусмотренных в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, денежное содержание которых осуществляется за счет средств Федерального бюджета» (далее Постановление Правительства № 890);

Постановление Правительства Российской Федерации от 27.10.2005 г. № 647 «О возмещении вреда судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов и членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью»;

Приказ МВД РФ от 21.03.2007 г. № 281 «Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких».

В соответствии со статьей 1 Федерального закона № 45-ФЗ обеспечение государственной защиты судей и присяжных заседателей заключается в осуществлении уполномоченными государственными органами предусмотренных законом мер безопасности, правовой и социальной защиты при наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество этих лиц в связи с их служебной деятельностью, а также членов их семей, на которые может оказываться влияние с целью недопущения законной деятельности субъектов государственной защиты.

В соответствии с настоящим Федеральным законом, судьи всех судов общей юрисдикции и арбитражные суды, арбитры, присяжные заседатели подлежат государственной защите.

Для обеспечения защиты жизни и здоровья защищаемых лиц и сохранности их имущества могут применяться следующие меры безопасности с учетом конкретных обстоятельств:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;
- 3) временное размещение в безопасном месте;
- 4) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;
- 5) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;
- 6) переселение на другое место жительства;
- 7) замена документов, изменение внешности.

За применение и осуществление мер безопасности в отношении судей (присяжных заседателей) отвечают органы внутренних дел.

Меры безопасности в отношении судей военных судов осуществляются также командованием соответствующей воинской части или начальником соответствующего военного учреждения.

Рассмотрим порядок осуществления государственной защиты судей и присяжных заседателей.

Основанием для обращения в целях рассмотрения вопроса об осуществлении государственной защиты в отношении судьи (присяжного заседателя) может быть:

а) применение насилия, не опасного для жизни и здоровья (в частности, побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо ограничением его свободы, в том числе связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и т.д., в связи с осуществлением лицом своих должностных обязанностей, в том числе осуществлением правосудия и предварительного следствия по уголовным делам, а равно производством исполнительских действий по вступившим в законную силу решениям суда);

б) активные действия, выражающиеся в создании опасной для жизни судей судов всех уровней, присяжных и арбитражных заседателей, прокуроров, следователей, лиц, производящих дознание, защитников, экспертов, судебных приставов, судебных исполнителей, сотрудников правоохранительных и контролирующих органов (или для жизни их близких) ситуации, с применением оружия, предметов, используемых в качестве оружия, отравления, поджога дома или служебного помещения (с заведомо находящимися внутри людьми), создание условий для дорожно-транспортного происшествия и др.;

в) устное, письменное или с использованием средств связи сообщение, а также доведение любым другим способом до сведения представителя власти (должностного лица) угрозы, содержащей намерение применить насилие в отношении него или его близких, в связи с осуществлением лицом

своих должностных обязанностей, в том числе осуществлением правосудия и предварительного следствия по уголовным делам, а равно производством исполнительских действий по вступившим в законную силу решениям суда.

Кроме того, поводом для рассмотрения вопроса о необходимости применения мер безопасности может служить информация, поступившая от председателя суда, о наличии угрозы возникновения лицом своих должностных обязанностей. При поступлении в территориальный орган МВД России заявления (обращения) или информации от председателя суда или руководителя соответствующего правоохранительного органа, в течение 3-х суток со дня его регистрации, будет инициировано проведение проверки на предмет установления достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы безопасности должностного лица.

По результатам проверки заявления (обращения) или информации будет принято одно из следующих решений:

- о применении мер безопасности в соответствии с Федеральным законом № 45-ФЗ, при установлении оснований для осуществления государственной защиты, предусмотренных статьей 13 Федерального закона;

- об отказе в применении мер государственной защиты в связи с: а) отсутствием реальной угрозы;
- угрозой, не связанной с исполнением служебных обязанностей.

При принятии решения о применении мер безопасности дальнейшая работа будет строиться в соответствии с действующим законодательством и ведомственными правовыми актами, регламентирующими данное направление деятельности. В случае отказа в применении мер безопасности данное решение может быть обжаловано в вышестоящем правоохранительном органе, прокуратуре либо в суде.

В ходе деятельности по обеспечению государственной защиты судей (присяжных заседателей) сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с рядом проблем. Среди них можно выделить следующее.

1. Сложности, связанные с финансовым обеспечением данной деятельности. Согласно Постановлению Правительства РФ № 890, обеспечение мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья судей и присяжных заседателей, а также сохранности их имущества, производится в соответствии с законодательством Российской Федерации за счет средств, выделяемых на содержание органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, таможенных органов, федеральных органов государственной охраны, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых предусмотрена военная служба.

В данной ситуации у подразделений, осуществляющих государственную защиту судей, отсутствует возможность планирования расходов, им приходится сталкиваться с конкуренцией иных оперативных подразделений при распределении де-

нежных средств. Необходимо заметить, что обеспечение безопасности лиц, указанных в Федеральном законе от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ, осуществляется за счет Государственной программы обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [2, с.1]. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразным является изменить источник финансирования государственной защиты судей (присяжных заседателей), например, предусмотрев эти расходы в рамках вышеуказанной программы.

2. Остается актуальной проблема выполнения судьями требований органов, осуществляющих государственную защиту.

Согласно ст. 14 Федерального закона № 45-ФЗ, защищаемому лицу могут быть даны определенные предписания, соблюдение которых необходимо для его безопасности, в ст. 17 указано, что защищаемое лицо обязано, в том числе, выполнять законные требования органа, обеспечивающего безопасность. В то же время судья обладает специальным статусом, предусмотренным законодательством. Особенности правового положения судьи, его статус обеспечиваются государственными гарантиями его независимости, которые включают: определенные законом процедуры осуществления правосудия; несменяемость судьи; порядок приостановления и прекращения полномочий и его право на отставку; неприкосновенность судьи и др.

В связи с этим на практике возникают определенные сложности во взаимодействии защищаемого лица с органами государственной защиты.

Судья – гражданин с особым правовым статусом и носитель судебной власти от лица суда, входящего в судебную систему Российской Федерации. Он публично руководит поведением людей, непосредственно применяя при этом определенные санкции к тем, кто нарушает правовые нормы, и в виде справедливых решений и оценок, изложенных в судебных актах, поощряет законопослушных граждан.

Правое положение основной фигуры правосудия – судьи является важнейшим фактором в деятельности суда как органа государственной власти. Остро вставший вопрос о личности носителя судебной власти в последние годы не случаен. Это связано с тем, что Россия находится в интенсивной стадии социальных трансформаций, что продиктовано состоянием нестабильного российского общества. Вследствие этого в последнее время в России возрос престиж представителей органов государственной и, что особенно важно, судебной власти. А это, в свою очередь, налагает на носителя судебной власти особую ответственность за свои решения, мысли, действия, поступки. Судьи должны осознавать, что их роль в государстве сравнима с человеческой совестью, поскольку они обязаны разбираться в сложнейших конфликтах и при этом, опираясь на законы и свои внутренние человеческие убеждения приводить отношения противоборствующих сторон к норме.

В момент вступления в должность судьи человек пересекает границы обычного гражданского состояния, вступает в иное измерение своей жизни. Законодательством о судебной власти установлен

особый правовой режим не только профессиональной деятельности судьи, но и всего жизненного уклада лица, облаченного судебскими полномочиями. Вместе с тем, недостаточным образом исследован конституционно-правовой аспект принципа независимости судей, особенно в части изучения его места в системе других конституционных принципов правосудия.

Правовая база, регламентирующая выдачу оружия судьям в качестве меры обеспечения их независимости и безопасности, характеризуется неоднородностью и недостаточной проработанностью [3, с. 45]. Так, в последнее время в отдел организационно-правового обеспечения деятельности судов поступают вопросы, связанные с изданием приказа о закреплении за судьей служебного оружия. Следует пояснить, что к компетенции Управления Судебного департамента в субъекте РФ не относится издание таких приказов. Управление не вправе закрепить за судьей служебное оружие, поскольку действующее законодательство не наделяет Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации либо его территориальные органы полномочиями по определению порядка выдачи судьям служебного оружия [4, с.1]. Данный вопрос основан на неправильном применении органами внутренних дел к судьям Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче юридическому лицу с особыми уставными задачами разрешения на хранение и ношение служебного оружия и патронов к нему (утвержден Приказом МВД России от 19.06.2012 г. № 609).

Согласно пункту 9.1 указанного регламента, для получения (продления срока действия) разрешения заявитель представляет в подразделение лицензионно-разрешительной работы, выдавшее разрешение на хранение и использование оружия и патронов к нему, заявление (приложение № 2 к Административному регламенту) и документы, подтверждающие получение согласия лиц, не являющихся заявителем, на обработку персональных данных (при наличии). К заявлению прилагаются, помимо прочего, копия приказа руководителя юридического лица о персональном закреплении оружия за работниками; список работников, за которыми закреплено оружие (приложение № 3 к Административному регламенту). Обратим внимание на то, что единственным специализированным нормативным правовым актом, применяемым к судье по данному вопросу, является Порядок выдачи служебного оружия судьям, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 06.12.2012 г. № 1267.

Относительно предусмотренной Порядком подачи судьей заявления для получения разрешения на хранение и ношение служебного оружия Верховный Суд РФ разъяснил [5, с. 1], что это обусловлено тем, что право на хранение и ношение такого

оружия может быть реализовано судьей исключительно на основании его волеизъявления, что непосредственно следует из пункта 2 статьи 9 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Таким образом, для получения служебного оружия не требуется (и, исходя из действующего нормативного регулирования, требоваться не может) издание Управлением Судебного департамента приказа о закреплении за судьей служебного оружия.

При наличии препятствий в вопросе получения служебного оружия следует рекомендовать судьям ставить в известность отдел организационно-правового обеспечения деятельности судов и делопроизводства Управления Судебного департамента для организации контактного взаимодействия с органами внутренних дел и разъяснительной работы с последними относительно особенностей правового статуса судьи для целей выдачи служебного оружия.

Суды, помимо законодательства, также нуждаются в справочных документах. Независимость правосудия, хотя и лишает судей каких-либо руководящих указаний, не препятствует предоставлению научных и практических консультаций более квалифицированными и опытными юристами. И современная юридическая наука призвана сыграть здесь особенно важную роль. Изучая социальные явления и процессы, ученые стремятся сформировать выводы и обобщения, которые носят не временный, а долгосрочный характер. Доктрина правового статуса судей и ее связь с законом направлена на разъяснение тенденций развития законодательства и правоприменения, правильное толкование конституционно-правовых норм, уточнение взаимосвязи общественной жизни и ее правового регулирования.

Список литературы

1. Афонькин Г.П., Астишина Т.В. Правовые, организационные и тактические вопросы обеспечения оперативными подразделениями органов внутренних дел государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролируемых органов: учеб.-практ. пособие. - Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. - С. 76-103.

2. Определение Верховного Суда РФ от 17.07.2012 № АПЛ12-368 // Текст определения официально опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

3. Орлов А.В. Правовое регулирование обеспечения оружием как гарантия независимости и безопасности судей в Российской Федерации // Судья. – 2015. – № 2. – С. 45-49.

4. Определение Верховного Суда РФ от 17.07.2012 № АПЛ12-368 // Текст определения официально опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

5. Решение Верховного Суда РФ от 30.03.2012 № АКПИ12-98 // Текст определения официально опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

#12 (40), 2018 część 3
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#12 (40), 2018 part 3
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>